

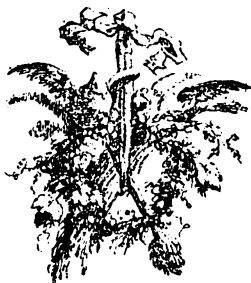
Д Ъ Т С К О Е

Ч Т Е Н И Е

Д Л Я

С Е Р Д Ц А и Р А З У М А

Ч А С Т Ь VI.

М О С К В А ,

Въ Университетской Типографіи ,

у Н. Новикова ,

1786.

I.

Дѣв пастушескія повѣсти.

I.

Меналкъ и Алексисъ.

Меналкъ былъ старъ; уже восемьдесятъ лѣтъ жилъ онъ на свѣтѣ; волосы на головѣ и борода его были бѣлы, какъ снѣгъ, и посохъ служилъ помощію ослабѣвшимъ его ногамъ. Подобно тому, какъ работникъ послѣ трудовъ, въ жаркой лѣтней день понесенныхъ, наслаждается вечернею прохладою, благодаритъ боговъ и ожидаетъ пихаго сна, такъ и старость Меналкова посвящена была богамъ и покойствію; ибо онъ прежде шрудился и дѣлалъ добро, тогда жь спокойно и радостно готовился заснуть во гробѣ. Онъ отдалъ дѣтямъ своимъ большія спада и прекрасныя луга, и видѣлъ на нихъ благословеніе. Дѣти съ нѣжною ревностію старались превзойти другъ друга въ томъ, кто больше обрадуетъ добродѣтельнаго старца, кто лучше заглашитъ ему за

отеческое попеченіе, какое онѣ имѣлъ о нихъ, когда они еще молоды были; а ша- кой ревности боги никогда безъ награ- жденія не оставляютъ. Часто сидѣлъ Меналкѣ у дверей шалаша своего, откуда могъ онѣ осматривать пространные свои сады и полевою работу; иногда съ дружелюбною говорливостію оспанавли- валъ онѣ прохожаго, и слушалъ, что происходитъ въ сосѣдствѣ, либо навѣды- вался о новостяхъ и обычаяхъ странъ оп- даленныхъ. Но пріятели всѣхъ были для него тѣ часы, которые проводилъ онѣ со своими внуками. Онѣ рѣшилъ малыя ихъ споры, и училъ ихъ быть благодѣтель- ными, уступчивыми и жалосливыми къ людямъ и ко всѣмъ живымъ тварямъ; показывалъ имъ разныя игры, и при томъ давалъ имъ пріяныя наставленія. Самъ онѣ дѣлалъ для нихъ игрушки; тогда онѣ цѣловали его и вокругъ его прыгали отъ радости. Онѣ училъ ихъ дѣлать свирѣли, и заставлялъ маленькихъ пѣть пастушескія пѣсни, а большихъ играть на свирѣли; либо рассказывалъ онѣ имъ поучительныя повѣсти, и тогда онѣ си- дѣли около его и слушали внимателью.

Нѣкогда сидѣлъ онѣ на обыкновен- номъ съсѣмъ мѣстѣ. Алексисъ, вкусъ его, сносилъ

ешоялъ подлѣ него. Молодой Алексисъ принапцать уже разѣ видѣлъ возвращающуюся весну; румянецъ здоровой молодости игралъ на щекахъ его, и золоту подобныя волосы его вились кудрями. Меналкѣ говорилъ съ нимъ о пріятности дѣлать другимъ добро и помогать въ нуждѣ; рассказывалъ, что никакое удовольствіе не можешъ сравниться съ тѣмъ, что чувствуешь сдѣлавши доброе дѣло. „Прекрасное восхождение солнца, вечерняя заря, полной мѣсяцъ въ ясной ночи также наполняющіе сердце наше удовольствіемъ, говорилъ онъ: „но по удовольствію, сынъ мой! по удовольствію еще уладительнѣе „ Слезы попекли изъ глазъ у прекраснаго юноши. Меналкѣ восхищался видя слезы сіи. „Ты плачешь, сынъ мой, сказалъ онъ, смотря на своего внука съ ласковою улыбкою: „но не одни слова мои плакашь тебя заснавлиющіе; вѣрно есть нѣчто въ сердцѣ швоемъ, что придаешъ имъ такую силу.

Алексисъ оширалъ слезы съ лица своего, но онъ печь не пересказали. „Ахъ! говорилъ онъ: „я чувствую, что нѣтъ ничего пріятнѣе, какъ другимъ добро дѣлать. „

Меналькѣ, будучи пронутѣ, пожималъ руку юноши и говорилъ ему; „по лицу швоему, по глазамъ швоимъ примѣчаю, что тебя прогаешъ нѣчто кромѣ того, что я тебѣ говорилъ.“

Юноша отвѣчалъ, пошупивъ глаза свои: „развѣ однихъ словъ швоихъ не довольно, чтобѣ лицо мое окропилось слезами, какъ бы росою?“

„Я вижу, сынъ мой! сказалъ Меналькѣ: „вижу, что ты скрываешь нѣчто отъ меня, можешъ быть еще въ первой разѣ скрываешь нѣчто, чѣмъ сердце швое пронуто,

„Нѣтъ, сказалъ Алексисъ, я расскажу тебѣ все, что я скрыть хотѣлъ. Тотъ не совсѣмъ добръ, кто добромъ своимъ хвалится — такъ самъ ты меня училъ; и для того-то хотѣлъ я скрыть, чѣмъ сердце мое пронуто и отъ чего я чувствую, что нѣтъ ничего радостнѣе въ жизни, какъ добро дѣлать. — Заблудилась овца изъ нашего спада. Я пошелъ на горы искать ее, и услышалъ тамъ жалостной голосъ. Подошедши туда, откуда слышанъ былъ голосъ, увидѣлъ я престарелаго челоуѣка. Онъ снялъ съ плечъ своихъ тяжелую ношу и положилъ ее на сухую землю. „Не могу ип-

„ши далѣе, говорилъ онъ. „Тягостна
 „жизнь моя, и нѣтъ награды за труды
 „мои, кромѣ скуднаго пропитанія. Дав-
 „но уже хожу я на жару съ тяжелою
 „моею ношею, и не могу найти исщоч-
 „ника, чшобы утолишь мучишель-
 „ную жажду, не могу найти ни одного
 „дерева съ плодами, чшобѣ утолишь го-
 „лодѣ. О боги! вокругъ себя вижу поль-
 „ко пустыню; не вижу никакой пропин-
 „ки, которая привела бы меня къ моему
 „семейству, а колеблющіяся ноги далѣе
 „неси меня уже не могутъ. Но я не
 „ропщу на васъ, о боги! вы всегда мнѣ
 „помогали. „ — Такъ говорилъ онъ, и
 „обезсилѣвши легъ на свою ношу. Онъ не
 „видалъ меня. Я побѣжалъ къ нашему
 „шалашу, набралъ корзинку сушеныхъ и
 „свѣжихъ плодовъ, взялъ самой большой
 „сосудъ съ молокомъ, какой у меня былъ,
 „и побѣжалъ какъ можно скорѣе назадъ
 „къ престарелому человѣку. Онъ лежалъ
 „еще памѣ и спалъ. Подошедши къ нему
 „пошихоньку, поставилъ я подлѣ него кор-
 „зинку съ плодами и сосудъ съ молокомъ,
 „спрятался въ кустарникъ и смотрѣлъ на
 „него. Онъ скоро проснулся, и говорилъ
 „посмотрѣвши на свою ношу: „какъ усла-
 „дипеленъ сонъ! Ноша моя служила мнѣ

„ вмѣсто поспели. Пойду теперь далѣе.
 „ Можешь быть милосливые боги помогуть
 „ мнѣ выйти изъ этой пустыни, и я услы-
 „ шу гдѣнибудь журчаніе источника; мо-
 „ жешь быть найду я какованибудь доб-
 „ рова челоуѣка, которой приметъ меня
 „ въ свой шалащъ. „ По томъ хотѣлъ онъ
 „ поднять ношу свою на плеча, и увидѣлъ
 „ корзинку и сосудъ съ молокомъ. Ноша
 „ выпала изъ рукъ его. „ Боги! что я
 „ вижу? „ вскричалъ онъ. „ Ахъ! я сплю,
 „ и мнѣ голодному снится, будто я вижу
 „ пищу; проснувшись, найду что это мѣч-
 „ та пустая. — Но нѣтъ, я не сплю.
 „ (Онъ принялся за плоды.) Какое божес-
 „ ство сдѣлало для меня такое чудо? щед-
 „ рое божество! прійми, прійми мою благо-
 „ дарность; она все сердце мое наполня-
 „ етъ. „ Такъ говорилъ престарелой чело-
 „ уѣкъ; радостныя слезы текли изъ глазъ
 „ его; онъ сѣлъ и началъ ѣсть плоды. На-
 „ сытившись всталъ онъ и благодарилъ еще
 „ божеству, которое о немъ пеклось. „
 „ Можешь быть, сказалъ онъ, боги приве-
 „ ли сюда какованибудь благодѣтельнаго
 „ челоуѣка. Ахъ! для чего я не вижу и не
 „ могу обнять его? Гдѣ ты, кому я благо-
 „ дарить долженъ? Боги благословили его!
 „ благословили этого добродѣтельнаго че-
 „ ловѣка

„ ловѣка и все его семейство! благослови-
 „ те все, что онѣ своимъ называетъ! —
 „ Я насытился, а остальное возьму съ
 „ собою; пусть жена и дѣти мои также
 „ наслаждаясь этими плодами; пусть и
 „ онѣ благословляютъ незнакомаго моего
 „ благодѣтеля. — Онѣ пошелъ, а я
 забѣжалъ впередъ между кусшарникомъ и
 сѣлъ на шакомъ мѣстѣ, мимо котораго
 ему неопшѣнно проходить было должно.
 Дошедши до меня, сказалъ онѣ: „ Послу-
 шай, сынѣ мой! скажи мнѣ, не видалъ ли
 ты здѣсь когонибудь, кто бы несъ кор-
 зинку съ плодами и сосудъ съ моло-
 комъ? „ — Нѣтъ, говорилъ я, никого
 не видалъ. Но скажи ты мнѣ, какъ ты
 зашелъ въ эту пустыню? Не ведетъ сюда
 никакая дорога; вѣрно ты заблудился.
 — „ Да, сынѣ мой, отвѣчалъ онѣ:
 „ я заблудился и умеръ бы отъ голо-
 ду и жажды, если бы милоспивые
 боги, или какойнибудь благодѣтельной
 смершной, меня не избавили. „ — Оп-
 дай мнѣ свою ношу, сказалъ я, и поиди
 за мною, я укажу тебѣ дорогу. Долго
 онѣ опшговаривался, но наконецъ согласи-
 лся опдать мнѣ свою ношу, и я несъ ее,
 пока вывелъ его на дорогу. — Въспъ что
 я сдѣлалъ; маловажно мое дѣло и мало

споило мнѣ труда, однако жъ я радуюсь, когда о немъ вспоминаю. Какъ же долженъ быть щасливъ тотъ, кто много добра сдѣлалъ! „

Меналкъ обнялъ добраго своего внука. „Спокойно и радостно, говорилъ онъ, сойду я во гробъ; я оставляю добродѣтель и благочестіе въ моемъ семействѣ. „

2.

Аминтъ.

Рано по утру бѣдной Аминтъ шелъ изъ густой рощи; топоръ былъ у него въ рукѣ. Онъ нарубилъ себѣ колья, чтобъ сдѣлать заборъ, и несъ ихъ на плечъ изгибаясь подъ тягостью. Идучи увидѣлъ онъ молодой дубъ, стоящій подлѣ быстраго ручья; ручай подмылъ его корень, и дерево готово было упасть. „Жалко бы было, говорилъ Аминтъ, естли бы ты, дерево, упало въ быстрой ручай. Нѣтъ! волны его не будутъ играть своєю вершиною. „ Онъ сбросилъ тяжелыя колья съ плеча. „Я могу еще нарубить себѣ колья, сказалъ онъ, и началъ дѣлать около молодова дуба крѣпкую площадку и накончалъ свѣжей земли. Сдѣлавши площадку и покрывши обнаженные корни свѣ-

евѣжею землю, Аминтѣ взялъ свой попорѣ и хопѣлъ ипши въ рощу, чтобѣ еще нарубить себѣ кольевѣ. Но Дриада (*) вскричала ему изѣ дуба пріятнымъ голосомъ: „опущу ли я тебя безѣ награжденія, доброй паспухѣ! Скажи, чего ты желаешь? Я знаю, что ты бѣденѣ и полько пять овецѣ выводишь на паспву.“ — „О Нимфа! отвѣчалѣ бѣдной паспухѣ; „Еспѣли хочешь ты меня наградишь, по возврапи здоровье сосѣду моему Палемону; онѣ боленѣ уже сѣ самой жашвы.

Вопѣ чего просилѣ доброй Аминтѣ, и Палемонѣ выздоровѣлъ. Но Аминтѣ увидѣлъ великое благословеніе на своемѣ спадѣ и на своихѣ деревьяхѣ, и сдѣлался богатымѣ паспухомѣ, по тому, что боги добрыхѣ людей безѣ награжденія не оставяющѣ.

II.

О благодарности.

Между всѣми добродѣтелями благодарность кажешся самою легкою и пріятнѣй-

(*) Язычники думали, будпо во всякомѣ дубѣ живетѣ Нимфа, которая вмѣстѣ сѣ деревомѣ родится и умираетѣ. Сихѣ Нимфѣ называли они Дриадами.

нѣйшею въ исполненіи. При всѣхъ другімъ добродѣтелямъ должны мы дѣлать себѣ болѣе или менѣе принужденія, пока не дойдемъ въ нихъ до надлежащаго навыка, по тому, что имъ пропившихся либо какія нибудь страсти, либо лѣносность наша. Напримѣръ, щедрости пропившихся скупость, умеренности сластолюбіе, опрятности робость, скромности недовольствіе своимъ съ соединеніемъ, великодушію пропившихся гнѣвъ. Но чувствованіе благодарности, которая состоитъ въ томъ, чтобы мы помнили полученныя нами благодѣянія, любили нашихъ благодѣтелей и не только желали бы имъ добра, но и старались бы при всякомъ случаѣ заплатить имъ своими услугами — это чувствованіе кажется столь свойственнымъ нашему сердцу, что удивляться должно, какъ люди неблагодарными бытъ могутъ, и неблагодарность по справедливости почитается однимъ изъ самыхъ величайшихъ пороковъ.

Въ древней исторіи находится примѣръ удивительной неблагодарности, оказанной однимъ воиномъ, котораго Македонской царь Филиппъ весьма любилъ за его храбрость. Сему воину случилось некогда несчастіе претерпѣть кораблекрушеніе;

ніе; онъ выброшенъ былъ волнами полу-
 мершвой на берегъ. Въ такомъ состояніи
 нашель его одинъ добросердечной деревен-
 ской житель и сжалившись надъ нимъ
 отвезъ его въ свой домъ, пекся о немъ
 весьма рачительно и снабжалъ его всемъ,
 что ему было по потребно. Спасенной отъ
 смерти воинъ увѣрялъ своего избавителя,
 что онъ никогда не позабудетъ его благо-
 дѣянія, и обѣщаль ему выпросить у царя
 богатое за шо награжденіе. Оправившись
 совершенно, проспидся онъ съ добросер-
 дечнымъ своимъ хозяиномъ, кошорой су-
 дилъ еще его деньгами на дорогу. Пред-
 ставленъ будучи царю, рассказалъ онъ
 о своемъ несчастіи и выхвалялъ прежнія
 свои заслуги. Царь хотѣлъ наградить
 его и спросилъ, чего онъ себѣ желаетъ?
 Подлецъ вспомнилъ о прекрасномъ по-
 мѣщенъ великодушнаго своего избавителя,
 кошорому онъ и тогда уже завидовалъ,
 когда еще жилъ у него. Онъ просилъ
 царя, чтобъ ему опдано было это по-
 мѣщенъе. Филиппъ исполнилъ его прозьбу.
 Честной хозяинъ выгнанъ былъ изъ сво-
 его владѣнія и лишенъ всѣхъ плодовъ сво-
 его трудолюбія. Огорченной споль вели-
 кою несправедливостію, послалъ онъ къ
 царю письмо, въ кошоромъ описалъ весь-
 ма

ма прогашельно поступокъ свой съ пѣмъ
человѣкомъ, копорой погда имѣніе его
себѣ присвоилъ. Царь, прочитавши сіе
письмо, весьма разгнѣвался, приказалъ
немедленно возвратишь доброму человѣку
его помѣстье, а неблагодарнаго жестоко
наказашъ и выжечь ему на лбу слова оз-
начающія его преступленіе.

Совѣмъ прошивной сему примѣръ
разсказываетъ Іудейской историкъ Іосифъ
о Агриппѣ, своемъ единомысльцѣ. Сей Агрип-
па веденъ будучи Римскими солдатами
въ темницу, помился жаждою, ибо погда
былъ весьма жаркой день. По случаю
вспрѣвился съ нимъ одинъ невольникъ;
копорой несъ свѣжую воду въ сосудъ;
Агриппа просилъ его, чтобъ онъ далъ ему
напиться, и невольникъ съ охотою по-
далъ ему свой сосудъ. Въ послѣдствіи
обшолшельства Агриппины перемѣнились;
онъ сдѣлался царемъ. Въ семъ состояніи
вспомнилъ онъ о чевольникѣ, копорой сдѣ-
лалъ ему нѣкогда услугу, приказалъ сыс-
кать его, выкупилъ изъ неволи, опредѣ-
лилъ къ значной должности, и даже при
смерши завѣщалъ своимъ дѣтьямъ, чтобъ
онъ никогда не забывали дѣлать ему доб-
ро. Дѣти исполняли завѣщаніе опцово,
и

и бывшій невольникъ во всю жизнь свою пользовался ихъ любовію и почщеніемъ.

Не правда ли, что неблагодарность поддова человѣка, кошорой могъ сдѣлать зло своему благодѣтелю, кажется столько же непонятною, сколько благодарность Агриппы кажется естественною и свойственною доброму человѣку?

Сколь легкою сія добродѣтель кажется въ исполненіи, столь же она и пріятна. Воспомявая полученныя нами благодѣянія, мы какъ бы въ другой разъ ихъ получаемъ и наслаждаемся при томъ удовольствіемъ. Благодарность связана бываетъ съ любовію къ тому человѣку, кошорой намъ добро сдѣлалъ; а любовь есть источникъ удовольствія. Какая радость, когда мы находимъ случай опплатить также добромъ тому, кого мы любимъ и отъ кого мы добро получили, или по крайней мѣрѣ докажемъ ему, что мы охотно бы то сдѣлали, если бы только могли!

Благополучна земля пишающая благодарныхъ гражданъ! благополучны родители, воспитывающіе благодарныхъ дѣтей! Подобно хорошо обработанному полю, возвращающъ они съ избыткомъ сѣмяна, благодѣтельно рукою въ сердцахъ ихъ

посѣянныя ; справедливость и челоуѣколю-
біе и всякая добродѣшель процвѣшущѣ въ
нихъ ; миръ и согласіе будущѣ между
ими обиташь. —

III.

Угръ и змѣя. Басня.

„ Посмотри на меня , говорила змѣя
угрю : „ не удивительно ли какъ я пре-
красна ? Видалъ ли ты когда нибудь ко-
жу , такъ прекрасно расписанную и ша-
кую гладкую ? Правда , и швоя кожа глад-
ка ; однакожь моя и гладка и красива. „

„ Въ самомъ дѣлѣ , спросилъ угръ ,
я не такъ красивъ , какъ ты , а только
гладокъ ? Но отъ чего эшо происходитъ ,
чшо швоя красота всякому отвращитель-
на , и чшо люди увидѣвши въ правѣ пе-
спрую швою кожу , пугающся и бѣгающъ ? „

„ Бѣгающъ ? сказала красивая змѣя :
„ а для чего эшо ? Я не знаю. „

„ А я эшо знаю , отвѣчалъ угръ , и
люди также знаютъ . Снаружи ты блес-
пишь , но внутри у тебя ядъ и желчь .

ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ.

IV.

Разговоръ о здоровьѣ.

Здоровье по справедливости почитается самымъ лучшимъ добромъ въ жизни, когда говорится только о земныхъ и временныхъ благахъ. Правда, что душевныя блага, на примѣръ, чистота и спокойствіе совѣсти, которыя можно назвать душевнымъ здоровьемъ, гораздо ему предпочтительнѣе. Но мы говоримъ теперь о благахъ земныхъ. Честь, красота, богатство безъ здоровья не могутъ назваться счастьемъ. Къ тому же и душа наша имѣетъ такую тѣсную связь съ тѣломъ, что ея состояніе по большей части зависитъ отъ состоянія тѣла. Когда страдаетъ тѣло, тогда и душа страдаетъ. Разумъ, который въ другое время охотно занимается размышленіемъ, пріятнымъ чтеніемъ, либо полезными и пріятными разговорами, тогда какъ бы оспанавливается, или думаетъ только о своей болѣзни и вымышляетъ способы

не къ облегченію , но еще къ увеличенію своего сшраданія. Сообщество , удобное впрочемъ къ услажденію всякихъ непріяпностей , тогда представляется намъ въ черномъ видѣ ; друзья спарающіеся насъ развеселишь , бываяшъ намъ прошивны , мы принимаемъ шушки ихъ за насмѣшку надъ нашимъ спраданіемъ. Сердце бываетъ неспособно къ хорошимъ чувствованіямъ. Красота напуры щещно представляеть намъ свои сокровища. Мы не довольствуемся шѣмъ , чшобъ бышь къ нимъ нечувствивительными ; но еще и досадуемъ на шо , что все такъ , а не иначе : днемъ желаемъ ночи , весною зимы ; ночью жъ желаемъ дня , а зимою весны.

Нѣкогда Лизанька занемогла лихорадкою. Неприсянное приключеніе ! а особливо для молодой дѣвушки , копорая не испытала еще различія между продолжительною болѣзнію и здоровымъ состояніемъ , а по тому и не удивительно , что она сносила болѣзнь свою неперпѣливо. Прежде любила она , чшобы всѣ окна въ ея комнашъ усшавлены были цвѣтами ; но тогда запахъ всякаго цвѣпка былъ для нея несносенъ. Самое лучшее кушанье такъ ей было прошивно , что она и слышашъ о немъ не хотѣла. Она любилъ

смѣ-

смѣялась вмѣстѣ со своими пріятельницами; тогда жь и самые шикіе ихъ разговоры ее безпокоили, и она припворялась, будто засыпаетъ, для того только, чтобъ онѣ поскорѣе отъ нея уходили. Короче сказать, она на всѣхъ за все досадовала, а больше еще досадовала на самое себя.

Оправившись послѣ болѣзни, она сама дивилась своимъ чувствованіямъ, какія она тогда имѣла и вдвое живѣе чувствовала пріятность и цѣну здоровья, нежели прежде. — Въ самомъ дѣлѣ надобно знать изъ опыта разность состоянія здороваго и больнаго человѣка, дабы судить о томъ справедливо. Молодые люди по большей части наслаждаются еще первымъ благополучнымъ состояніемъ, для того, что здоровье есть соупникъ молодости. Подъ надзираніемъ родителей, либо другихъ благоразумныхъ людей, мучительныя заботы, излишнее напряженіе силъ въ трудахъ и неумѣренность не ослабляютъ еще ихъ силъ и не навлекаютъ имъ тяжкихъ и скучныхъ болѣзней; изъ рукъ же природы выходимъ мы всегда здоровыми, ежли болѣзнь не доспается намъ отъ родителей (какъ-то по несчастію иногда случается), либо ежли не

преперпѣваемъ какова нибудь вреда отъ неосшорожности и небреженія кормилицъ и нянекъ, или не бываемъ избѣжены лишнею попечительностію. — Но сколь велико благополучіе имѣть сего пріятнаго соупшника молодости, столь же и легкомысленно молодые люди съ нимъ поступаютъ, и столь же мало стараются сохранять его.

„ Я поручусь въ помѣ, что ты сама виновата въ своей болѣзни, говорилъ Лизанькѣ отецъ ея.

„ Сама я виновата? „ ошвѣчала она:
„ какъ это могло спашься? „

Отець. Ты можешь это знать лучше меня. Есльли бы ты хопя мало примѣчала, по легко бы почувспвовала въ себѣ перемѣну здоровья. Но я расскажу тебѣ нѣкопорые случаи, въ копорыхъ ты и другіе такіе жь, какъ ты, молодые люди сами здоровьемъ своему вредъ дѣлаютъ. — Когда ты много ходишь и разгорячишься, съ какою неперпѣливостію, пришедши въ свою комнапу, стараешься поскорѣе раздѣшься! или какъ спѣшишь ты пипь холодную воду! — Или помнишь ли ты, какъ я, недавно, не за долго до швоей болѣзни, вошелъ въ швою комнапу; ты сидѣла тогда

у окошка ; всѣ окна и всѣ двери были расворены , и вездѣ проходилъ сквозной вѣтеръ . Когда жъ я вошедши зашворилъ дверь за собою , ты говорила мнѣ : „ ахъ , бапюшка ! на что вы дверь зашворили ? развѣ вы не чувствуете , какъ пріятно вѣтеръ продувается ? „ — Этова-по я и не хочу , чпобѣ онѣ продувалъ , ошвѣчалъ я тебѣ : ты можешь послѣ за плашипъ за эту пріятпость болѣзнію , и я боюсь , чпобѣ ты вскорѣ не выдержала лихорадки . — Чшо я тогда сказалъ , шо и вѣ самомъ дѣлѣ исполнилось .

Нѣшѣ ничего вреднѣе для здоровья , какъ съ большова жару вдругѣ переходить вѣ холодѣ . Поповыя сважины онѣ шого вдругѣ замыкающся , испареніе перестаетъ , скорое печеніе крови задерживается , и всѣмѣ пружинамѣ шѣла дѣлается насиліе . Я знаю много примѣровѣ , чшо молодые люди напившись вѣ жару чего нибудь холоднаго , или вышедши вдругѣ на спужу , не только подвергались болѣзнямѣ , но и умирали .

Другая погрѣшность , кошорою молодые люди часто вредяшѣ здоровью , естѣ неумѣренность вѣ пищѣ и пипьѣ . Хошя я не могу сказать о васѣ , дѣши мои , чшобѣ вы ѣли когда нибудѣ ме будучи

голодны, или пили безъ жажды; но естѣ шакія вещи, которыя вы опмѣнно любите, и въ кошорыхъ самимъ вамъ шрудно воздержашься, чшобѣ не нарушишь умѣренности; напримѣрѣ, молоко и плоды. —

Дѣти. Молоко и плоды? Вы сами иногда сказывали намъ, чшо молоко и плоды здоровѣе всякой другой пищи.

Отецъ. Эшо и правда. Натура сама приготавливаетъ ее для насъ, и по шому эша пища всякой другой здоровѣе; но шолько надобно всегда употребляшь ее съ умѣренностию и въ надлежащее время. Многіе изъ вашихъ сверстниковъ шакъ жадны къ плодамъ, чшо не могутъ дождашься пока онѣ поспѣютъ, и ѣдятъ незрѣлые плоды и зеленыя ягоды, какія шолько имъ подадутся; а эшо не можетъ имѣшь хорошихъ слѣдствій. Осенью обыкновенно бываетъ много болѣзней, особливо жъ между дѣшми и простымъ народомъ. Причиною шому по большей части простуда, незрѣлые плоды, либо излишнее ихъ употребленіе.

Третія погрѣшность, весьма обыкновенная между мальчиками, естѣ безрзсудная продерзость, съ какою они сами подвергаются разнымъ опасностямъ. Шпранно кажется, для чего малыя дѣшм
хва-

хващаются за ножи, ножницы, попоры, и другія шому подобныя вещи, которыми онѣ вредѣ себѣ сдѣлашь могутъ. Но эшо должно приписатьъ охотѣ подражать взрослымъ людямъ, которые употребляютъ такія вещи. Гораздо удивительнѣе шо, что рѣзвыя дѣти любятъ лазить и прыгать по такимъ вышинамъ и опаснымъ мѣстамъ, гдѣ онѣ весьма легко могутъ оступиться, а оступившись ушибиться до смерти.

Лизанька. Намъ не надобно далеко искать примѣра. Можетъ быть и здѣсь есть нѣкто (*смотря на Николая*) изъ такихъ смѣльчаковъ. Онѣ никогда не сходятъ порядочно съ лѣспницы, такъ, какъ другіе люди, а всегда прыгаетъ ступени черезъ двѣ или черезъ три. Вместе шого, чтобы взойти по лѣспницѣ вверхъ, онѣ любятъ лучше взлезать по периламъ.

Николай. Ты обо мнѣ говоришь. Однако я уже знаю, что дѣлаю; когда мнѣ захочется взобраться вверхъ по периламъ, шо я держусь за нихъ крѣпко и всегда осперегаюсь, чтобы не упасъ.

Отець. Оспорожность швоя хороша, но еще бы лучше было совсѣмъ оставить такія рыцарскія упражненія. Онѣ такъ

опасны, что невидимому дѣйствию Провидѣнія приписывать должно, когда онѣ никакова вреда не причиняютъ. На оспорожность свою полагаются не можно.

Будучи еще въ вашихъ лѣсахъ, жилъ я въ такомъ домѣ, при которомъ былъ садъ; изъ саду была дверь также въ садъ къ сосѣду. Сынъ нашего сосѣда былъ мнѣ пріятель и почти всякой день игралъ вмѣстѣ со мною. Онъ могъ бы всегда спокойно проходить ко мнѣ чрезъ дверь; однако жъ ему хотѣлось лучше перелезашъ чрезъ стѣну. Долго удавалось ему это благополучно; но наконецъ едва не лишился онъ опъ того жизни. Однажды по обыкновенію своему взлезъ онъ на стѣну и хотѣлъ спуститься на другую сторону, но кирпичи, за которые онъ держался, сорвались и онъ упалъ. По счастью случилось ему упасть на кучу взрытой земли, и шѣмъ-то онъ спасся, нсцарапавшись и потерявши нѣсколько зубовъ. — Другой также маленькой мой пріятель взлезъ на дерево, которое стояло надъ рѣкою, чтобы снять пшичье гнѣздо, упалъ въ воду и конечно бы утонулъ, естлибъ рыбаки въ лодкѣ не подоспѣли къ нему на помощь; а я не могъ ему ничѣмъ помочь, кромѣ моего крику

крику. — Много можно пересказывать такихъ примѣровъ рабческой дерзости, которыя имѣли еще гораздо худшія слѣдствія. И такъ, дѣти мои, когда вы бываете вмѣстѣ съ вашими сверстниками, которыя любящъ безразсудно подвергать опасности здоровье и жизнь свою, поспарайтесь ихъ уговаривать, а если они васъ не послушаются, то уходите отъ нихъ. Причиною такой дерзости по большей части бываетъ то, что дѣтямъ по глупости хочется сдѣлать что такое, чего другіе люди сдѣлать не могутъ, или сдѣлать чтонибудь иначе, нежели какъ то другія дѣлаютъ. Для того-то глупое дитя перепрыгиваетъ черезъ ровъ, вмѣсто того, чтобы перейти по мосту, либо перелезаетъ чрезъ стѣну или переходитъ по бревнамъ шуда, куда бы другой спокойно перешелъ по равному и безопасному мѣсту.

Алексѣй. На меня батюшка, не можно пожаловаться, чтобы я когданибудь дѣлалъ такія шалости. У меня голова вкругъ идетъ, когда я вижу, какъ другіе ихъ дѣлаютъ, либо когда только слышу о нихъ.

Отецъ. Правда, ты далеко отъ этого, но за то склоненъ къ другой

гой погрѣшности, которая не меньше' здоровью своему вредна бышь можешъ. Ты не дѣлаешь безразсудныхъ шалостей, свободенъ отъ неумѣренности въ пищу, однако жъ тебѣ хочеться заслужить похвалу своимъ знаніемъ. Это заспавляетъ тебя много сидѣть надъ книгами. Знаю я, что рѣдкіе изъ твоихъ сверстниковъ имѣють эту погрѣшность, и что молодыхъ людей по большей части нужно еще побуждать къ ученью, а не воздерживать; однако она все не заслуживаетъ одобренія, и естли бъ мы тебя не удерживали, то бы ты и нынѣ просиживалъ ночи, лишалъ себя нужнаго движенія, и шѣмъ разстроивалъ бы свое здоровье. Замѣшь это и помни особливо впредь, когда ты самъ будешь располагать свое время. Охота къ ученью весьма похвальна, естли ты не для того хочешь учиться, чтобы послѣ хвастать своимъ знаніемъ. Гораздо лучше знать немного и хорошо, нежели много безъ надлежащей пользы. Предметъ нашего знанія есть тошъ, чтобы споспѣшествовать нашему и другихъ людей совершенству; а неумѣренное ученье съ уронѣмъ здоровья рѣдко можешъ служить къ тому средствомъ. Неумѣренная прилѣжность сокращаетъ нашу

жизнь

жизнь, либо дѣлаешъ насъ наконецъ неспособными приносить пользу и себѣ и другимъ людямъ. Но я не хочу больше говорить объ этой погрѣшности, для того, что она очень немногимъ молодымъ людямъ свойственна.

Лизанька. Но что вы скажете о пакихъ, которые слишкомъ заботятся о своемъ здоровьи? Они кажутся мнѣ очень смѣшны. На примѣрѣ, молодая моя пріятельница А** когда хочешъ войти ко мнѣ въ комнату и увидишъ растворенное окошко, по кричишъ, чтобъ поскорѣе его зашворили, иначе жъ бы она проспудилась; она говоришъ, что самой тихой вѣперокъ для нее смертеленъ; у нее почти для всякой погоды особое платье.

Николай. А братъ ея зимою всегда одѣвается такъ тепло, какъ бы собирался въ дальнюю дорогу.

Лизанька. Другая моя пріятельница не смѣешъ ни за что приняться; она говоришъ, что ей все вредно, и для того мать ея безъ себя не позволяешъ ей ничего ѣсть и пить; дома жъ, какъ мнѣ сказывали, даюшъ ей кушанье вѣсомъ, а питье щипаюшъ каплями.

Отецъ. Въ самомъ дѣлѣ такая чрезмѣрная осторожность въ разсужденіи погоды и воздуха, пищи и питья, смѣшна. Она слу-

служить доказательствомъ, что умеренность и въ этомъ случаѣ, такъ же какъ почти и во всемъ, есть самое лучшее средство къ сохраненію здоровья. Провидѣніе даровало намъ такое шѣло, которое все сносить можетъ, еслии будетъ заблаговременно къ тому приучено. Кто хочетъ быть здоровымъ и крѣпкимъ, тому надобно привыкать сносить жаръ и спужу, вѣтръ и сырую погоду; иначе жъ въ самомъ дѣлѣ въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ все можетъ быть вредно. Посмотрите, что переносятъ тѣ люди, которые по своему соспоиію подвержены бывающъ разнымъ переменамъ погоды! Они точно такъ же соспава, какъ и мы, и только привычка съ молодыхъ лѣтъ сдѣлала ихъ столь крѣпкими. Вы знаете, какъ я старался приучать васъ къ тому, чтобъ вы не боялись непріятной погоды. Выходите на спужу въ легкомъ плащѣ и зябните, пошѣйте на солнечномъ жару, не бойтесь сильнаго дождя, и пусть сильной вѣтръ развѣваетъ ваши волосы, ходите по нѣскольку верстъ, даже до усталости: я похваляю васъ за то, еслии только будете вы наблюдать нужную осторожность, о которой мы прежде говорили. — Изнѣженные люди, которые ничего

чего выперпѣть не могутъ, почти ни къ чему въ свѣтѣ неспособны. Отъ всякой небольшой переменѣны погоды и отъ всякой необыкновенной имѣ пищи бывающѣ они больны. Тѣло ихъ ослабѣваетъ, а по большей части и душевныя силы также ослабѣвающѣ. Ихъ можно лучше назватъ подобіями человѣческими, а не людьми; они проводятъ всю жизнь въ безпре-
 спанной болѣзни, и сами себѣ и другимъ бывающѣ въ пягосѣ. Мнѣ очень жалко, когда я вижу дѣшей слишкомъ разборчивыхъ въ пищѣ и копорыя знаютъ уже, что одно кушанье для нихъ слишкомъ грубо, другое кисло-
 шу въ желудкѣ производитъ. Привыкнувши къ такой разборчивости, они будущѣ несчастны, естли со временемъ обспояшельства ихъ переменятся и они не въ соспояніи будутъ такъ нѣ-
 жисься, какъ прежде: неудовольствие и дѣйствительная болѣзнь будущѣ слѣд-
 ствіями такой переменны. — Правда, бывающѣ дѣши слабого сложенія, копо-
 рое шребуешѣ опмѣнной оспорожности въ разсужденіи погоды и пищи. Также весьма бы странно было, естли бы кто захотѣлъ пріучать своихъ дѣшей къ чему нибудь такому, что совсѣмъ прошивно чело-

человѣческому свойству. Однакожь много примѣровъ бывало, что дѣти, копорыя сперва казались слабаго и нѣжнаго сложения, мало по малу спановились здоровыми и крѣпкими людьми, опѣ того самаго, что имѣ не давали нѣжной пищи и понемногу приучали ихъ къ такимъ упражненіямъ, копорыя пребуюшъ силы и крѣпости. Напрошивъ того изо спа людей нѣжнаго воспитанія, едва ли можно найти одного съ хорошимъ здоровьемъ. — Въ древней Спартантской республикѣ Ефоры, или правители, собирали черезъ девять дней всѣхъ молодыхъ людей, свидѣтельствовали ихъ въ силѣ и крѣпости, и еспѣли въ комъ нибудь примѣчали слабость, то заставляли его укрѣпляющя упражненіемъ въ разныхъ шѣлдвиженіяхъ, либо запрещали ему упошребляшъ какую нибудь нѣжную пищу. Одинъ молодой человекъ, по имени Навклидъ, копораго мать нѣжила и кормила лакомствами, получилъ нѣкогда въ такомъ собраніи строгой выговоръ, и едва не выслали его изъ города.

*(Окончаніе сообщено будетъ
въ слѣдующемъ листѣ.)*

V.

Великодушное дѣло.

Престарелой отецъ раздѣлилъ еще при жизни своей богатое свое имѣніе шремъ сыновьямъ.

„У меня остался еще дорогой алмазъ, говорилъ старикъ: „я хочу отдать его тому изъ васъ, кто получитъ на него право посредствомъ какованибудь великодушнаго дѣла.

Сыновья раздѣхались въ разныя стороны и на путешествіи своемъ искали случаевъ оказать свое великодушіе, дабы получить право на дорогой алмазъ. — Чрезъ при мѣсяца возвратились они домой, и собрались къ отцу, рассказывать, что они сдѣлали.

„Послушайте, говорилъ старшій сынъ: „поспоронній человекъ поручилъ мнѣ свое имѣніе, не взявши съ меня росписки въ томъ, что я его принялъ. Я могъ бы легко удержать это имѣніе и обогатиться; однако жъ я все вѣрно ему возвратилъ. Скажите, не похвально ли это дѣло?

Ты сдѣлалъ то, сынъ мой, сказалъ отецъ, чего требуетъ должность отъ всякаго честнаго человека. Кто иначе дѣлаетъ, тотъ безчестной человекъ.

Дѣло

Дѣло швое хорошо ; однако я не вижу въ немъ великодушiя.

„ На пушешеспвиі моемъ , говорилъ другой сынъ , увидѣлъ я бѣднаго рабенка , кошорой по неоспорожчоспи упалъ въ озеро и вѣрно бы упонулъ . Но я выпашилъ его изъ воды и спасъ опъ смерпи . Цѣлая деревня можешъ эшо засвидѣтельствовать . „

Сынъ мой , опвѣчалъ ему спарикъ , ты сдѣлалъ шо , кѣ чему всѣ мы , какъ человекѣ , обязаны .

Младшiй брашъ рассказывалъ : „ нѣкогда случилось , что непрiатель мой , кошорой искалъ моей смерпи , заснулъ крѣпко въ лѣсу при своемъ спадѣ . Я шелъ мимо его и увидѣлъ большую змѣю , кошорая ползла кѣ нему . Мнѣ не надобно было лучшаго случая избавишься опъ него ; однако жь я не захотѣлъ симъ случаемъ воспользовашься , убилъ змѣю , и разбудилъ его . „

Алмазъ шебъ принадлежишь , говорилъ ошець обнимая его : ты поступилъ великодушно . Дѣлашь добро своему врагу , эшо прямое великодушiе !

Д Ъ Т С К О Е Ч Т Е Н І Е.

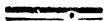
*Окончаніе разговора, начатаго въ
последнемъ листѣ.*

Отецъ. **З**апрещая вамъ все то, прѣчемъ бы вы жизнь свою подвергали очевидной опасности, не хочу я, чшобъ вы боялись и избѣгали всего, что можешъ причинить вамъ боль или нѣкопорую непріятность безъ большова вреда здоровью; это весьма несносно, а особливо въ мальчикахъ. Не избѣгайте шакихъ упражненій, которыя могутъ при-дать проворства и крѣпости вашему шѣлу. Бѣгайте, но не до шѣхъ поръ, пока лишившись силы упадете. Всклодите на крушыя горы, ештли вы можете крѣпко стоять на ногахъ и не подвергаетесь опасности упасть и ушибиться. Учитесть плавать, когда можете безъ нарушенія благоприслойности и въ шакихъ мѣстахъ, гдѣ не очень глубоко. Не бойтесь ходить въ шемношъ, оберегаясь шолько, чшобъ не разшибить голозу. Такия упражненія не шолько будутъ укрѣплять ваше здоровье, но и приведутъ васъ

вѣ состояніе спасать себя и другихъ людей вѣ опасныхъ случаяхъ. Изнѣженные люди не только бывающѣ смѣшны своею боязливостію, но и здоровье ихъ всегда вредъ терпятъ, для того, что они всегда имѣющѣ причину чего нибудь бояться. Когда жъ случается имъ бытъ вѣ опасности, то они бывающѣ такъ малодушны и нерѣшимы, что скорѣе погибающѣ, нежели осмѣливаются спастись съ нѣкоторою другою опасностію. На примѣрѣ, они скорѣе стогрѣтѣ, нежели отважатся выскочить вѣ окошко, когда не оспалось уже имъ другаго способа спастись. — Я видалъ людей, копорые боялись пройти по мосту или по высокимъ переходамъ, — увидѣвши кровь, обнаженную шпагу, рану или мертвое тѣло, падали вѣ обморокъ, — дрожали и тряслись, услышавши громъ либо выстрѣлъ. Причиною тому не иное что, какъ дурное воспитаніе; ихъ нѣжили вѣ дѣтствѣ и удаляли отъ всего того, что связано съ самою малою и отдаленною опасностію. — Сколь же такая боязливость вредна, сами вы разсудить можете. Кто знаетъ, къ какому званію и къ какимъ приключеніямъ Провидѣніе его опредѣлило? Сколь много бываетъ такихъ случаевъ, вѣ копорыхъ не

необходимо должно не избѣгатьъ самыхъ страшныхъ опасностей, но отважно имъ прошивиться!

Изъ всего того, что мы говорили, можете вы видѣть, что здоровье необходимо нужно для нашего благополучія, и старайся сохранять его, есть одна изъ первыхъ нашихъ должностей. — Разсудите, какъ непростительно поступаетъ пошль человекъ, особливо жъ молодой, копорой неумѣренностію, легкомысліемъ, или безразсудною дерзостію сокращаетъ свою жизнь, либо дѣлаетъ себя неспособнымъ къ тому, къ чему онъ опредѣленъ. Онъ долженъ былъ жить для того, чтобъ служить Богу и ближнему, но сходитъ въ гробъ преждевременно. Онъ долженъ былъ приготавливать душу свою къ лучшей жизни, развишемъ превосходныхъ силъ, копорыя Богъ вложилъ въ нее, и образованіемъ своего сердца; вмѣсто того распроиваетъ онъ жилище ея и принужденъ бываетъ заботиться больше о немъ, нежели о душѣ. Онъ долженъ былъ приводить себя въ состояніе радостно прославлять Бога словами и дѣлами; вмѣсто того онъ самъ бываетъ причиною безпрестанныхъ своихъ жалобъ и вздоховъ. Ближніе его ожидали отъ не-

го разныхъ взаимныхъ услугъ , на копоря онъ по должности своей былъ имъ обязанъ; но неспособенъ будучи къ тому , онъ заставляешъ только ихъ служить себѣ и принужденъ бываешъ только искать помощи и утѣшенія унылой своей душѣ. Какія печальныя мысли! когда онъ подумаетъ , чѣмъ бы онъ могъ быть , каковъ онъ прежде былъ , и каковъ тогда естъ. Какія печальныя мысли! когда онъ вспомнитъ , что онъ самъ разрушилъ способности бытъ щасливымъ и полезнымъ , лишилъ себя удовольствія , какимъ бы могъ наслаждаться въ разсматриваніи великолѣпныхъ дѣлъ Божіихъ и въ пріятномъ обращеніи съ добрыми и разумными людьми , короче сказать , самъ себѣ сдѣлалъ жизнь пягостію , а свѣтъ темницею.

Въ вашихъ лѣтахъ , дѣти мои , можете вы положить основаніе постояннаго здоровья , долгой жизни и благополучной старости. Должностъ ваша и щасіе погѣ требуютъ. И пакъ избѣгайте шѣхъ погрѣшностей , о копорыхъ я говорилъ , и копоря возрасту вашему свойственны , еспли не хочите проводить немощную жизнь , или сократите дни свои.

VI.

ДОБРЫЯ ДѢТИ.

Драма для дѣтей;

Въ двухъ дѣйствіяхъ.

Дѣйствующія лица.

Г. Арнолдъ, купецъ.

Шарлотта, дочь Г. Арнолда.

Гейнрихъ, сынъ Г. Арнолда.

Германъ, ихъ учитель.

Г. Гаршигъ, купецъ.

Луиза } дѣти ея
Карлъ }

Слуга.

Дѣйствіе происходитъ сперва въ домъ Г. Арнолда, а по томъ въ домъ Г. Гаршига, въ его кабинетъ.

Д Ъ Й С Т В І Е І.

Я В Л Е Н І Е І.

Шарлотта. Гейнрихъ.

Шарлотта. Скажи мнѣ, не знаешь ли ты, что сдѣлалось съ бабочкою? Сегодня вспалъ онѣ очень рано, одѣлся съ поропливостью, и спѣшилъ итти со двора. Я поздравила его съ добрымъ упромѣ. Ты знаешь, какъ онѣ бываешъ ласковѣ, веселѣ и любитѣ съ нами говоришъ, когда мы къ нему поушру приходимѣ; а сегодня не отвѣчалъ онѣ мнѣ ничего. Я подошла къ нему еще и поцѣловала его руку. Онѣ пожалъ мою руку и посмошрѣлъ на меня печально.

Гейнрихъ. А ты и не спросила, о чемѣ онѣ печалишся?

Шарлотта. Спрашивала; однако онѣ ничего больше мнѣ не сказалъ, какъ только: еще будетѣ вамѣ время эшо узнашъ.

Гейнрихъ. Вѣрно случилось съ нимѣ что нѣбудъ важное. Уже нѣсколько ночей сряду, когда я проснусь, слышу, что онѣ вздыхаешъ, а иногда кажется мнѣ, будшо онѣ и плачешъ. Однажды при-

пришворился я, будто крепко сплю, и подслушалъ, какъ онъ выговорилъ: „Ахъ! бѣдныя мои дѣши!“

Шарлотта. „Бѣдныя дѣши!“ Можно ли назвасть насъ бѣдными дѣшми? Мы имѣемъ такую добраго опца! Правда, благополучіе наше тогда только было бы совершенно, когда бы и мапушка наша жива была.

Гейнрихъ. Правда; однако жъ вѣрно случилось ему какое нибудь несчастіе, либо впредь должно случинься: для пого-то онъ и обѣ насъ жалѣетъ.

Шарлотта. Ахъ! есѣли бы мы узнали, что его печалилъ! можетъ быть могли бы мы его успокоить, облегчить его заботы, утѣшить его.

Гейнрихъ. Мы? — что мы можемъ сдѣлать? — быть ему послушными; мы слушаемся его во всемъ охотно, да это намъ и не трудно: веселишь его нашею ласкою; это мы и дѣлаемъ, сердце наше само насъ тому учитъ. — Послушай, я скажу тебѣ мою догадку. Я примѣшилъ, что бабюшка два раза получалъ письма, и прочитавши ихъ задумывался и говорилъ про себя: „еще надежда меня обманула!“ — Не пришли

ли обстоятельство его въ разстройку? —

Шарлотта. Можетъ спасться. Помнишь ли ты, какъ онъ получилъ извѣстiе, что Г. Едгаръ сдѣлался банкротомъ? Башюшка потерпѣлъ отъ того убытокъ. Онъ тогда сказалъ: „убытокъ за убыткомъ! что наконецъ изъ эпова выйдетъ?“

Гейрихъ. Съ недѣлю уже тому, не видалъ я, чшобъ кабинетъ его былъ когда нибудь пустъ; всегда бывають въ немъ постороннiе люди. — Вчера былъ я у башюшки и показывалъ ему рисовальную мою книгу; шупъ вошелъ не знаю чей-то слуга и говорилъ, что господинъ его прислалъ спросить, когда онъ получишь свои деньги? Башюшка потчасъ приказалъ мнѣ выйши. Входя на лѣстницу, слышалъ я, что они послѣ меня говорили очень громко и сердито.

Шарлотта. Такъ, догадка швоя справедлива; башюшка много долженъ и не въ состоянiи заплашить долгу.

Гейрихъ. И вѣрно онъ въ шомъ не виновашъ. Частые убытки и несчастные случаи его разорили.

Шарлотта. Надобно намъ узнать объ эпомъ отъ него самого. Меня ни-

что

что не веселишь, когда я вижу его печальнаго. По крайней мѣрѣ можемъ мы печаль съ нимъ раздѣлить.

Гейнрихъ. Дай Боже, чпобъ мы были въ состояніи его ушъшить! Когда онъ придетъ домой, и еспъли я увижу его еще печальнымъ, спану просить его веопшпунно, чпобъ онъ сказалъ намъ, о чемъ онъ печалился, хотя бы онъ на меня и разсердился.

Шарлотта. Разсердился ли онъ за это? — Но я слышу, что онъ всходитъ на лѣспницу — идетъ очень скоро. —

ЯВЛЕНІЕ II.

Шарлотта. Гейнрихъ. Г. Арнолдъ.

(*Г. Арнолдъ входитъ въ великомъ смущеніи, бросаетъ шляпу и палку на столъ и садится. Дѣти его подходятъ къ нему съ боязливостію и берутъ его за руки. Онъ смотритъ на нихъ съ горестію.*)

Шарлотта. Бапюшка! что съ вами сдѣлалось?

Гейнрихъ. Скажите намъ, что васъ печалишь?

Шарлотта. Да, бапюшка! скажите. Печаль ваша намъ несшерпима.

Арнольдъ. Бѣдныя дѣши мои! ахъ! есѣли бы только могъ я не сказывать вамъ объ этомъ!

Шарлотта. Не сказывать? для чего жь? Развѣбы это было легче вашему сердцу?

Арнольдъ. Легче, дочь моя, гораздо легче.

Гейнрихъ. Но изъ словъ вашихъ кажется, что намъ должно узнать, а вы оставляете насъ —

Арнольдъ. Да, вамъ должно узнать — должно вамъ узнать; что я — васъ лишаюсь, — что вы лишаетесь меня.

Гейнрихъ. Какъ это можетъ спастся, пока Богъ хранитъ еще жизнь вашу?

Арнольдъ. Черезъ часъ — можетъ быть еще скорѣе — я васъ оставляю —

Шарлотта. Вы оставите насъ? — Но мы васъ не оставимъ.

Гейнрихъ. Развѣ не можемъ мы всюду слѣдовать за вами?

Арнольдъ. Я заключенъ буду въ пюрму, дѣши мои!

Шарлотта. Въ пюрму? о Боже!

Гейнрихъ. Мы и туда пойдёмъ вмѣстѣ съ вами; кто намъ это запретитъ?

Арнольдъ. Я самъ. — Шарлотта! Гейнрихъ! дѣши мои! объ васъ только я

я жалю въ моемъ несчастіи. Безъ васъ охотно бы подвергся я всему. Прежде въ васъ только находилъ я всю мою радость, а теперь вы одни причиною моей горести.

Шарлотта. Но кто хочеть заключить васъ въ тюрьму? Вы не сдѣлали никакова преступленія.

Гейнрихъ. Кто бы ни былъ эшоу жестокой человекъ, мы пойдёмъ къ нему, упадёмъ къ ногамъ его, будемъ цѣловать его руки, просить, плакать. За что хочеть онъ поступить съ вами такъ немилосердо?

Арнольдъ. Вамъ должно все узнать. Можеть быть долго уже не допуссятъ меня видѣться съ вами, и для того нужно мнѣ дать вамъ теперь нѣкоторыя наставленія.

Шарлотта. Однако жь, бапюшка, можеть быть вы больше опасаетесь —

Гейнрихъ. Такъ, бапюшка, вы сами часно учили насъ, что надежды никогда перять не надобно.

Арнольдъ. Мы и теперь совсѣмъ ее не оставимъ, хошя я не вижу никакой помощи. Знайте, что мои долги превышаютъ все мое имѣніе, и я не въ состояніи заплашить ихъ. Не жалуйтесь

запо на ошца вашого , не укоряйте его своимъ нещаспемъ.

Шарлотта. Боже мой ! можно ли намъ жаловаться на васъ — на васъ , копорому мы всемъ обязаны ?

Гейнрихъ. На васъ , копораго мы любимъ больше своей жизни !

Арнолдъ. Я въ помъ увъренъ. — Нещаспныя приключенія , копорыя поспигли меня и друзей моихъ , излишняя довъренность къ пакимъ лядямъ , копорые не совъмъ ее заслуживали , неудачныя предпріяпя въ моей порговль — — Но почто пересказывать вамъ подробно , опъ чего я разорился ? Главной ударъ нанесенъ мнъ однимъ другомъ — нъмъ ! потъ уже не достоинъ называться моимъ другомъ , кпо привелъ меня къ гибели. — Я поручился за него въ большой суммъ. Онъ уъхалъ опсюда , и цълой уже годъ дожидался я плапы , не получая опъ него никакова извъспія. Наконецъ займодавецъ его выпросилъ приказаніе захватить меня. Никпо уже мнъ не въришъ ; никпо не хочешъ слушать моихъ прозьбъ , — и сегодня долженъ я бышь въ шюрмъ.

Шарлотта. Развъ не можно уже смягчить эшова жестокосердаго займодавца.

давца. Мы пойдѣмъ къ нему и пронемъ его нашими слезами.

Арнольдъ. Нѣшъ; я давно уже его знаю: онъ суровой и неупросимой человѣкъ. Я просилъ его самъ; друзья мои также за меня просили. Но все тщетно. Много труда стоило мнѣ склонить его къ тому только, чѣмъ онъ не приказалъ публично вести меня въ тюрьму и позволилъ мнѣ сперва увидѣться съ вами. Я далъ ему честное слово, черезъ часъ суда явиться, и теперь не много уже осталось мнѣ времени, для того, чѣмъ переговорить съ вами.

Шарлотта. Бабушка! не можете ли вы куданибудь скрыться?

Гейрихъ. Не можно ли вамъ уйти отсюда?

Арнольдъ. Какъ! вы хотите, чѣмъ я въ самомъ дѣлѣ оказался обманщикомъ, какимъ меня теперь безвинно почищаютъ? вы хотите, чѣмъ меня вездѣ преслѣдовали и искали, какъ бѣглеца? чѣмъ я скипался въ страхъ и безъ всякой помощи? — Нѣшъ, дѣти мои! Пусть пересмотрятъ мои книги и увидятъ, что я честной человѣкъ. Есть еще благородныя души. Увѣрившись, что не самъ я виноватъ въ моемъ несчастіи, можете бытъ

быть пронухся они сожалѣніемъ, оставяишь одного меня спрадашь, и по крайней мѣрѣ васъ не допускаяишь спрадашь вмѣстѣ со мною. Пусть займодавцы мои раздѣляишь между собою мое имѣніе. О васъ Богъ пещись будетъ.

Шарлотта. Нѣтъ, батюшка! мы васъ не оставимъ; гдѣ вы будете, тамъ и мы будемъ.

Гейнрихъ. Вы дѣлили съ нами свое счастье, а мы будемъ спрадашь вмѣстѣ съ вами.

Арнольдъ. Васъ не допустили бы ко мнѣ, хотя бы вы и пришли; можетъ быть только поступили бы съ вами очень дурно; и тогда-то бы тягостно было моему сердцу, тогда бы горечь моя усугубилась. Вамъ должно здѣсь остаться; я этого хочу.

Шарлотта. Когда вы приказываете, то мы уже не можемъ прошивиться. Однакожь —

Арнольдъ. Не надобно перяшь времени. Скоро ирйдушь запечатать мой кабинетъ. Пойди, Гейнрихъ, приведи ко мнѣ своего учителя — ахъ! не долго уже онъ будетъ вашимъ учителемъ. — Я хочу просить его о себѣ. Пойди!

Гейнрихъ (уходя.) Ахъ! несчастіе за несчастіемъ!

Шар-

Шарлотта. О Боже ! что съ нами
будешъ !

ЯВЛЕНІЕ III.

Арнолдъ. Шарлотта.

Арнолдъ. Вамъ должно учисься сносишь страданія мірскія. Правда, вы рано имъ подвергаетесь ; но не унывайте : онъ могушъ принести вамъ впередъ великую пользу. — Займодавцы мои должны опредѣлить вамъ что нибудь на воспитаніе и содержаніе, хотя бы то было очень немного ; вамъ немного и надобно : нужда въ молодыхъ лѣтахъ часто научашъ бережливости.

Шарлотта. Ахъ, бапюшка ! я съ удовольствіемъ буду пишаться однимъ хлѣбомъ и водою ; только бы вы не перпѣли нужды.

Арнолдъ. Благодаря покойной швоей матери, ты довольно уже искусна въ женскихъ рукодѣльяхъ, и можешъ иногда нѣчто для себя выработывать.

Шарлотта. Съ радостію спану я работашъ день и ночь, только бы работашъ для васъ.

Арнолдъ. Я думаю, что въ эпомъ не будешъ нужды. Богъ даровалъ тебѣ хорошій разумъ, и что еще гораздо дороже, доброе сердце. Ты научена всему
шому

тому, что можешъ себя вести къ мудро-
дроси и добродѣтели.

Шарлотта. О! какъ еще много не-
доспаетъ мнѣ, чтобъ быть такою, ка-
кова я быть должна!

Арнольдъ. Кто жь можешъ шѣмъ по-
хвалишься, что онъ таковъ, какимъ
быть долженъ? Надѣйся на помощь Божію,
и не переставай никогда спараться сдѣ-
латься добродѣтельною, и успѣешь въ
своемъ спараніи.

Шарлотта. Я сбѣщаю вамъ, спа-
рашься о шомъ во всю жизнь мою.

Арнольдъ. Ты близка уже къ такимъ
лѣшамъ, которыя могутъ быть опасны.
Нашура надѣлила тебя пріятнымъ ви-
домъ. Не гордись своею красою: та-
кая гордость погубить тебя можешъ.
Останься лучше въ бѣдности добродѣтель-
ною, а не вдавайся въ искушеніе сдѣлать-
ся богатою и знашною съ урономъ добро-
дѣтели.

Шарлотта. Но кто будетъ моимъ
наспавникомъ, когда я съ вами распану-
нусь? Кто подаспъ мнѣ совѣтъ? Кто
подаспъ мнѣ помощь? Я молода и незнаю-
ща. Какъ бы щасплива я была, еспь-
либъ могла не разлучаться съ вами! —
Но оставшись одна въ эпомъ домъ —
безъ васъ, что я начну? —

Арнольдъ. Ты не можешь здѣсь оспаться; домъ эшотъ не долго уже будетъ нашимъ. Я имѣю здѣсь много пріятельницъ, однако ни одной изъ нихъ не смѣю поручить тебя, такъ, чтобъ она заступила для тебя мѣсто матери. Всѣ онѣ живущіе въ изобиліи —

Шарлотта. Не думаете ли вы, что бы я захопѣла и могла жить съ ними, когда вы будете жить въ нуждѣ и въ горести? — Ахъ нѣтъ! это не возможно!

Арнольдъ. Можеть быть и онѣ не захопѣли бы принять тебя навсегда. Въ бѣдности не бываемъ мы никому пріятны; ны же скоро произвела бы зависть между своимъ поломъ. Сверхъ того я знаю, что трудно жить съ такими людьми, которые видали насъ въ щасливомъ состояніи. Хотя бы они и были ополько добросердечны и не презирали бы насъ, однако и самое ихъ сожалѣніе уже прискорбно. Нѣжное швое сердце, дочь моя, чувствовало бы справедливыя и несправедливыя попреки, какія спали бы дѣлашь швоему ошцу — чувствовало бы ихъ такъ же, какъ бы тебя самое укоряли.

Шарлотта. Да, батюшка! я чувствовала бы ихъ во сто кратъ сильнѣе;

гораздо бы охопнѣ согласилась я вытерпѣть самое жестокое мученіе, а не слышать такихъ попрековъ — гораздо бы охопнѣ согласилась бытъ въ шюрмѣ вмѣсто васъ.

Арнольдъ (*обнимаетъ ее.*) Любезная дочь! — какое утѣшеніе, какое щастіе, имѣть такую дочь, какъ ты! — Ахъ! для чего не могу я сдѣлать тебя столько щасливою, сколько ты заслуживаешь!

Шарлотта Какое жъ утѣшеніе останется мнѣ, когда я лишусь такого отца, какъ вы?

Арнольдъ. Отецъ небесной тебя не оставитъ, Онъ подастъ тебѣ утѣшеніе. — Однако, дочь моя, переспанемъ еще больше разстрогивать сердца наши. Посюянство въ спраданіи есть добродѣтель, и я желалъ бы теперь научить тебя ей своимъ примѣромъ. — Возвратимся къ тому, что я хотѣлъ тебѣ сказать. Ты уже слышала причины, для чего тебѣ нельзя остаться въ здѣшнемъ городѣ.

Шарлотта. Какъ! мнѣ должно оставить здѣшній городъ? удалишься отсюда, гдѣ вы остаешься?

Арнольдъ. Да, ты будешь жить у
беспры моей; она добрая женщина и ше-
бя любить.

Шарлотта. Ахъ, бапюшка! она
сама бѣдна и понынѣ жила шолько ва-
шею помощію; чѣмъ же будешь она меня
содержать?

Арнольдъ. Будь спокойна. Ты не
шакъ бѣдна, какъ думаешь. Покойная
машъ швоя оставила тебѣ нѣскольго доро-
гихъ вещей, которыя достались ей въ
наслѣдство послѣ ся шешки. Онѣ тебѣ
одной принадлежатъ. — Ты найдешь
ихъ въ эшомъ коммодѣ, въ черномъ
ящикѣ.

Шарлотта. Но что я съ ними сдѣлаю?

Арнольдъ. И объ эшомъ не нужно
тебѣ заботиться. Вотъ письмо къ сестрѣ
моей; я писалъ въ немъ, чтобъ она про-
дала ихъ одному знакомому ювелиру,
которой уже давно желалъ имѣть ихъ за
выгодную цѣну. Получивши деньги, ош-
дасть она ихъ въ надежныя руки и бу-
дешь получать съ нихъ проценты, ко-
шорыми можеше вы съ нею жить умѣрен-
но въ шомъ городкѣ, гдѣ она шеперь жи-
ветъ. При шомъ надѣюсь я, что ты и
брата своего не позабудешь: ему ничего
не ошпаешся.

Шарлотта. Брапа моего? — Я раздѣлю съ нимъ послѣдній кусокъ хлѣба. — Но послушайте, бапюшка! не можете ли вы употребить эсихъ вещей на уплату вашего долгу? не можете ли вы шѣмъ избавишься отъ нынѣшняго нещасія? — Бапюшка! сдѣлайте эшо! — я не возьму ихъ —

Арнолдъ. Нѣшѣ; онѣ швои, и я никакова права на нихъ не имѣю. Ешѣлибъ я заплашилъ за нихъ свои деньги, шо клянусь, что не ушайлб бы ихъ отъ займодавцовъ моихъ.

Шарлотта. Онѣ мои, а я вамъ ихъ ошдаю; не имѣю ли я на эшо права?

Арнолдъ. Нѣшѣ; пы лишила бы себя, шешку свою и брапа своего послѣдней помощи; а я могъ бы заплашить ими одному шолько займодавцу; другіе займодавцы шогда спали бы шакже шребовашъ шлапы.

Шарлотта. Однако жъ, бапюшка! —

Арнолдъ. Однимъ словомъ, я шакъ шочу. Благоразуміе и должносшь эшова шребуюшъ. — Вошѣ ключъ отъ эшова коммода; держи его у себя до пріѣзда швоей шешки. Я писалъ уже къ ней, чтошбъ она какъ можно скорѣе пріѣхала сюда за шобою. — Тушѣ найдешъ пы еще

еще нѣсколько денегъ на нужныя издержки. Посовѣшуйся о томъ съ Господиномъ Германомъ. — Теперь, дочь моя, поиди и посмотри, не пришли ли шѣ люди, которымъ вѣрно опечашашъ наше имѣніе; естьли они уже здѣсь, то прикажи принести для меня носилки.

Шарлотта. (уходя.) О Боже!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Г. Арнольдъ одинъ.

Вопъ награда за всѣ мои труды я забошы! — Для чего я прудился и лишалъ себя покоя? Для того, чшобы напослѣдокъ сдѣлать, себя и дѣшей моихъ несчастными, чшобъ всѣ меня презирали — чшобы почиали меня за обманщика? ахъ! эшо перзаешъ мое сердце! одно ушѣшеніе, что я вѣ самомъ дѣлѣ невиненъ! — Что, естьли бѣ я съ небольшимъ моимъ досташкомъ удалился отъ всѣхъ забошъ, оставилъ намѣреніе сдѣлаться богатымъ, жилъ бы умѣренно вѣ безопасности и состарѣлся бы спокойно! — — Нѣшъ; мы для того и родимся, чшобъ прудиться. Я дѣлалъ добро, дѣлалъ людей щасливыми, доставлялъ бѣднымъ пропитаніе. Но что жъ

раскаиваться? Теперь сдѣлалъ я несчастнымъ только себя. Дѣши мои не несчастны; онѣ остаются не совсѣмъ безъ помощи. Незаслуженное несчастіе бываетъ часто училищемъ добродѣтели; и для нихъ будетъ оно полезно. — А! Господинъ Германъ —

ЯВЛЕНІЕ V.

Арнолдъ. Германъ. Гейнрихъ.

Арнолдъ (подходя къ Герману.) Господинъ Германъ, можете быть вы уже знаете о моемъ несчастіи —

Германъ. Гейнрихъ рассказалъ мнѣ все. Я принимаю столько участія —

Арнолдъ. Знаю, что вы всегда любили меня и дѣшей моихъ. Сколько одолженъ я вами въ ихъ воспитаніи!

Германъ. А я сколько одолженъ вашею дружбою и всѣми выгодами, копорыми я пользовался въ вашемъ домѣ. Я ничего не сдѣлалъ для вашихъ дѣшей, къ чему бы должность моя меня не обязывала,

Арнолдъ. Моя должность требовала бы теперь оказать вамъ чѣмъ нибудь мою благодарность; но ахъ! я не въ состояніи ничего больше сдѣлать, какъ
 поль-

полюко просить. Бога, чшобѣ Онѣ награди́лъ васѣ.

Германѣ. Я довольно уже награжденѣ прилѣжносшю и послушаніемѣ вашихѣ дѣшей, и надѣюсь впредѣ еще больше бышь награжденнымѣ.

Гейнрихѣ. Будьте увѣрены, что я ни о чейѣ не спану такѣ спараться, какѣ угождашь вамѣ и сдѣлашь васѣ достшойнымѣ.

Арнолдѣ. Эпова ожидаю я опѣ шво-его сердца, сынѣ мой! — Но вы видите, Господинѣ Германѣ, что я не могу уже долѣе содержашь васѣ при моемѣ сынѣ. — (*Гейнрихѣ беретѣ за руку Г. Германа и плачетѣ.*) Мнѣ это прискорбно; я знаю, сколько мой сынѣ при помѣ перяешѣ. Однакожь я увѣренѣ, что вы и разспавшись сѣ нимѣ всегда будете его другомѣ, что онѣ всегда будетѣ пользо-вашься вашими совѣтами и наспавленіями.

Германѣ. Во всю мою жизнь; я буду другомѣ его, опцомѣ, — всемѣ, чѣмѣ полюко бышь могу.

Арнолдѣ. Я могу вѣ помѣ на васѣ положишься. Теперь скажу вамѣ, какія мѣры, по моему мнѣнію, можно приняшь вѣ разсужденіи моего сына. До конца

нынѣшняго мѣсяца оспаньшесь вы съ нимѣ. Я надѣюсь, что вамѣ не откажутъ надлежащей платы за эпошѣ мѣсяцѣ.

Германѣ. А я увѣряю васѣ, что я никогда съ нимѣ не разстанусь.

Гейнрихѣ. Ахѣ! Господинѣ Германѣ! что вы говорите?

Германѣ. То, что заставляетъ меня сказать любовь моя къ тебѣ, попечение о твоемѣ щастіи — о моемѣ собственномѣ щастіи — благодарность къ твоему родителю —

Арнолдѣ (обнимая его.) О какое утѣшеніе, въ несчастіи находишь такихѣ друзей! Но я принимаю великодушное ваше желаніе за самое дѣло. Ваши обспольствва не позволяютѣ —

Германѣ. Не безпокойшесь о моихѣ обспольстввахѣ. Ваша щедрость и моя бережливость привели меня въ состояніе содержащѣ нѣсколько времени себя и любезнаго моего Гейнриха пристойнымѣ образомѣ. Никогда не избѣгалѣ я прудовѣ, и прилѣжнось его будетѣ мнѣ доставлять довольно свободнаго времени, чтобѣ употреблять небольшія мои дарованія въ его и мою пользу.

Арнолдѣ. Довольно! Ваше великодушіе прогаешѣ меня больше моего несчастія.

щастія. — О когда бы могъ я оказашь вамъ благодарность мою!

Германъ. Я уже сказалъ, что мое собственное щастіе эпова пребуепіъ: я былъ бы нещасливъ, естльи бѣ принужденъ былъ оснавивъ вашего сына, котораго я люблю; какъ моего брата, какъ собственного моего сына. Онъ не утвердился еще во всѣхъ добрыхъ навыкахъ, не довольно еще искусенъ въ шѣхъ знаніяхъ, какія ему имѣнь должно. Можешъ онъ найпи наставника гораздо меня искуснѣе; но никогда не найдешъ шакова, которой могъ бы любить его шакъ, какъ я люблю, которой имѣлъ бы сполько времени и сполько ревности обѣ немъ спарашься.

Гейрихъ (плача.) Ахъ, Господинъ Германъ! для чего не могу я пересказашь вамъ шого, что я чувспвую.

Арнолдъ (отирая слезы.) Слезы наши, сынъ мой, скажущъ шо, чего мы словами сказашь не можемъ. — Между шѣмъ, Господинъ Германъ, еще долженъ я вамъ сказашь, что я за мѣсяцъ уже напередъ могъ догадывашься о моемъ нещастіи и говорилъ о томъ съ моими пріяшелями. Они обѣщали мнѣ спарашься о моемъ сынѣ. Вы ихъ знаете; пой-

дите къ нимъ и уговоритесь съ ними, что вамъ предпринять надобно.

Германъ. Изрядно; я увижусь съ ними и буду просить ихъ помощи, если ли то будетъ нужно.

Я В Л Е Н І Е VI.

Презніе. Шарлотта.

Шарлотта (плача.) Ахъ! баба-шка! —

Арнольдъ. Изрядно; они уже здѣсь! — приказала ли ты принести мнѣ носилки.

Шарлотта (плача.) Я — послала — за ними.

Арнольдъ. И такъ я пойду, поговорю съ этими господами, которые присланы опечашивать, и дождусь шамъ носилокъ. — Ты плачешь, дочь моя? Успокойся! Несчастіе наше сносно. Господинъ Германъ, великодушной нашъ другъ, хочешь спараться о своемъ братѣ. — Любезныя дѣти! я оставляю васъ попеченію Божію. — Простите, Господинъ Германъ! (*обнимая его.*) Никакая печаль — ни время — не истребитъ изъ моей памяти вашего великодушія, вашей дружбы.

Гейн-

Гейнрихъ. Батюшка! вы хошите насъ оставишь? — Нѣтъ, я не опшпану отъ васъ, я пойду вмѣстѣ съ вами.

Арнолдъ. Безполезно намъ пропшвишься нашей судьбѣ. Я подвергаюсь ей терпѣливо; послѣдуй и ты мнѣ. — Мы не навсегда расстаемся: я думаю, что тебѣ позволено будетъ иногда приходишь ко мнѣ,

Шарлотта. И мнѣ батюшка, также позволяшть съ вами вѣдѣться?

Арнолдъ. Безъ сомнѣнiя, дочь моя! — я надѣюсь, что ты и съ пещкою своею скоро увидишься. (*Обнимае ея.*) Теперь прости! — не забывай моихъ наставленiй, старайся украшать душу свою добродѣтелию; ты будешь чрезъ то и сама щаслива, и меня щасливымъ сдѣлаешь. —

(*Шарлотта заливается слезами, бросается въ креслы и закрываетъ лицо платкомъ.*)

Арнолдъ (*Гейнриху, которой держитъ его за руку.*) Прости, сынъ мой! — бойся Бога, будь шрудолюбивъ и честенъ; тогда будешь ты благополученъ, а опшщу швоему принесешь честь и радость, (*Онъ цѣлуетъ его и уходитъ.* *Гейнрихъ*

бѣжитъ за нимъ. Германъ также за ними уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ VII.

Шарлошпа, одна.

Ишли ли мнѣ за нимъ? — Нѣтъ; я не могла бы на ногахъ держаться, и только бы еще больше его опечалила. — Какъ мы несчастны! смерть лишила насъ мапери; а жестокіе люди и опца у насъ опнимающъ. — Но не могли я, чего нибудь для него сдѣлать? Чшо, естли я возьму свои вещи и опдамъ ихъ — Батюшка сказалъ, что я лишу шѣмъ послѣдней помощи себя, брата моего и пепушку, что эшими вещами всѣхъ его долговъ заплашишь не можне, и что ему мало вѣ помѣ будетъ пользы. Однако можешъ бышь онѣ заботишся только о насъ, а не о себѣ. Да, я его знаю; онѣ печешся о насъ не щадя себя. Надобно и мнѣ для него на все опважисья. Онѣ самѣ сказалъ, что займодавцы его должны опредѣлишь намъ чшо нибудь на содержаніе; на чшо жь — А! вотъ и Гейнрихъ идешъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Шарлотта. Гейнрихъ.

Шарлотта. И такъ его уже нѣтъ здѣсь?

Гейнрихъ. Никпо — никпо не принудилъ бы меня съ нимъ распаться! но онъ самъ приказалъ мнѣ, чшобъ я его оставилъ, — просилъ меня, чшобы я не умножалъ его горесъ. Чшо мнѣ было дѣлать? Я долженъ былъ его послушаться.

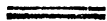
Шарлотта. Ахъ! какъ мы несчастны! — но гдѣ жь Господинъ Германъ?

Гейнрихъ. Онъ не могъ удержаться отъ слезъ, пошелъ въ свою комнапу, и скоро опять сюда прійдетъ.

Шарлотта. Не сказалъ тебѣ батюшка еще чего нибудь?

Гейнрихъ. Нѣтъ; носилки были уже готовы, какъ мы сошли съ лѣспницы. Онъ сперва опослалъ меня отъ себя; но какъ бы сжалившись, подозвалъ меня опять къ себѣ, обнялъ и поцѣловалъ; слезы текли у него изъ глазъ. По помѣ сѣлъ онъ въ носилки и приказалъ нести себя скорѣе. — Ахъ! когда бы только не сдѣлалось съ нимъ чего нибудь худова!

Шарлотта. Чему еще бытъ хуже? — Онъ запертъ будетъ въ шюрму, гдѣ
не

не дадутъ ему ничего, кромѣ хлѣба и воды, гдѣ онъ не будетъ видѣть дневнаго свѣту, не будетъ видѣться съ нами; а это для него шягоспнѣе всего.

Гейнрихъ. Это правда; онъ насъ любитъ; мы сами не можемъ любить его такъ горячо, какъ онъ насъ любитъ.

Шарлотта. Послушай, Гейнрихъ! — хотя батюшка и запретилъ намъ итти къ Господину Гаршигу, однако пойдѣмъ къ нему, упадѣмъ къ ногамъ его и будемъ просить его —

Гейнрихъ (обнимаетъ ее.) Да, сестрица, сдѣлаемъ это, пойдѣмъ теперь же!

Шарлотта. Батюшка сказывалъ намъ, что онъ челоуѣкъ суровой и не склоняется ни на какія прозьбы —

Гейнрихъ. Какая въ томъ нужда, какъ бы онъ суровъ ни былъ? Онъ не можетъ больше ничего мнѣ сдѣлать, какъ отказать, прогнать меня отъ себя.

Шарлотта. Если онъ и не склонился на наши прозьбы, то я знаю, что сдѣлать. У него есть дочь; она мнѣ нѣсколько знакома; я уговорю ее, чтобъ она просила его за меня. Если же и это не поможетъ, то я — заплачу батюшкинъ долгъ.

Гейн-

Гейнрихъ. Заплашишь? Чѣмъ? Развѣ у тебя есть деньги? Для чего жь ты не отдала ихъ бабюшкѣ?

Шарлотта. Я отъ него-самого только узнала, что могу за него заплашить.

Гейнрихъ. Для чего жь онъ не взялъ твоихъ денегъ? не уже ли ты отдашь ихъ не хотѣла?

Шарлотта. Какъ можешь ты это обо мнѣ подумать?

Гейнрихъ. Прости мнѣ, сестрица! я и не думаю этого. — Вѣрно онъ самъ не захотѣлъ взять твоихъ денегъ, такъ же, какъ и меня не хотѣлъ взять съ собою.

Шарлотта. Точно такъ; однако намъ должно для него жь самого въ первой разъ его не послушаться.

Гейнрихъ. Я побѣгу сказать объ этомъ господину Герману.

Шарлотта. Нѣтъ, для Бога! не сказывай ему ни слова. Ты знаешь, что онъ всегда бываешь одинакова мнѣнія съ бабюшкою; вѣрно и теперь запретилъ бы онъ намъ, что мы хотимъ сдѣлать.

Гейнрихъ. Ты правду говоришь. Однако я необходимо долженъ сказать ему, куда я иду и за чѣмъ? что жь я скажу?

Шарлотта. Скажи полько, что мы идемъ къ дѣшамъ Господина Гарпига просишь ихъ, чшобъ онъ за насъ попросили своего опца.

Гейрихъ. Изрядно; я и не солгу, а въ самомъ дѣлѣ пойду сперва къ молодому Гарпигу. Говорятъ, что онъ очень вѣстрянъ и нѣсколько грубъ. Но что въ помѣ нужды? Не ужели и онъ пакъ же нечувствительнъ, какъ и опецъ его?

Шарлотта. Зайди за мною въ мою комнашу. (*Гейрихъ уходитъ.*) О Боже! когда бы батюшка нашъ былъ свободенъ!

(*Она отпираетъ коммодъ, вынимаетъ изъ него ящикъ, и уходитъ.*)

Д Ъ Т С К О Е Ч Т Е Н І Е .

(Продолженіе драмы, начатой въ
последнемъ Но.)

Д Ъ Й С Т В І Е II.

Я В Л Е Н І Е I.

(Г. Гартигъ сидитъ одинъ въ сво-
емъ кабинетѣ и пишетъ; по томъ
встаетъ и говоритъ:)

Да! буду поступать съ нимъ какъ мож-
но строже — въ первые четыре не-
дѣли не велю давать ему ничего, кромѣ
хлѣба и воды. — Какъ? обманушь меня
въ такой большой суммѣ! — Правда,
бѣднякъ и самъ обманушь — но для
чего жь онъ такъ, глупъ былъ? Поручишь-
ся за друга! — какая неосторож-
ность! — Виноватъ ли онъ, или неви-
новатъ, но я обманушь, и онъ долженъ
быть за это наказанъ. Можетъ быть
сыщется какойнибудь жалостливой про-
стякъ и за него поручится — шѣмъ
лучше для меня! — (услышавши стукъ

у дверей.) Кто-то стучится! (отпираетъ дверь, и Шарлотта входитъ.)

ЯВЛЕНІЕ II.

Гаршигъ. Шарлотта.

Гартигъ. Чшо тебѣ надобно? Говори скорѣе! (*Шарлотта плачетъ и не можетъ ничего выговорить.*) Ну! развѣ за тѣмъ приходишь къ честнымъ людямъ, чшобы плакать?

Шарлотта. Простите меня, государь мой! — моя гореснь —

Гартигъ. Какая мнѣ нужда въ швоей горести? У меня и своей горести много. Говори, за чѣмъ ты пришла?

Шарлотта. Нещастіе отца моего —

Гартигъ. А! ты вѣрно дочь честнаго господина Арнолда, копорой меня обманулъ?

Шарлотта. Ахъ! эшо не правда, государь мой; онъ васъ не обманулъ.

Гартигъ. Не уже ли ты знаешь эшо лучше меня?

Шарлотта. Вы не знаете, сколько онъ честенъ — ахъ! вы не знаете, какова отца опняли вы у меня и у моего брата!

Гартигъ. Изрядная честность! Кто поручился за другога и обяжется за него плашпшь, а не заплашпшь, шопшь плушшь.

Шарлотта. А естъли онъ желалъ бы заплашпшь, но не можешъ?

Гартигъ. Такъ не должно бы обѣщашь и обязывашься.

Шарлотта. Онъ думалъ, чшо можешъ положишья на своего друга.

Гартигъ. Надобно бы не думашь, а вѣрно знашь. Кто не знаешъ, за кого ручаешься, шопшь глупъ, шакъ, какъ швой ошець, и бываешъ обманушъ, шакъ же, какъ швой ошець.

Шарлотта. Ахъ! государь мой, не бранише его. Онъ ошибся, обманулся въ своемъ другѣ, однако жь —

Гартигъ. Однако жь! однако жь! — по чшо мнѣ съ шобою спорить. Ты не засшавишъ меня согласишья на шо, чшо я не правъ.

Шарлотта. Я никогда обѣ эшомъ и не думала. Нѣшъ; я пришла просить васъ, чшобъ вы сжалились надъ нами —

Гартигъ. Чшобъ я сжалился надъ вами и бросилъ въ печь мои деньги?

Шарлотта. Нѣтъ, чѣмъ вы освободили моего отца, и потерпѣли бы, пока онъ прійдетъ въ состояніе —

Гартигъ. Чѣмъ я потерпѣлъ, какъ спица вылезла изъ клешки, а послѣ бы зашворилъ дверцы? — Нѣтъ! нѣтъ! пусть посидитъ онъ тамъ, гдѣ надобно; это лучше.

Шарлотта. Не уже ли вы не можете почувствовать жалости къ такимъ несчастнымъ? —

Гартигъ. Будьте вы несчастны, или счастливы, какъ хотите! я довольно уже былъ жалостливъ. Не я виноватъ въ вашемъ несчастіи. Пусть ктонибудь иной будетъ жалостливъ и изъ жалости отдастъ мнѣ мои деньги.

Шарлотта. Можеть быть и найдется такой великодушной человекъ, когда вы освободите моего отца, когда только дадите вы ему время —

Гартигъ. Я давалъ ему довольно времени, отсрочивалъ уже два раза; но онъ не заплашилъ, и я больше терпѣть не хочу. — Пойди, куда тебѣ надобно, и оставь меня съ покоемъ.

Шарлотта. Онъ оставилъ насъ безъ помощи, безъ утѣшенія; подумайте, какъ

какъ перзаеѣтся его сердце
есть дѣти; подумайте, когда

Гартигъ. О! моимъ дѣ
боясь. Видишь ли пы это
(указываетъ на большой с
мнѣ, и безъ меня найду
помощь и ушѣшеніе. Ко
ошецъ такъ же поступалъ,
бы и вы не были несчастны
былъ бы шамъ, гдѣ онъ ше
долженъ, и я получилъ бы свои

Шарлотта. Повѣрьте, что
башюшка не щадилъ ничего для
воспитанія; онъ училъ насъ всему де
му, всему, что для насъ можетъ быть
полезно; но мы еще въ такихъ лѣтахъ,
что не можетъ шѣмъ пользоваться. Богъ
насъ не оставилъ —

Гартигъ. Тѣмъ лучше для васъ!
— Но что болшашъ пустое? Однимъ
словомъ, поиди опсюда, и не безпокой
меня.

Шарлотта (беретъ его за руку и
падаетъ предъ нимъ на колѣни. Онъ выры-
вается и бѣгаетъ по комнатѣ; она ходитъ
за нимъ и не перестаетъ его упрашивать.)
Сжалышесь надъ нами! Оидайше намъ
башюшку. Богъ наградишъ васъ за то.
— Ничто васъ не прогаешъ? Послу-
шайше жь?

(Затыкая себѣ уши.) Я ни-
чу! и не вижу ничего! —
пойди отъ меня прочь!
на. Я хочу вамъ заплашить.
идитъ въ маленькую комнат-
ка кабинета, и запираетъ
) Онъ ушелъ! жестокой
думала, чтобъ были па-
на не хочешь даже и пого
что я хочу ему заплашить.
лось мнѣ только иппи къ его

(Она уходитъ плача.)

Я В Л Е Н І Е III.

(Гартигъ отворивши немного дверь,
смотритъ ушла ли Шарлотта,
и по томъ выходитъ)

Негодница! какъ она меня мучила!
Я не знаю, что бы я сдѣлалъ, если бы
еще съ нею остался. Она привела меня
въ жалость своими слезами. Въ самомъ дѣ-
лѣ отецъ ея не можетъ быть плутомъ
и имѣть такую добрую дочь. Мои дѣти
вѣрно не спали бы такъ просить за меня,
если бы и со мною то же случилось,
что съ Арнолдомъ. Желалъ бы я, что-
бы ктонибудь изъ нихъ былъ здѣсь. Я
пружусь для нихъ и собираю такъ много;

сомнительно, будущъ ли онъ мнѣ за это плашишь шѣмъ же, чѣмъ Арнольдовы дѣти плашались ему за то, что онъ долги навиваетъ. — Естьли бы сумма не такъ была велика, то я думаю, что для такой доброй дочери согласился бы я —

ЯВЛЕНІЕ IV.

Гаршигъ. Карлъ.

Карлъ (входя хохочетъ) ха! ха! ха! ха! ха! ха!

Гартигъ. Ну! что съ тобою сдѣлалось? чему ты хохочешь, какъ сумасшедшій.

Карлъ. Ха! ха! ха! — Батюшка, подумайте, какъ это смѣшно!

Гартигъ. Вѣрно опять ктонибудь упалъ и ушибся до крови?

Карлъ. Ахъ нѣтъ! еще смѣшнѣе!

Гартигъ. Такъ ктонибудь шею себѣ сломилъ?

Карлъ. Все не то, батюшка. Опгадайте, кто теперь у меня былъ?

Гартигъ. Болванъ! спану ли я надъ эшимъ ломаешь голову?

Карлъ. Да вы и не опгадали бы никогда — У меня былъ сынъ Арнолдовъ —

Гартигъ. Арнолдовъ сынъ? А! я догадываюсь — Сестра его была здѣсь. —

Ты вѣрно пришелъ просить за ихъ отца; но я тебѣ напередъ сказываю —

Карлъ. Не безпокойсь; у меня и намеренія эпова не было. Правда, онъ просилъ меня, чтобы я шелъ къ вамъ и старался бы васъ упросить, чтобы вы приказали запереть его въ тюрьму, не давали бы ему ничего, кромѣ хлѣба и воды, дѣлали бы съ нимъ что вамъ угодно — только бы освободили бѣднаго его отца — и мало ли еще чего онъ мнѣ наговорилъ! я уже всего и не вспомню.

Гартигъ. И эпо — то смѣшно тебѣ кажется?

Карлъ. Какъ же не смѣшно? Никто отъ него эпова не пребовалъ.

Гартигъ. Что, если бы своего отца въ тюрьму посадили, ты и не вспомнилъ бы объ немъ, не только, чтобы ищи и просить, чтобы тебя вмѣсто его туда посадили. Не правда ли?

Карлъ. Ха! ха! ха! вы шутите, батюшка! Кто васъ въ тюрьму посадитъ? Вы никому не должны, и у васъ денегъ много.

Гартигъ. Я эпо знаю, что теперь никто меня не посадитъ въ тюрьму. Но что, если бы у меня не было столько денегъ, сколько я трудами своими для васъ

васъ собралъ , или естълибъ воры при-
шли и украли мои деньги , либо я пору-
чился бы за кого нибудь , такъ же , какъ
и Арнолдъ —

Карль. О ! воры не прійдутъ , да и
прійши имъ не можно ; для энова вы и
сдѣлали большую желѣзную дверь , окош-
ки съ толстыми решешками и крѣпкіе
желѣзные сундуки ; — а поручишься ?
— вы еще ни за кого не ручались.

Гартигъ. Какъ глупо ты говоришь !
— Люди нашего состоянія должны ча-
сто раздавать деньги въ долгъ ; не всѣ
должники бывають честные люди : это я
давно уже испыталъ . Что , естъли бы
мои должники мнѣ не плащили , а я самъ
былъ бы кому нибудь долженъ и также
бы не могъ заплащивъ — и мой займо-
давецъ поступиилъ бы со мною такъ же ,
какъ я съ Арнолдомъ поступиилъ —
захотѣлъ ли бы ты тогда итти въ шюрму ?

Карль. За что жъ мнѣ итти въ
шюрму ? не я былъ бы долженъ , а вы .

Гартигъ. А сынъ Арнолдовъ развѣ
самъ долженъ ?

Карль. Для того-то прозѣба его и
смѣшна ; да и кшо будешъ такъ простъ ,
чтобы рабенка взять за большова чело-
вѣка ?

Гартигъ. Не о помѣ спрашивается, что я сдѣлаю, а о помѣ, что бы ты сдѣлалъ. Положимъ, что я соглашусь взять сына вмѣсто отца; или мой займодавецъ, естли бѣ я также былъ долженъ, захошѣлъ взять себя вмѣсто меня, согласился ли бы ты на это?

Карлъ. Ахъ батюшка! какіе странные вопросы вы мнѣ дѣлаете! — Конечно, мнѣ бы надобно было согласиться. Однако вамъ не было бы въ томъ никакой пользы. Что бы сдѣлалъ вашъ займодавецъ со мною?

Гартигъ. То же, что и я сдѣлалъ бы съ Арнолдовымъ сыномъ; онъ освободилъ бы меня, а себя держалъ бы въ шюрмѣ до тѣхъ поръ, пока бы я не заплашилъ долгу.

Карлъ. А естли бы вы не могли и не захошѣли плашить?

Гартигъ. Такъ ты остался бы тамъ навсегда.

Карлъ. Слуга покорной!

Гартигъ. Карлъ! я вижу, что Г. Арнолдъ гораздо щасливѣе меня дѣшми, хотя у него и не такъ много денегъ, какъ у меня.

Карлъ. А дѣши его были бы имѣ щасливѣе, когда бы у него побольше денегъ было.

Гар-

Гартигъ. Здѣсь ли маленькой Арнолдъ?

Карль. Здѣсь еще. Сперва не хотѣлъ я его и слушать, однако жъ онъ не далъ мнѣ покою и принудилъ меня итти къ вамъ и просить васъ, чпобъ вы приказали опвесити его въ шюрму вмѣсто опца. (*смѣется.*)

Гартигъ. Перестань смѣяться; мнѣ досадно, чпо ты этому смѣешься. — Послушай! я хочу поговорить съ нимъ; мнѣ очень эпо нравися, чпо онъ и сестра его просятъ за своего опца. Приведи его ко мнѣ.

Карль. Батюшка! я не совѣшую вамъ допускать его къ себѣ; онъ вамъ наскучитъ.

Гартигъ. Пойди и дѣлай полько чпо тебѣ приказываютъ: я сбылъ уже съ рукъ опца его и сестру; не уже ли и опъ него не опдѣлаюсь?

(*Карль уходитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ V.

Гаршигъ. Луиза.

Луиза (вбѣгаетъ весьма скоро.) Радуйшесь, батюшка, радуйшесь!

Гаршигъ. Ты очень не кспаши пришла со своею радостью. Вы съ брапомъ, кажешся, согласились сегодня мнѣ полько досаждать. — За чѣмъ ты пришла?

Луиза. Я пришла заплашить вамъ долгъ Г. Арнолда.

Гаршигъ. Долгъ Г. Арнолда? — что? ты пришла сюда шупить надъ своимъ опцомъ?

Луиза. Нѣштъ, батюшка, я не шучу; однако вы должны напередъ подарить меня алмазнымъ перспнемъ, либо другою какою нибудь вещицею; а безъ шого я вамъ ничего не опдамъ.

Гаршигъ. Опойди опъ меня и оставь меня въ покоѣ, я не люблю швоихъ шупокъ.

Луиза. Изрядно, я пойду, и вы ничего не получите; но по крайей мѣрѣ посмотрите, съ чемъ вы меня опсылаете. *(Она развертываетъ платокъ и вынимаетъ ящичекъ.)*

Гаршигъ. Что? — что это шакое? — Подай сюда! *(хочетъ взять у нее ящичекъ.)*

Луиза.

Луиза. Нѣшъ, я вамъ его не опдамъ; посмотрише полько. (*Она раскрываетъ ящичекъ, въ которомъ лежатъ алмазныя серьги, перстни и нѣкоторыя другія вещи. Гартигъ смотритъ на нихъ съ удивленіемъ и съ жадностію.*)

Гартигъ. Ба! чпо я вижу? Эшо Арнолдовы вещи? (*вынимаетъ и разсматриваетъ ихъ одну послѣ другой.*) Онъ опдаетъ ихъ мнѣ за долгъ? Онъ спояшъ дороже, нежели сколько онъ мнѣ долженъ. — Спранной человекъ! для чего онъ прежде мнѣ ихъ не опдалъ? и самъ бы избавился опъ огорченія и меня бы опъ досады избавилъ. — Сей же часъ будешъ онъ свободенъ. Пусть другіе его займодавцы сами о себѣ спараются; а я доволенъ. Однакожь —

Луиза. Однакожь подарите меня чѣмъ нибудь изъ эпихъ вещей; а иначе — иначе мнѣ жалко будешъ, чпо я взяла ихъ у бѣдной дѣвушки.

Гартигъ. У бѣдной дѣвушки? у какой бѣдной дѣвушки?

Луиза. У дочери господина Арнолда.

Гартигъ. Какъ? она шебъ опдала эшопъ ящичекъ? — дочь Г. Арнолда, кошорая недавно ко мнѣ приходила?

Луиза. Точно такъ. Она сказывала мнѣ, что эшѣ вещи достались ей вѣнаслѣдство, или ей ктонибудь ихъ подарилъ — не знаю вѣрно, какъ она ихъ получила — однимъ словомъ, она говоришъ, что онѣ ей принадлежатъ, и что она съ радостію отдастъ ихъ вамъ, если вы согласитесь освободить ея отца.

Гартигъ. Она это тебѣ говорила?

Луиза. Да, батюшка, говорила. — Однако что жъ вы мнѣ подарите? Посмотрите, какой прекрасной перстень! у меня на рукѣ былъ бы онѣ еще гораздо лучше.

Гартигъ. Но я потерпѣлъ бы убытокъ, когда бы тебѣ его отдалъ.

Луиза. Вотъ это мнѣ досадно!

Гартигъ. Тебѣ досадно! но, что отецъ твой убытку не потерпитъ?

Луиза. Нѣтъ, батюшка, я не хочу, чтобы вы убытокъ терпѣли; а мнѣ только то досадно, что я не буду имѣть эшова перстня.

Гартигъ. Тебѣ имѣть такой дорогой перстень? Что бы люди подумали тогда о моемъ богатствѣ? — Ты и сама того не стоишь, чего эшотъ перстень стоить.

Луиза.

Луиза. О когда бы я напередъ это знала! — Бѣдная дѣвушка! какъ она мнѣ теперь жалка! Она говорила, что кромѣ эсихъ вещей у нее и у брата ея ничего не осталось, однакожь она захопѣла лучше сама оспаться безъ всякой помощи, только бы не видѣшь отца своего въ несчастіи. — Есльи бы я не надѣялась получитьъ что нибудь, то бы и вамъ ничего не досталось.

Гартигъ. Негодница! я вижу, что ты и не вспомнила бы о своемъ отцѣ, есльи бы онъ помился въ шюрмъ и въ оковахъ, а у тебѣ были такія вещи. Для тебѣ уборы, а для брата швоего праздность и роскошная жизнь дороже отца и матери. Неблагодарныя дѣти! на что я собираю богатство? для кого я шружусь, себя не жалѣя?

Луиза. На что и деньги имѣшь, есльи не покупать на нихъ хорошихъ уборовъ.

Гартигъ. Вотъ какія мысли! Не спроси у дочери господина Арнолда, какая бы польза ей была, есльи бы отецъ ея имѣлъ теперь деньги? Тогда не имѣла бы она нужды отдавать свои вещи.

Луиза. А у кого нѣтъ такихъ вещей, какая жь шому и отъ денегъ польза?

Гартигъ. Онѣ достаются развращеннымъ дѣшамъ, отъ кошорыхъ и благодар-

дарности за то не получишь. — Пойди, приведи ко мнѣ дочь Г. Арнолда: мнѣ надобно узнать, во что цѣнишь она свои вещи и что изъ нихъ мнѣ принадлежитъ; я не хочу взять ни одной копейки ни лишней сверхъ того, сколько оцѣнъ ей мнѣ долженъ: это былъ бы непроспешельной грабежъ.

Луиза. Но не позабудьте жъ и обо мнѣ! (*уходитъ*)

ЯВЛЕНІЕ VI.

Гаршигъ. одинъ.

Не могу надивиться! — какія дѣшпи! — Сынъ хочетъ итти въ шюрму за своего отца — дочь приходитъ ко мнѣ и падаетъ предо мною на колѣни — опдаетъ послѣднее, что у нее оставалось. За какова жъ отца? за такую, копорой привелъ ихъ въ несчастіе, разорился, поручился за обманщика. — А мои дѣшпи живутъ въ изобиліи, ни о чемъ не заботясь; однакожъ я не вижу отъ нихъ благодарности: сынъ вдается въ праздность и думаетъ только о шалостяхъ, а дочь и теперь уже занимается только вздорами.

(*Окончаніе сообщено будетъ въ слѣдующемъ Но.*)

Д Ъ Т С К О Е Ч Т Е Н І Е.

Добрѣя дѣти , драма. (Окончаніе.)

Я В Л Е Н І Е VII.

Гаршигъ. Шарлотта.

Шарлотта. Извините меня , господинъ Гаршигъ. —

Гартигъ. Въ чемъ извиняешься , когда ты заплашишь мнѣ хочешь ? для чего ты прежде эпова не сказала ? мнѣ бы эпо было пріятно , и опецъ швой шеперь былъ бы уже свободенъ.

Шарлотта. Свободенъ ! какое щастіе ! — но вы прежде не хотѣли меня выслушать. —

Гартигъ. Я выслушалъ бы тебя съ радостію , естли бѣ ты попчасть сказала мнѣ , за чѣмъ ты пришла. Но мнѣ кажется , я не слышалъ отъ тебя сперва ничего , кромѣ пустыхъ жалобъ и прозбъ.

Шарлотта. Эпо правда ; сперва надѣялась я , что вы пронетесь нашимъ нещастіемъ и сжалились надъ нами ; я

хотѣла сберечь послѣднее, что у насъ оставалось на содержаніе меня, брата моего и нашей шешки.

Гартигъ. Однако жъ надобно признаться, что овецъ швой непроспипельно посшупалъ. Для чего онъ шрашилъ деньги на такія дорогія бездѣлки? Развѣ онъ не зналъ, что деньги всегда должны быть въ оборотѣ и не лежать ни одной минушы безъ пользы? Деньги деньгами жъ наживаются.

Шарлотта. Вы ошибаетесь, государь мой! Э въ вещи досшались мнѣ послѣ покойной моей мамушки, а она получила ихъ отъ своей шешки. До нынѣшняго дня я и не знала, что онъ у меня есть.

Гартигъ. Какъ это могло шпаться?

Шарлотта. Сегодня шолько, прощаясь со мною, бапюшка ихъ мнѣ опдалъ. Я просила его, чтообы онъ упошребилъ ихъ на заплашу своего долгу, но —

Гартигъ. Онъ посшупилъ бы очень безсовѣстно, ешьли бы на шо согласился.

Шарлотта. Но онъ опвѣчалъ мнѣ, что это было бы очень несправедливо, ешьлибъ онъ заплашилъ свой долгъ шѣмъ, что одной мнѣ принадлежишъ; приказалъ продать ихъ, и шѣми деньгами, копорья получили бы мы за нихъ, содержась

ся мнѣ съ моимъ братомъ и съ нашею пещушкою, которая скоро сюда будетъ; она живешъ въ небольшомъ городкѣ не далеко отсюда, въ бѣдносши.

Гартигъ. А ты отдаешь свои вещи мнѣ, чтобы я освободилъ твоего отца?

Шарлотта. Да, господинъ Гартигъ! и прошу васъ, сдѣлайте насъ щасливыми не теряя времени.

Гартигъ. Но чѣмъ же ты будешь содержаться? Чѣмъ будешь жить твоей овецъ, братъ твой?

Шарлотта. Намъ не много надобно. Я научена нѣкоторымъ рукодѣльямъ; буду работать день и ночь и заработываю имъ и себѣ на пропитаніе.

Гартигъ. Признаюсь, что ты меня удивляешь. И все это дѣлаешь ты изъ любви къ своему отцу.

Шарлотта. Ахъ, господинъ Гартигъ! вы въ спыдѣ меня приводите, либо хопите меня испытывать. Можно ли сдѣлать меньше для отца, и для шакова отца, каковъ нашъ?

Гартигъ. Но вашъ овецъ дѣлаешь васъ несчастными.

Шарлотта. Мы не будемъ несчастны, когда вы его намъ возвратите. Онъ училъ насъ быть набожными и добродѣ-

пельными , довольствовашься малымъ , бышь лучше въ бѣдности честными , нежели несправедливыми въ богатомъ состоянїи , предпочипашь скромность и умѣренность гордости и щеславію. Все-му этому училъ онъ насъ своимъ примѣромъ.

Гартигъ. Однако жь онъ мнѣ не заплашилъ. Честно ли это ?

Шарлотта. Ахъ, господинъ Гаршигъ! онъ заплашилъ бы вамъ охотно , естли бы могъ. Но онъ обманулся. Доброе его сердце заставило его положиться на шакова друга , копорой можетъ бышь по легкомыслію измѣнилъ ему.

Гартигъ. Ты искусчо защищаешь своего опца. — (*Отходитъ отъ нее и говоритъ въ сторону.*) Я никогда еще не чувствевалъ того , что теперь чувствую — слезы выпупающъ у меня на глаза. — Кажется , будшо совѣсть запреща-етъ мнѣ принять дорогія вещи , копорыя она мнѣ опдаетъ. —

Шарлотта. Мнѣ кажется , что вы сомнѣваешесь; государь мой! Развѣ эшихъ вещей для васъ не довольно ? Я опдала бы вамъ все, чего бы вы еще ни потребо-вали ; но клянусь вамъ , что больше ни-чего у меня нѣшъ —

Гар-

Гартигъ (уходя.) Подожди здѣсь, дочь моя! я пошчасъ прійду.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Шарлошпа, *одна.*

Мнѣ кажется, что онѣ пронупѣ!
 — Онѣ говорилѣ самѣ съ собою — назвалѣ меня своею дочерью. — О Боже! еспьлибѣ онѣ возврашилѣ намѣ бапюшку! мнѣ ничшо не дорого —

ЯВЛЕНІЕ IX.

Шарлошпа. Гаршигѣ. Гейнрихѣ.

Гейнрихѣ (держитѣ за руку Г. Гартига, и вошедши падаетѣ къ его ногамѣ.)
 Сжальшесь — сжальшесь надѣ нами и возвращите намѣ бапюшку! (*увидѣвши Шарлотту, встаетѣ и бѣжитѣ къ ней.*)
 Ты здѣсь, Шарлошпа? — Помоги мнѣ проситѣ господина Гартига, чтобѣ онѣ взялѣ меня вмѣсто бапюшки. Бапюшка можешѣ прудитѣсь; — когда онѣ будетѣ свободенѣ, по можешѣ найпи средство удовольствоватѣ своихѣ займодавцовѣ; а я ничего не могу сдѣлатѣ.

Шарлотта (также беретъ за руку *Г. Гартнега* и омочаетъ ее слезами.) Да, братецъ! я надѣюсь, что бапюшка скоро будетъ свободенъ. — Не правда ли, господинъ *Гартнегъ*? Вы довольны моею плашою? — (*Гартнегъ* смотритъ на свою руку; она прижимаетъ то.) Проспите мнѣ — это слезы радости — я не могла ихъ удержашь — надежда, что вы склонитесь на прозбу нашу —

Гартнегъ, Шарлотта! — ахъ, еспьлибъ ты была моя дочь!

Шарлотта. О! когда бы я была дочь ваша, не былъ бы отецъ мой теперь въ шюрмѣ. Я спала бы просить васъ не опспуно —

Гартнегъ. Но спала ли бы ты и за меня просить, еспьлибъ я долженъ былъ вашему опцу и онъ бы хотѣлъ заключить меня въ шюрму?

Шарлотта. Конечно; и за васъ спали бы мы просить нашего бапюшку. Ваши дѣши, такъ же, какъ и мы, не могли бы жить безъ васъ. Вѣрно и онъ просили за насъ —

Гартнегъ. Жаль, что ты ошибаешься; — но онъ и не такія добрыя дѣши, какъ вы.

Шарлотта. Онъ сполько чувспвуютъ свое щасціе и любящъ васъ такъ нѣжно,

но, что и представишь себѣ не можешь, какъ можно разспаться съ ошцомъ.

Гартигъ (кивая головою.) Сомнѣваюсь — Однако жь, мальчикъ! въ самомъ ли дѣлѣ ты хочешь, чѣобѣ я велѣлъ посадить тебя въ шюрму, вмѣсто своего ошца? — Знаешь ли ты, какъ страшно быть въ шюрмѣ? —

Гейнрихъ. Клянусь вамъ, что я желаю этова ошѣ всего сердца.

Шарлотта. Это уже не нужно, брашецъ. Господинъ *Гартигъ* соглашается принять мои вещи за бабюшкинъ долгъ.

(*Входитъ Карль и шепчетъ нѣчто отцу своему на ухо. Гартигъ хочетъ выйти.*)

Шарлотта. Не уходите ошсюда, не обнадеживши насъ, что мы скоро увидимъ нашего бабюшку.

Гейнрихъ. Да, я ошѣ васъ не ошспану, пока вы не дадите мнѣ слова, что соглашаешься на мою прозьбу.

Гартигъ. Пошерпише немного; я пошчасъ ошашь здѣсь буду. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ X.

Шарлотта. Гейнрихъ. Карлъ.

Карлъ. Чшо-шо съ вами будетъ, господинъ Арнолдъ! уже пришли за вами, чшобы отчести васъ въ тюрьму.

Гейнрихъ. Я пойду охотно, естли бапюшку выпустятъ отсюда.

Карлъ (Шарлоттѣ). Не хотите ли и вы итти съ вашимъ братцомъ? Я охотно попросилъ бы бапюшку и объ васъ.

Шарлотта. Эшо не нужно. Я заплашила долгъ вашему бапюшкѣ, и онъ доволенъ.

Карлъ. А! пакъ вы богаты! Видно, чшо вашъ бапюшка очень добръ. Онъ самъ разорился; а вамъ давалъ сполько денегъ, чшо вы за него долги плашите можете. Теперь уже я и не дивлюсь —

ЯВЛЕНИЕ XI.

Презніе. Луиза.

Луиза. Чшо? уговорили ли вы бапюшку?

Шарлотта. Миѣ кажется, и не нужно было уговаривать его. Нашъ бапюшка былъ ему долженъ; я эшопъ долгъ заплашила — въ чемъ же шупъ уговаривать? —

Карлъ.

Карль. Развѣ ты не слышишь, что она заплашила за своего башюшку?

Луиза. Однакожь не деньгами, и еспьбя бы не я —

Шарлотта. Я думаю, вамъ можно бы уже знашь, что деньги и шакія вещи, кошорья дорого сподяшь, все равно —

Я В Л Е Н І Е XII.

Прежніе. Гаршигъ. Арнолдъ.
(*Шарлотта и Гейнрихъ бросаются въ объятія къ своему отцу.*)

Шарлотта. О Боже! — башюшка!

Гейнрихъ. Башюшка!

Арнолдъ. Дъщи мои! (обнимаетъ ихъ.)

Шарлотта (беретъ свой ящичекъ, которой лежалъ на столѣ, и подаетъ его *Гартигу.*) Возмите, возмите его, господинъ *Гаршигъ!* — пріймите и благодарность мою —

Гейнрихъ. Пріймите нашу общую благодарность за то, что вы башюшку намъ возвращаете!

Арнолдъ. Что я вижу? Что ты сдѣлала, дочь моя?

Шарлотта. Я сдѣлала то, чего должносшь, чего нѣжная къ вамъ любовь опѣ

меня требовали. Могла ли я оставить васъ въ шюрмъ, будучи въ состояніи доставить вамъ свободу? — Нѣтъ, бабюшка! я не пощадила бы и послѣдней капли моей крови —

Арнольдъ. Любезная дочь! я знаю швое сердце; но въ этомъ случаѣ поступила ты не благо разумно — неоспоржно.

Шарлотта. Однако жъ справедливо. Просшите меня; я послѣдовала вашему примѣру. Вы жертвовали для насъ собою; какъ же и намъ шого жъ для васъ не сдѣлашь?

Арнольдъ. Господинъ Гаршигъ! вы видите, сколько дѣши чувствительны. Не уже ли и ваше сердце къ чувствительности не способно? — Позвольте разсказать вамъ. —

Гаршигъ. Я уже знаю, все знаю.

Арнольдъ. Такъ сжалъсь же надъ моими дѣшми, и прикажите опвесци меня опять въ шюрму, пока я прійду въ состояніе —

Гейнрихъ. Нѣтъ, бабюшка! господинъ Гаршигъ соглашается взять меня вмѣсно васъ; я пойду шуда.

Арнольдъ. Сынъ мой! я принимаю добросердечное швое желаніе за самое

дѣ.

дѣло; но ты пойдѣ шеперь и учишь при-
лѣжно, чѣобы въ свое время подавать мнѣ
помощь и утѣшеніе.

Гартигъ. Перестаньте! — сердце
мое такъ пронупо — слезы капаются
у меня изъ глазъ. — Господинъ Ар-
нолдъ! вы щасшливы несказанно. — Шар-
лотта! добродѣпельная дочь! возми об-
рашно свои вещи! — ты сама дороже
всѣхъ драгоценностей въ свѣтѣ.

Шарлотта. (не принимаетъ.) Но ба-
пюшка нашъ — нѣтъ! господинъ Гар-
тигъ, вы уже согласились —

Гартигъ. Возми, дочь моя! ты
обижаешь меня своею недовѣрчивостію.
— Не опасайся и возми, ещли не хо-
чешь меня разсердить!

(*Луиза старается знаками удержать
своего отца; онъ смотритъ на нее съ
гнѣвомъ.*)

Шарлотта. Я принимаю и благо-
дарю васъ — однакожь съ уговоромъ —

Арнолдъ. Государь мой! я въ вашей
власпи.

Гартигъ. Господинъ Арнолдъ! для
добрыхъ вашихъ дѣшей даю вамъ столько
сроку,

сроку, сколько вамъ надобно, пока обстоятельства ваши поправятся.

(Гейнрихъ и Шарлотта обнимаютъ Г. Гартнегъ и ласкаются къ нему.)

Шарлотта. Благодарѣнствъ нашѣ! вы жизнь намъ возвращаете —

Гейнрихъ. Вы возвращаете намъ счастье, утѣшеніе. — возвращаете намъ все. — Чѣмъ можемъ мы оказать вамъ нашу благодарности?

Арнольдъ (беретъ его за руку.) Вы одолжаете не неблагодарнаго, Первое мое стараніе будетъ заплачивать вамъ, какъ скоро Богъ мнѣ поможетъ,

(Гартнегъ вынимаетъ платокъ и отираетъ слезы. Между тѣмъ Карлъ и Луиза подходятъ къ Шарлоттѣ.)

Луиза. Позвольте мнѣ еще посмотреть прекрасныя ваши вещи.

(Шарлотта раскрываетъ свой ящикъ, и между тѣмъ какъ Луиза разсматриваетъ съ удивленіемъ, она вынимаетъ изъ него перстень и отдаетъ ей.)

Шарлотта. Пріймите этотъ перстень въ знакъ нашей благодарности къ вашему батюшкѣ.

Гартнегъ. Какъ? что? — нѣтъ! я не хочу, чтобы мнѣ плашили за добро, кошорое я дѣлаю.

Луиза.

Луиза. Перстень эштоу мнѣ подаренъ. Для чего мнѣ не принять чшо мнѣ дарятъ?

Гартигъ. А когда опецъ приказываетъ, чшобъ ты не брала? — не бери, говорю я тебѣ! — подай его мнѣ!

Луиза. Нѣтъ, башюшка! — перстень мой; онъ у меня и останешся. (*Уходитъ, а опецъ бѣжитъ за нею.*)

Карлъ. И я надѣялся чшо нибудь получишь; а теперь вижу, чшо мнѣ ничего не доспанешся. Не знаю, чшо съ башюшкою сдѣлалось; онъ никогда еще такъ щедръ не бывалъ. (*уходитъ.*)

Гартигъ (*возвращаясь и встрѣтившись съ Карломъ.*) Скажи своей сесипрѣ, чшобъ она сей же часъ опдала перстень, — а не то, дурно будетъ. — Ахъ! какъ я разсердился! — скажите, господинъ Арнолдъ, гдѣ вы берете добрыхъ дѣпей? для чего мои дѣпи такъ меня мучатъ? — но я знаю — знаю, чѣмъ ихъ наказашъ! (*Онъ подходитъ къ писменному столу и ищетъ въ немъ нѣкоторыхъ бумагъ.*)

Арнолдъ. Смѣю ли я говорить опкровенно?

Гартигъ. Опкровенно? — да, говорите опкровенно; я люблю опкровенность,

Арнолдъ.

Арнольдъ. Я опасаюсь, не сами ли вы въ помѣ виноваты.

Гартигъ. Какъ! самъ я виноватъ въ помѣ, что дѣши мои меня не слушающа и мнѣ догаждающъ? — Не получающъ ли онъ отъ меня всего, что только имъ надобно? не пекусь ли я о помѣ, чтобы онъ и шеперь и по смерти моей не шепрѣли недосыпка? не шпружусь ли я для того день и ночь?

Арнольдъ. Вы не имѣете причины сердиться на меня за то, что я сказалъ. — Многие богатые люди поступаютъ такъ же, какъ вы. Они весьма рано вперяющъ въ дѣшей своихъ неограниченное почтеніе къ богатству, и слѣшкомъ возвышающъ его цѣну, унижая при помѣ такія вещи, копорыя гораздо важнѣе богатства.

Гартигъ. А чтожь? это и справедливо. Развѣ не можно съ богатствомъ досыпать все то, что тебѣ угодно?

Арнольдъ. Не все. Оно не досыавляетъ намъ ни одной изъ шѣхъ добродѣтелей, копорыя дѣлающъ насъ любви достойными предъ Богомъ и предъ людьми, ешьли мы не упошребляемъ его съ добрыми и благородными намѣреніями. — Когда всѣ склонности, желанія и спаранія дѣшей

шей успремлены будутъ къ богатству ; когда вся душа ихъ занята будетъ шюю мыслию , что богатство все имъ доставить можетъ --- оспанеися ли тогда мѣсто для любви къ Богу , къ родителемъ , къ должностямъ , къ добродѣтели и ко всему великому и благородному ?

Гартигъ. Такъ ; и мнѣ кажется , что вы правду говорите .

Арн лдъ. Онѣ не будутъ родителей своихъ слушаться , будутъ нечувствительны при благополучии и несчастіи другихъ людей , и какъ спрасти ихъ отъ времени до времени усиливаюиися , то наконецъ будутъ онѣ желать смерти своимъ родителямъ , для того , чтобы получить способъ удовлетворять всѣмъ своимъ желаніямъ .

Гартигъ. О Боже ! это правда : мои дѣти совсѣмъ меня не любяшъ ; дочь моя занимается только суешностію , а сынъ думаетъ только о деньгахъ , чтобы ихъ прапшить .

Арнолдъ. Молодые люди рѣдко любяшъ деньги для самыхъ денегъ , но обыкновенно для какихъ нибудь иныхъ пристрастій ; а по тому , какъ скоро получаютъ волю и средства удовлетворять своимъ пристрастіямъ , дѣлаются мотами

ми и распочаюшѣ имѣніе, которое отцы ихъ съ шрудами и забошами собирали.

Гартигъ. Правда, господинъ Арнолдъ! правда! — я теперь вижу, какъ сынъ мой и дочь моя распочаюшѣ послѣ меня мои деньги! — Вы открыли мнѣ глаза: я хочу — да, я хочу непременно — ахъ! я самъ не знаю, чего хочу; я не знаю, какъ сдѣлать дѣшеи моихъ шаки-ми жъ, каковы ваши. Скажите мнѣ, что мнѣ для эпова надобно дѣлать, или что вы дѣлали?

Шарлотта. Господинъ Гартигъ, вы думаете о насъ слишкомъ хорошо.

Гейрихъ. И мы имѣемъ свои пороки.

Гартигъ. А мои дѣши и эпова никогда о себѣ не говоряшѣ.

Арнолдъ. Я старался всегда впечатлѣвать въ нихъ любовь и почтеніе къ Богу и добродѣтели; училъ ихъ, что одна только добродѣтель можетъ ихъ сдѣлать щасливыми и въ нынѣшней жизни и въ будущей; увѣрялъ ихъ, что богатство и знашность тогда только заслуживаюшѣ почтеніе, когда на добро употребляюшѣся; старался заблаговременно предохранять ихъ отъ праздности, заставлялъ ихъ учиться всему тому, что можетъ принести имъ пользу или

невин-

невинное удовольствіе, и что лично ихъ состоянію; наконецъ спарался я учить ихъ всему добру собственнымъ моимъ примѣромъ, сколько по слабость моя позволяла. При всякомъ случаѣ показывалъ я имъ опыты моей любви, и онѣ плашили мнѣ за по взаимною любовію.

Гартигъ. А я почти ничего эпова для своихъ дѣшей не дѣлалъ. Я спарался только, чтобы онѣ не перпѣли недоспашка, а больше почти ни о чемъ не заботился. — Однако жь, господинъ Арнолдъ, хорошъ ли эпотъ примѣръ, копорой вы показали своимъ поручительствомъ?

Арнолдъ. Можешъ бышь поступилъ я не довольно оспорожно; а впрочемъ я и теперь еще объ эпомъ не раскаиваюсь.

Гартигъ. Не раскаиваетесь? — Спранно! — Но что, еспьлибъ я не перемѣнилъ моего намѣренія? или еспьлибъ дѣши ваши — о! другихъ шакихъ дѣшей не скоро найдешь! —

Арнолдъ. Поручившись за моего друга, исполнилъ я по, къ чему дружба меня обязывала. Другъ мой, или попъ, кого я почиталъ другомъ, не сдержалъ сво-

его слова, или не могъ его сдержать; и такъ онъ остается виноватымъ, а не я.

Гартиевъ. Однако не онъ, а вы перпѣли за то наказаніе; вы перпѣли несчастіе.

Арнолдъ. Я почти и не могу назвать несчастіемъ это приключеніе. Оно научило дѣтей моихъ не полагаться на людей и на деньги, по тому, что одно небольшое обстоятельство можетъ разрушить всѣ наши надежды, все наше счастье. Онъ имѣли случай увѣриться, сколь полезно собирать сокровище въ самомъ себѣ; онъ были столько счастливы, что добросердечіемъ своимъ и любовію ко мнѣ возбудили ваше великодушіе и заслужили отъ васъ себѣ любовь; а срокъ, которой вы мнѣ дали, послужилъ вамъ, какъ я надѣюсь, доказательствомъ въ томъ, что я честной человекъ.

Гартиевъ (оттираетъ слезы, подходитъ опять къ своему столу, вынимаетъ бумагу и разодравши ее, отдастъ Г. Арнолду.) Я увѣренъ въ вашей честности. — Вашъ ваше обязательство. Вы ничѣмъ уже мнѣ не должны. Простите меня въ томъ, что я нанесъ огорченіе вамъ и добрымъ вашимъ дѣтямъ.

Арнольдъ (обнимая его.) Нѣтъ, я остаюсь вашимъ должникомъ. Вы теперь пронужы; а послѣ можете бытъ стали бы жалѣть о томъ, что вы теперь сдѣлали. — Но слово мое сполько же надежно, какъ и письменное обязательство.

(*Входитъ слуга и подаетъ Г. Гартигу письмо*)

Слуга. Вотъ письмо къ вамъ! Господинъ мой получилъ его въ своемъ письмѣ. Еще приказалъ онъ сказать вамъ, что вы можете прислать за деньгами, когда вамъ угодно.

Гартигъ. За деньгами? — изрядно!

(*Слуга уходитъ.*)

Гартигъ (разсматривая надпись.) Что я вижу? рука Гулливерова! (*распечатываетъ письмо.*)

Арнольдъ. Гулливерова?

Гартигъ (*читаетъ.*) „Государь мой! „удаление отъ моего несчастна и особенное несчастное приключеніе, о которомъ общоятельно увѣдомлю Г. Арнольда, привели меня въ несостояніе заплатить вамъ мой долгъ, даже не позволяли мнѣ и писать къ вамъ до сего времени. Теперь же посылаю къ вамъ

„ ассигнацію, по которой можете вы полу-
 „ чить плашу со всѣми надлежащими
 „ процентами отъ моего пріятеля, чрезъ
 „ котораго письмо сіе получите, и проч. „
 — (смотря пристально на Арнолда.)
 Господинъ Арнолдъ!

Арнолдъ. Какая радость! и другъ
 мой честной человекъ!

Шарлотта. Какъ я рада, что Богъ
 великодушіе ваше награждаетъ!

Гейнрихъ. Башюшка! — слава Богу!
 шеперь не о чемъ уже вамъ заботишься.

Гартигъ (бывши нѣсколько времени
 въ великомъ удивленіи, приходитъ въ себя)
 Дѣши! — вотъ она! (отдаетъ имъ
 ассигнацію.) она ваша. — Въ первой
 разъ въ жизни моей чувствую, какос
 удовольствіе дѣлать добро добрымъ лю-
 дямъ, и вы этому меня научили. (*Дѣши*
не хотятъ принять и смотрятъ на свое-
го отца.) Не мстите мнѣ за мою суро-
 вость, и не отказывайтесь принять
 эпомъ небольшой подарокъ! — Гос-
 подинъ Арнолдъ! вы несравненно меня бога-
 тѣе своими дѣшми. Теперь я вижу,
 что отеческое благословеніе сокровища
 дѣшамъ приноситъ. Будете всегда моимъ
 другомъ!

Арнолдъ. Могу ли я позабыть ваше
 великодушіе! *Шар-*

Шарлотта. И мы никогда не позабудемъ нашего благодѣтеля.

VII.

О нѣкоторомъ ядовитомъ деревѣ, находящемся на островѣ Явѣ, въ Ост-Индіи.

Слѣдующее повѣствованіе столь удивительно, что и самой легковѣрной челоувѣкъ можетъ о немъ усомниться. Однако жъ въ самомъ дѣлѣ оно достоверно и заслуживаетъ вниманіе. Многіе путешественники писали о семъ достопамятномъ деревѣ, и между прочими одинъ Голландской медикъ, по имени Фершъ, сообщилъ о немъ довольно обстоятельное извѣстіе. Жители того острова, гдѣ оно находится, называютъ его на своемъ языкѣ *Богон Упасъ*. „Сперва не могъ я повѣрить, говоритъ Г. Фершъ, чтобъ было такое дерево, которое имѣло бы такія страшныя дѣйствія. Однако жъ многіе слухи и повѣсти наконецъ такъ возбудили мое любопытство, что я вознамѣрился самъ развѣдать о томъ обстоятельно. И такъ отправился я изъ Батавіи, главнаго города на островѣ Явѣ, далѣе въ тѣ земли, гдѣ живутъ еще язычники. Одинъ старой свя-

щенникъ. далъ мнѣ письмо къ другому священнику, которой живешъ часовъ за 7 ѣзды отъ ядовитаго дерева. Ему поручено отъ Государя сего острова приговляшь къ смерти преступниковъ, которыхъ посылающъ къ дереву доставать ядъ. Я отдалъ сему священнику письмо, и узналъ отъ него все то, что теперь сообщаю.

Богон - Упасъ находится за 27 часовъ ѣзды распоянѣмъ отъ Батавіи. Онъ окруженъ со всѣхъ сторонъ пустыми холмами и горами. Окрестная земля на 4 или на 5 часовъ около сего дерева, суха и не производитъ никакихъ плодовъ. Не видно тамъ никакова дерева, никакова кустарника и даже никакой травы. Я объѣзжалъ вокругъ сего опаснаго мѣста и гездѣ находилъ только сухую и пустую землю. Все сіе происходитъ отъ ужасно сильнаго яду, находящагося въ одномъ только деревѣ, котораго испаренія далеко распространяющся.

Жилище священника, какъ я уже сказалъ, находится за 7 часовъ отъ сего дерева, и отсюда преступники отправляющся доставать ядовитую сѣру, вытекающую изъ коры онаго. Сямъ ядомъ намазываютъ оружіе, и по шому Государь получаешъ

часть отъ него значной доходъ. Доставать ядъ посылаются одни только преступники, осужденные уже на смерть, и копорымъ остается одно сіе средство ко спасенію жизни. Когда приговоръ объ нихъ бываетъ утверждёнъ, то спрашиваютъ ихъ предъ судомъ, хотятъ ли они быть казнены, или лучше хотятъ идти къ дереву Упасъ за ядомъ? Обыкновенно выбираютъ они послѣднее, для того, что имъ не только остается еще при томъ некоторая возможность сохранить жизнь, но и опредѣляется отъ Государя по смерти ихъ содержаніе, если имъ удастся дойти до дерева и возвратиться. Также позволяется имъ просить у Государя какойнибудь небольшой милости, и обыкновенно просьба ихъ исполняется. По томъ дающъ имъ серебряную или черепашовую коробочку, въ которую должны они собирать ядовитую сѣру. Также получающъ они наставленіе, какъ имъ должно поступать на семъ опасномъ путешествіи. Совѣтуютъ имъ наблюдать рачительно, съ которой стороны вѣтръ вѣетъ, и идти такъ, чтобъ вѣтромъ всегда относило отъ нихъ испаренія дерева. Еще совѣтуютъ имъ спѣшить изо всѣхъ силъ, для того, что это служитъ един-

спвеннымъ способомъ къ сохраненію жизни. По томъ посылають ихъ ко престарелому священнику. Обыкновенно провожаютъ ихъ туда родственники ихъ и приятели. Тамъ живутъ они иногда по нѣскольку дней, ожидая удобнаго вѣпру, и въ сіе время священникъ приготавливаетъ ихъ къ смерти молитвами и увѣщаніями.

Когда имъ надобно будетъ итти, то священникъ надѣваетъ имъ на головы длинныя кожаныя покрывки, которыя достають до груди, и въ которыхъ предъ глазами вдѣланы бывають стекла. Также даетъ онъ имъ по парѣ кожаныхъ перчатокъ. По томъ отправляются они въ путь. Священникъ съ родственниками ихъ и приятелями провожаютъ ихъ еще за полчаса вѣды. Священникъ повторять свои наставленія и сказываетъ, гдѣ имъ искать дерева. Онъ указываетъ имъ пригорокъ, на которой взойдши увидятъ они ручай и прямо по берегу сего ручья дойдутъ къ ядовитому дереву. По томъ осужденные прещаются со своими провожатыми и уходятъ.

Престарелой священникъ увѣрялъ меня, что онъ уже прищипалъ лѣтъ живешь на семъ мѣстѣ, и во все по время
мя

мя отправляяль больше 700 преступниковъ за ядомъ, изъ которыхъ едва ли 70 возвратились назадъ, прочіе жъ все умерли на дорогъ. Онъ показывалъ мнѣ рѣспрѣ всехъ сихъ несчастныхъ, въ которомъ означено было, въ какой день они отправились и за какое преступленіе были посланы.

Я нѣсколько разъ былъ свидѣтелемъ сея печальной церемоніи и просилъ нѣкоторыхъ изъ отправляющихся преступниковъ, чшобъ они принесли мнѣ хотя маленькую вѣпочку ядовитаго дерева, или нѣсколько листьевъ. Также давалъ я имъ шелковые шнуры, чшобъ они смѣряли его полштопу. Однако не могъ я ничего получить, кромѣ двухъ изсохшихъ листьевъ, которыя одинъ изъ возвратившихся поднялъ на дорогъ. Онъ не могъ мнѣ ничего больше рассказать о семъ деревѣ, какъ то, что оно стоитъ на берегу ручья; что оно посредственной величины; близко подлѣ его находится еще пять или шесть деревъ того жъ роду, а кромѣ того вблизи не видно никакова распенія; земля состоитъ изъ темноватаго песку, смѣшаннаго со множествомъ мелкихъ камней; дорога къ нему почти непроходима и покрыта мертвы-

ми шѣлами. Жители острова Явы почи-
таютъ Богон-Унасъ священнымъ орудіемъ
пророка своего Магомеша, служащимъ
для наказанія беззаконниковъ. Умеренъ
онъ яду сего дерева почищается у нихъ
за честную смерть; и по шому примѣ-
шилъ я, что преступники отправляясь въ
свой путь, обыкновенно одѣваются въ
самое лучшее свое платье.

Хотя и не вѣроятно кажется, но
заподлинно извѣстно, что за 6 часовъ
ѣзды вокругъ сего ядовитого дерева не
только люди жить не могутъ, но и ни-
какова животнога шамъ не видали. Чест-
ные и достовѣрные люди сказывали мнѣ,
что даже и въ ручьѣ нѣтъ никакой ры-
бы; что во всей шамошней сторонѣ не
видали ни одной мыши, никакова червяка
или комара; когдажъ какая нибудь птица
подлешитъ къ дереву такъ близко, что
его испаренія могутъ до нее дойти, то
падаетъ на землю и умираетъ. Нѣко-
торые преступники, возвращаясь отшу-
да, видали шакихъ птицъ падающихъ
сверху и приносили ихъ къ священнику.

Я расскажу еще одно происшествіе,
служащее доказательствомъ смертельныхъ
свойствъ сего дерева, и случившееся во
время моего пребыванія въ Явѣ. Въ 755
году

году взбунтовались подданные одного
 шамошняго владѣльца, и не хотѣли пла-
 тить наложенной на нихъ подати. Вла-
 дѣлецъ послалъ вооруженныхъ людей,
 чтобы наказатъ сихъ бунтовщиковъ и
 выгнать изъ своей области. И такъ
 1000 человекъ принуждены были осма-
 вить свое опечесиво. Никто изъ дру-
 гихъ владѣльцовъ не хотѣлъ принять
 ихъ подъ свое покровительство. Въ та-
 кой нуждѣ не оставалось имъ ничего
 иного, какъ поселиться на пустой зем-
 лѣ около ядовитаго дерева. Они про-
 сили на то позволенія у государя, и сіе
 позволеніе было имъ дано, только съ
 условіемъ, чтобы они селились не далѣе,
 какъ за пять или за шесть часовъ ѣзды
 отъ дерева, дабы не пришлись другимъ
 поселянѣ живущимъ въ сосѣдствѣ. Они долж-
 ны были на то согласиться. Но мѣняе, не-
 жели въ два мѣсяца, умерло изъ нихъ
 болѣе 300 человекъ. Старшины остав-
 шихся несчастныхъ возвратилась къ пре-
 нему своему владѣльцу, донесли ему о сво-
 емъ уронѣ и просили прощенія. Владѣ-
 лецъ сожалелся надъ ними и принялъ ихъ
 опять въ подданство, почитая ихъ уже
 довольно наказанными. Я владѣль нѣко-
 то-

порыхъ изъ сихъ несчастныхъ по возвращеніи ихъ, и говорилъ съ ними. Всѣ они казались одержимыми какою нибудь заразительною болѣзнію; они были блѣдны и сухи; а изъ того, что они рассказывали мнѣ о смерти своихъ товарищей, увѣрился я, что они лишились жизни отъ яду.

Спаль сильное дѣйствіе яду въ такомъ дальнемъ разстояніи отъ дерева въ самомъ дѣлѣ весьма удивительно, особливо жъ по тому, что инымъ удается подходить къ нему весьма близко, однако жъ они остаются живы. По большей части зависящъ сіе отъ вѣтру. Если вѣтръ во все то время, какъ преступники идутъ къ дереву, дуетъ такъ, что не наноситъ имъ ядовитыхъ испареній въ лицо, то они могутъ живы остаться. При томъ всего опаснѣе, что въ сихъ мѣстахъ не можно долго полагаться на вѣтръ, ибо онъ весьма переменчивъ и не долго дуетъ съ одной стороны.

Я хотѣлъ сдѣлать опытъ, можетъ ли ядовитая сѣра вредитъ и другимъ животнымъ. Имѣя двухъ молодыхъ собакъ, доспалъ я съ великимъ трудомъ небольшое количество сѣры, намазалъ

залъ ею острой ножичекъ и прокололъ имъ немного кожу обвѣмъ собакамъ. Чрезъ три минуты послѣ того, начали онѣ выть и мешаться во всѣ стороны, и наконецъ издохли.

Можетъ быть спросятъ: для чего не спараются испробовать сего вреднаго дерева, котораго дѣйствию спрашиваютъ моровой язвы? — Причину того легко отгадать можно. Никто не осмѣлился пробовать подлѣ него споль долго, сколько надобно, дабы срубить дерево такой толщины. Сожечь его также не можно, ибо съ огнемъ подходить къ нему опасно. Сверхъ того Государь ежегодно получаетъ значной доходъ отъ сѣры вытекающей изъ *Богон-Упаса*, которою военные люди намазываютъ свое оружіе. —

Вотъ что рассказываетъ Г. Фершъ! Повѣствованіе его не можно почесть за выдумку, по тому, что и въ другигъ мѣстахъ, а особливо въ Америкѣ находятъ подобныя ядовитыя деревья. Но нигдѣ еще не найдено такого дерева, котораго дѣйствія имѣли бы споль же ужасную силу. — Безъ сомнѣнія и сіе смертоносное растеніе имѣетъ великую пользу, для которой оно создано отъ Бога, хотя мы и не знаемъ сея пользы.

VIII.

Анекдотъ.

Иосифъ II, нынѣшній Римской Императоръ, прогуливаясь нѣкогда въ вечеру, по своему обыкновенію, увидѣлъ дѣвушку, которая заливалась слезами, спросилъ у нее, о чемъ она плачетъ, и узналъ, что она дочь одного канишана, которой убишъ на войнѣ, и что она осталась безъ пропитанія со своею матерью, которая при томъ давно уже лежитъ больна.

„Для чего вы не просите помощи у Императора?“, спросилъ онъ.

Дѣвушка отвѣчала, что онъ не имѣютъ покровителя, которой бы представилъ Государю о ихъ бѣдности. —

„Я служу при Дворѣ, сказалъ Монархъ, и могу эшо для васъ сдѣлать. Приидиге только завтра во дворецъ, и спросите тамъ поручика Б**.“

Въ назначенное время бѣдная дѣвушка пришла во дворецъ. Какъ скоро выговорила она имя Б**, шо отвели ее въ комнату, гдѣ она увидѣла шого офицера которой вчера говорилъ съ нею, и узнала въ немъ своего Государя. Она пришла въ себя отъ удивленія и страху. Но

Импе-

Императоръ, взявши ее за руку, сказалъ ей весьма ласково: „вопѣ шрису червонныхъ для швоей матери, и еще пять сошѣ за швою къ ней нѣжность и за довѣренность ко мнѣ. Сверхъ того опредѣляю я вамъ по 500 шалеровъ ежегодной пенсїи. „

IX.

Двѣ Басни.

I.

„Посмотрите на новаго нашего сосѣда! „ говорили нѣкоторые плодовитыя деревья, когда садовникъ посадилъ подлѣ нихъ виноградъ: „онѣ не можетъ самъ собою держаться; не можетъ никому служить защитою отъ солнечнаго жару; даже не можетъ сдержатъ и самаго малаго ппичьяго гнѣзда. За чѣмъ его здѣсь посадили? Какихъ плодовъ можно отъ него ожидать? „

„Онѣ принесетъ такіе плоды, противъ кошорыхъ ваши ничего не споятъ. Подождите только осени: тогда всѣ вы будете завидовать вашему сосѣду, кошораго теперь презираете — „ сказалъ садовникъ несправедливымъ деревьямъ, и что онѣ сказалъ, то въ самомъ дѣлѣ сбылось.

Подобно сему часто смѣюшся надъ достойнымъ человѣкомъ, котораго наружность мало общаетъ; но вскорѣ заслуги его приспыжаютъ несправедливыхъ насмѣшниковъ.

2.

Наступила осень, и виноградъ началъ гордиться прекрасными своими плодами. Онъ не довольствовался тѣмъ, что всякой день сколько могъ оскорбительнѣе насмѣхался надъ приспыженными деревьями, и напоминалъ имъ прежнюю ихъ несправедливоспъ, но еще и требовалъ, чтобъ садовникъ испребилъ всѣ сіи дерева, и вмѣсто ихъ насадилъ одного только винограду.

„Знай, сказалъ ему садовникъ, что твоя доброша не опнимаесть у другихъ собственной ихъ доброты. Помни, что твоя плодъ доставляетъ пріятное пище, которое по большей части служитъ только для удовольствія; а плоды этихъ деревьевъ служатъ здоровою пищею.“

Остроша разума есть превосходное дарованіе; но остроумной человѣкъ не долженъ гордиться и пренебрегать другихъ: и другія дарованія приносятъ равную пользу.

Д Ъ Т С К О Е Ч Т Е Н І Е .

Х.

О огнедышущей горѣ Везувіи. (Изъ письма одного путешествовавшаго Англичанина.)

Для чего не были вы, любезной другъ, на сихъ дняхъ здѣсь, дабы видѣть одно изъ самыхъ великолѣпныхъ зрѣлищъ, копорыми Натура праводитъ смерпныхъ въ изумленіе? — Третьяго дни вспаль я задолго до восхожденія солнца, и по обыкновенію моему посмопрѣвши на Везувій, копорой виденъ изъ моего окошка, съ удивленіемъ и съ удобольспвіемъ увѣдѣлъ я двѣ рѣки лавы, ліющіяся съ самой вершины горы внизъ. Между шѣмъ изъ опврзстія горы поднимался густой дымъ, копорой иногда снизу освѣщаемъ былъ вырывающимся огнемъ. — Дымъ поднимался часъ опъ часу выше и подобными воанамъ облаками распросстранялся по обѣимъ сторонамъ. Пламянная рѣка лавы шекла въ прекрасныя долины во кругъ горы лежація. Свѣшпал ушрениая

звѣзда попустила и скрылась. Вся натура, какъ бы отъ страха пребывала въ шумной тишинѣ. Не слышно было никакова звуку, кромѣ глухаго грома, коимъ раздавался во внутренности горы. Дымъ поднимаясь часъ отъ часу выше и начиная раздѣляясь, покрылъ все небо. Жители Неапольскіе начали пробужаться къ сему спрашному зрѣлищу. Взошло солнце, но не такъ, какъ въ другое время во всей своей красотѣ — тогда было оно блѣдно и медлительно выходило изъ за ужаснаго позорища. Хотя въ его присутствіи огонь и лишился своего сіянія, однако жъ отверзстіе Везувія окружено было такимъ мракомъ, что и въ ясный день выпекающее пламя было видно.

Какъ смирился тогда гордой Неаполь! По улицамъ, по которымъ въ другое время безпрестанно разѣзжающъ ряды великолѣпныхъ каретъ, бѣгалъ народъ въ ужасѣ и уныніи, рыдая и ломая руки, съ обнаженными ногами и распущенными волосами. Нѣкоторые шѣснились въ церкви, другіе жъ отшуда выбѣгали. Тысячи стояли на кровляхъ домовъ и неподвижно смотрѣли на неумолимой предметъ своего ужаса. Жители сосѣдственныхъ деревень шолнами бѣжали въ городъ, держа на

ру-

рукахъ младенцовъ и гоня скотъ свой предъ собою; они не знали, возвращаются ли уже когда нибудь въ оставленные свои жилища. Во весь день представлялась безпрестанно переменяющаяся каршина ужаса. Но сіе ничего еще не значило въ сравненіи съ самымъ страшнѣйшимъ зрѣлищемъ, открывшимся при наступленіи ночи. Послѣ внезапнаго громоваго звуку вырвалось пламя въ видѣ огненнаго столпа, и поднявшись вдвое выше горы, вверху раздробилось на многія тысячи молній и огненныхъ камней, которые опчаспи носились въ облакахъ, опчаспи жь падали опять на гору и по обѣимъ ея споронамъ капились внизъ, подобно огненнымъ колесамъ; нѣкоторые изъ сихъ камней опспали весьма далеко и упали за нѣсколько миль отъ горы. Сколь далеко зрѣніе могло простирашья, вездѣ видны были лучи ужаснаго огненнаго столпа; вся верхняя часть Везувія покрыта была огнемъ — горѣлъ лѣсъ, покрывавшій одну ближнюю гору, — море опсвѣчивая, также казалось горящимъ — все было освѣщено. — Представыте себѣ топъ ужасъ, копорой произведенъ былъ симъ страшнымъ зрѣлищемъ, и копорого я описать не могу. Вездѣ, въ церквахъ

и по улицамъ, народъ споялъ на коленахъ и повергался на землю.

Посреди сего явленія взошла спокойная луна и безпрепятственно продолжала не пышное, но безопасное свое печеніе, подобно, какъ скромной мудрецъ, не будучи никѣмъ примѣчаемъ, немучимъ никакимъ страхомъ, необманываемъ никакою надеждою, проводяшъ шикую жизнь между сильнѣйшими еще возгорѣніями человѣческихъ спрасшей.

XI.

Достопамятная повѣсть о нѣкоторомъ Шотландцѣ, жившемъ нѣсколько лѣтъ на пустомъ островѣ.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, когда славной Дампьеръ предпринималъ путешествіе свое въ Южное море, находился на одномъ изъ его кораблей между корабельными служителями нѣкто, по имени Александръ Зелькиркъ, уроженецъ Шотландской. Сему кораблю на пупи случилось пристать къ ненаселенному острову, называемому Жуан-Фернандецъ. Зелькиркъ поссорившись не задолго предъ шѣмъ со своимъ капитаномъ, не захотѣлъ быть болѣе на кораблѣ и рѣшился остаться на островѣ.

Капи.

Капитанъ на шо согласился и высадилъ его на островъ, отдавши ему плащѣ его и бѣлье; также далъ онъ ему ружье, нѣсколько пороху, пуль и табаку, нѣсколько книгъ и нѣкоторыя математическія инструменшы.

Прежде еще нежели корабль опошелъ отъ острова, Зелькиркъ раскаялся въ своемъ намѣреніи и желалъ, чшобъ его опять на корабль приняли. Но капитанъ, досадуя на него, отказалъ ему въ томъ, и оставилъ его одного на необитаемомъ островѣ.

Первые восемь мѣсяцовъ провелъ онъ въ весьма худомъ соспояніи. Пребываніе въ такомъ пустомъ мѣстѣ причиняло ему поску и страхъ, такъ, что онъ не прежде могъ ѣсть и спать, какъ принужденъ будучи къ тому голодомъ и чрезмѣрною усралоспію.

Пища его соспояла изъ рыбы и раковъ, кошорыхъ онъ ловилъ, и изъ дикихъ козъ, кошорыхъ стрѣлялъ онъ изъ своего ружья. Однако не можно ему было долго упошреблять рыбу, по тому, что у него не было соли, а несоленая рыба причиняла ему вредъ. Раковъ могъ онъ ѣсть безъ соли, также и козье мясо, кошорое онъ жарилъ на рѣшешкѣ. Кромѣ

того имѣлъ онѣ хорошую рѣпу, которую прежде Капитанѣ Дампьерѣ приказалѣ посѣять на семѣ островѣ, и которой расплодилось шамѣ довольно много. Плодѣ нѣкошораго дерева, похожій на перецѣ, служилѣ ему приправою для пищи и кѣ укрѣпленію желудка. Между шѣмѣ козѣ мясо всегда было главною его пищею.

Но какѣ онѣ взялъ сѣ корабля одинѣ только фунтѣ пороху, то скоро издержалѣ его опчаспи на спрельбу, опчаспи же употребляя его на разведеніе огня. И такѣ не могли болѣе спрелять козѣ, вздумалѣ онѣ гонясь за ними и ловить ихѣ руками. Тѣло его опѣ умѣренной жизни сдѣлалось споль легко и крѣпко, что онѣ могѣ бѣгать весьма быспро и ему удавалось ловить сполько козѣ, сколько ему было надобно.

Нѣкогда случилось сѣ нимѣ несчастіе; гонясь за козою по горамѣ и крушизнамѣ, упалѣ онѣ сѣ немалой вышины, лишился онѣ того чувствѣ, и долго лежалѣ вѣ такомѣ состояніи. Но сіе приключеніе не имѣло болѣе никакихѣ дурныхѣ слѣдствій; пришедши вѣ себя, могѣ онѣ встать и не потерпѣлъ никакова большаго вреда.

Онъ сдѣлалъ себѣ изъ древесныхъ вѣтвей два шалаша покрылъ ихъ сверху справою, а внутри обилъ козьими кожами. Одинъ изъ сихъ шалашей былъ поменѣе, а другой побольше: въ первомъ готовилъ онъ свою пищу, а въ другомъ спалъ. — Когда не имѣлъ онъ нужной работы, то занимался чпеніемъ и пѣлъ псаамы.

Пока былъ еще у него порохъ, то онъ употреблялъ его на разведеніе огня, когда ему надобно было чтонибудь сварить или изжарить; но какъ скудной его пороховой запасъ совсѣмъ истощился, то онъ доставалъ огонь посредствомъ шпенія двухъ кусковъ дерева.

Для прогнанія скуки часпо вырѣзывалъ онъ на деревьяхъ свое имя, либо дѣлалъ новые приборы для своихъ шалашей; иногда жъ въ ясные вечера щипалъ звѣзды. Также держалъ онъ молодыхъ козъ и училъ ихъ плясать по своему напѣву.

Отъ многого бѣганья въ лѣсахъ и по камнямъ все его плащье и всѣ башмаки скоро изорвались. Онъ принужденъ былъ ходить безъ башмаковъ, и ноги его скоро такъ опвердѣли, что ему не трудно было бѣгать босому. Изъ кожъ дикихъ козъ, копорыхъ онъ ловилъ, спилъ онъ себѣ шоненькими ремешками кафтанъ и шапку

шапку. Въмѣсто иглы употреблялъ онѣ при томѣ маленькіе гвозди.

Когда ножикѣ его сдѣлался совсѣмѣ негоденѣ для употребленія, то онѣ сдѣлалѣ нѣсколько новыхѣ ножей изѣ желѣзныхѣ опломковѣ, копорые оставались на островскомѣ берегу послѣ починки кораблей. Онѣ выколачивалѣ сіи опломки до шѣхѣ порѣ, пока они спановились довольно тонки, а по томѣ почилѣ ихѣ на камнѣ.

Имѣя нѣсколько полотна, шилѣ онѣ себѣ гвоздями рубашки. Въ нишкахѣ не имѣлѣ онѣ недоспашка; онѣ доспавалѣ ихѣ распуская старые свои чулки.

Такимѣ образомѣ Зелькиркѣ жилѣ болѣе чепырехѣ лѣтѣ. Хотя имѣлѣ онѣ всѣ необходимыя пошребности и привыкѣ къ дикой своей жизни, однако жѣ не терпѣливо желалѣ возвратиться въ свое отечество и жить попрежнему въ чловѣческомѣ сообществѣ. — Въ одинѣ день приспалѣ къ острову корабль. Сколько сперва обрадовался Зелькиркѣ увидѣвѣ то, столько и испугался, узнавши, что корабль сей былѣ Испанской. Онѣ думалѣ, что Испанцы схвативши его отвезутѣ въ неволю, и онѣ долженѣ будетѣ во всю жизнь свою работать

въ

въ Перуанскихъ рудоконныхъ заводахъ. Неволя казалась ему гораздо страшнѣе уединеннаго жшья на пустомъ остро-
вѣ. И такъ онъ убѣждалъ въ лѣсѣ, взлезъ на дерево и спрятался въ густыхъ вѣт-
вахъ. Испанцы, увидѣвши его съ кораб-
ля, искали его по всему острову, и нѣ-
сколько разъ подходили къ тому дереву,
на которомъ онъ сидѣлъ. Легко можно
предсказать себѣ, въ какомъ страхѣ
Зелькиркъ находился; но страхъ его былъ
напрасной: Испанцы не могли его найти,
и должны были оставивши поиски оп-
равиться въ свой путь.

Наконецъ приспалъ къ острову ко-
рабль капитана Дампьера, и Зелькиркъ
принялъ былъ своими единоземцами. Онъ
оставилъ свое уединеніе въ 1709 году,
въ началѣ Февраля мѣсяца, а по томъ
еще чрезъ два года возвратился въ Анг-
лію.

 XII.

Анекдотъ.

Одинъ стихопворецъ написалъ саширу, или ругательные стихи, на знакомаго ему аббаша и захопѣвши узнать, какъ онъ по прійметъ, взялъ саширу свою съ собою и пришелъ къ нему. — „ Не ду, малъ я, чтобы люди были такъ злы, говорилъ онъ: „ ммѣ нечаянно попалась въ руки сашира, въ копорой надъ вами насмѣхаются; я не знаю, кто ее сочинилъ. „ — По томъ вынулъ онъ изъ кармана свое сочиненіе и началъ его читать, Аббашъ потчасъ узналъ сочинителя, но слушалъ спокойно, хвалилъ нѣкоторыя хорошіе стихи, замѣчалъ другіе, которые ему не нравились и просилъ стихопворца, чтобы онъ позволилъ ему исправить ихъ. По томъ взялъ онъ перо, поправилъ нѣсколько стиховъ, подписалъ имя сочинителя, и отдавая ему бумагу, сказалъ весьма хлад окровно: „ Мнѣ кажется, другъ мой, что вы можете теперь эту саширу напечатать. „ — Сей поступокъ такъ пронулъ саширика, что онъ обнялъ Аббаша, со слезами просилъ у него прощенія, и изорвалъ свою саширу.

XIII.

*Жадность къ користи и неблаго-
дарность. Восточная сказка.*

Въ Аравіи жилъ извозчикъ, по имени Аваримъ, копорой на своихъ верблюдахъ отвозилъ путешественниковъ входящихъ издалека ко гробу Магомешову и перевозилъ купеческіе товары. Сперва имѣлъ онъ только двухъ верблюдовъ, но вскорѣ нажился столько, что могъ держать двѣнащать верблюдовъ и получалъ отъ нихъ много прибытка. Нѣкогда возвращаясь домой съ путешествія и проѣзжая чрезъ пространную Аравипскую степь, нашелъ онъ Дервиша, или Магомешанскаго монаха сидѣвшаго въ глубокой задумчивости съ раскрытою книгою въ рукахъ. Аваримъ поклонился ему; но Дервишъ въ задумчивости не примѣшилъ того и не благодарилъ ему. Сіе показалось Авариму весьма странно, и онъ говорилъ ему: „Почтенной опецъ! вѣрно углубился ты въ весьма важныя размышленія, по тому, что ты не примѣчаешь, что тебѣ кланяются и не благодарить.“ Дервишъ какъ бы пробудившись отъ сна, закрылъ свою книгу, положилъ ее въ широкую свой рукавъ, и сказалъ: „Другъ мой! я размышлялъ щеперь о причинѣ,

для чего сокрыто въ землѣ великое множество сокровищъ, копорыми никто не пользуется. „ Авариму невѣроятно показалось, чпобы въ землѣ сокрыты были сокровища, копорыхъ люди не знаютъ; онъ объявилъ Дервишу свое сомнѣнiе. „Надобно это испытать, опевчалъ пошлъ: „ недалеко отсюда лежатъ такое сокровище. Ты весьма къшапи встрѣпился мнѣ со своими верблюдами. Я почипаю себя честнымъ человекомъ и хочу обогатить себя, естли ты захочешь честно раздѣлить со мною то, чпо мы найдемъ. Навьючъ шестерыхъ изъ твоихъ верблюдовъ шѣми сокровищами, копорыя ты увидишь, а прочихъ уступи мнѣ. „ Аваримъ въ радости бросился обнимать Дервиша, цѣловалъ его и говорилъ ему: „ Да, отецъ мой! я раздѣлю съ тобою честно моихъ верблюдовъ, и еще во всю жизнь мою буду тебя благодарить. „

Дервишъ вспалъ и приказалъ Авариму вести за нимъ верблюдовъ. Онъ привелъ его ко крушой горѣ, прочиталъ нѣсколько строкъ изъ своей книги, ударилъ по горѣ своимъ жезломъ, и гора въ срединѣ расступилась. Отверзшiе было такъ велико, чпо Дервишъ и Аваримъ въ двѣнащати верблюдами удобно могли

ли шуда войши. Они нашли шамъ шакое множесшво золоша и серебра, лежащаго кучами, чпо могли бы навьючить не шолько двѣнащашь, но и спо верблюдовѣ.

„Теперь, сказалъ Дервишъ Авариму, навьючивай своихъ шесперыхъ верблюдовѣ; а другихъ шесперыхъ оставь мнѣ: я навьючу ихъ для себя. „ — Между шѣмъ Аваримъ примѣшилъ, чпо Дервишъ опошешши вѣ спорону, спряшалъ вѣ карманѣ золошую коробочку, копорая лежала вѣ углу. Онѣ весьма желалъ узнать, чпо было вѣ эшой коробочкѣ, но не осмѣлился о шомѣ спросить.

Набравши шолько золоша и серебра, сколько верблюды снесши могли, вышли они изъ пещеры. Дервишъ вѣ другой разѣ ударилъ по горѣ своимъ жезломъ, и она зашворилась шакѣ, чпо не можно было примѣшчить на ней ни малой скважины. „Теперь поиди сѣ миромъ, сказалъ онѣ Авариму, и упошребляй свое богашшво какѣ должно. „

Аваримъ опошешши нѣсколько, началъ безпокоиться о шомѣ, чпо лишился шести верблюдовѣ. Ему и на умѣ уже не приходило, чпо онѣ получилъ за шо безчисленное сокровище, кошорое стоило дороже всѣхъ верблюдовѣ вѣ свѣшѣ.

Также

Также казалось ему, что Дервишъ взялъ себѣ гораздо больше, нежели онѣ. И такъ онѣ остановилъ своихъ верблюдовъ, побѣжалъ назадъ въ слѣдъ за Дервишемъ, и кричалъ ему: „почтенной овецѣ! мнѣ педерь вздумалось, что ты не привыкъ гонять верблюдовъ и не можешь управиться съ шестью. Оставь себѣ только трехъ, а прочихъ отдай мнѣ. „ Дервишъ отвѣчалъ: „это правда; въ самомъ дѣлѣ мнѣ трудно гнать шестерыхъ верблюдовъ; возьми себѣ трехъ, и пойдѣ сѣ миромъ. „ — Аваримъ ошошелъ нѣсколь-ко, но возвратился въ другой разъ и уговорилъ Дервиша, чтобъ онѣ уступилъ ему еще двухъ верблюдовъ; а наконецъ прибѣжалъ и въ прешій разъ, за послѣднимъ. „Я думалъ, сказалъ Дервишъ, что ты будешь доволенъ, ибо я изъ доброй воли далъ тебѣ такое богатство. Но дабы показать тебѣ, что мое сердце на привязано къ богатству, уступаю тебѣ и послѣдняго верблюда. Если мнѣ будетъ нужда въ золотѣ и серебрѣ, то я всегда могу сыскать его посредствомъ балсама, которой находится въ этой коробочкѣ. Помазавши имъ глаза, могу я видѣть и доставать всѣ сокровища въ землѣ богатства. „ — „А! а!, вскричалъ

чалъ Аваримъ: „ я шакъ и думалъ , что ты самую лучшую драгоценность для себя оставилъ ! Опдай мнѣ добровольно коробочку , или я опниму ее у тебя насильно. „ — „ Какъ ? Аваримъ ! это ли благодарность за мое благодѣяніе ? „ — Однако Аваримъ не думалъ о благодарности ; онъ схватилъ Дервиша за бороду и кричалъ : „ Спарикъ ! опдай мнѣ коробочку , а не то , я убью тебя до смерти ! „ Дервишъ жалѣлъ о неблагодарности ненасытнаго Аварима , опдалъ ему коробочку и сказалъ : „ правосудное небо не оставитъ тебя безъ наказанія. „ — По помѣ заплакалъ и ушелъ опъ него .

Аваримъ не заботясь о спаромѣ , Дервишѣ , съ радостію погналъ домой своихъ верблюдовъ , и разсмапривалъ коробочку и находящійся въ ней балсамъ , копорой похожъ былъ на зеленую мазь и имѣлъ пріятной запахъ . Сей балсамъ имѣлъ шакую силу , что показывалъ сокрытые богатства тому только , кто доспалъ его позволеннымъ образомъ ; кто жь доспалъ его несправедливостію , надъ шѣмъ производилъ онъ совсѣмъ прошивное дѣйствіе , какъ то скоро окажется . Аваримъ потчасъ захотѣлъ имѣть еще больше сокровищъ , и для шого помазалъ се-

бѣ глаза балсамомъ; но какъ онѣ испугался, почувствовавши вдругъ сильную боль въ глазахъ! Онѣ поспѣшалъ смышь вредную мазь; но сіе не помогло, и онѣ ослѣпѣ. Тогда началъ онѣ плакать и жаловаться. „Какая мнѣ шеперь польза во всемъ моемъ богатствѣ?“, говорилъ онѣ: „я слѣпѣ, не могу найши дороги и долженъ погибнуть въ этой степи. Проклятая жадность!“

Мы не думаемъ, что бы кто нибудь могъ принявъ сказку сію за правду; однако жъ можно вывести изъ нее весьма справедливое нравоученіе. Богатство часто рождаетъ жадность къ корысти, а жадность ведетъ за собою неблагодарность и другіе пороки, кошорые ввергаютъ чловѣка въ гибель.

Д Ъ Т С К О Е - Ч Т Е Н І Е .

XIV.

Плачевныя слѣдствія пристрастія къ игрѣ.

Въ Камбриджскомъ университетѣ, въ Англіи, учился одинъ молодой чело-вѣкъ, по имени Вилліамъ, сынъ весьма бога-тыхъ и знашныхъ родителей изъ Графства Суффолкскаго. Будучи разуменъ и пріяшенъ въ обхожденіи, сыскалъ онъ много зна-комствъ, и какъ о немъ всѣ знали, что онъ богатъ и получаетъ отъ своихъ родителей много денегъ, по между прочими нѣкто-рыя люди искали его знакомства съ шѣмъ только намѣреніемъ, чшобъ воспользо-ваться его имѣніемъ. Они не давали того примѣшишь, но припворялись истинными его друзьями, какъ по обыкновенно шакіе люди дѣлають. Сперва старались они заводить его въ игру мало по малу, и нарочно ему проигрывали. Симъ способомъ довели они его до того, что онъ сперва полюбилъ игру, и она вскорѣ сдѣлалась

его привычкою , а наконецъ и спраспiю , шакъ , что онъ почти ни въ чемъ иномъ кромъ игры не находилъ удовольствiя. Тогда ложные его друзья начали пользоваться своимъ искусствомъ и въ короткое время опыграли у него все то , что сперва нарочно ему проигрывали. Но Виллиамъ не сдѣлался отъ того ошорожнѣе. Приспраснившись къ игрѣ , не могъ уже онъ опснать отъ нее , не смотря ни на какой проигрышъ. Онъ проигрывалъ — продолжалъ играть въ надеждѣ возвращить свой проигрышъ , и проигрывалъ еще болѣе. Лишившись всѣхъ денегъ , которыя получалъ онъ отъ своихъ родителей , началъ онъ продавать свои вещи , какъ то книги , часы , плашье и домашнiе приборы. Многiе досташочные люди зная о его богатствѣ вѣрили ему въ большихъ суммахъ ; онъ пользовался сею довѣренностiю , входилъ въ большiе долги , дабы имѣть деньги для игры , и продолжалъ безпрестанно играть въ надеждѣ когданибудь опыграшься , но безпрестанно проигрывалъ.

Мать его , которая прежде часто присылала ему деньги безъ вѣдома его ошца , умерла , и доходы Виллиамовы уменьшились ; напрошивъ того долги его

день

день опѣ дня умножались. Наконецъ заимодавцы лишились терпѣнія и грозили ему либо принести на него жалобу въ судѣ, либо послашь щепы къ его опцу.

Бѣдной Вилліамѣ не зналъ что начашь въ сихъ смутныхъ обстоятельствѣхъ. Онѣ мучился безпрестанными заботами, выпрашивалъ у заимодавцовъ своихъ срокѣ за срокомѣ, и не оставляя еще надежды возвратишь убытки свои игрою, продолжалъ играть, и день опѣ дня боаѣ проигрывалъ. — Наконецъ не осталось ему никакова инаго способа, какѣ открышь все своему опцу и просишь у него прощениа. Рѣшившись на то, написалъ онѣ къ преспарелому опцу своему слѣдующее письмо:

„ Не возможно мнѣ въ нынѣшнихъ
 „ моихъ обстоятельствѣхъ сзтому къ
 „ вамѣ прѣхашь. Со стыдомѣ вспоминаю
 „ я, сколь много денегѣ я опѣ васѣ по-
 „ лучилъ, но принужденѣ еще осмѣлишь-
 „ ся просишь у васѣ помощи. Долго об-
 „ манывалъ я васѣ и самаго себя. Вексе-
 „ ли, кошорые вы понынѣ ко мнѣ пересы-
 „ лали, служили шолько къ умноженію
 „ моего кредиша и подавали мнѣ поводѣ
 „ входишь въ долги. По легкомыслію и
 „ неосшорожности привелъ я себя въ же-
 И а „ спокое

„ спокое мое нынѣшнее состояніе, поза-
 „ бывши всѣ ваши увѣщанія и начавши
 „ играть. Вы удивилесь, когда прочи-
 „ щаете приложенной при эпомѣ письмѣ
 „ реэстрѣ моихъ долговъ. — Я призна-
 „ юсь, что прозѣба моя безспыдна; одна-
 „ ко жь опваживаюсь просить васъ, чпобѣ
 „ вы не допустили меня до крайняго без-
 „ честія. Я обѣщаю свяшо и клянусь,
 „ что во всю жизнь мою никогда уже бо-
 „ лѣе играть не буду. Прошу васъ со
 „ всею покорностію, простите мнѣ преж-
 „ ній мой просшупокъ и не оставьте меня
 „ погибнуть въ моемъ нещастіи. Если
 „ отеческое сердце ваше побудитъ васъ
 „ склониться на мои прозѣбы, то не мед-
 „ лише отвѣтомъ: такая медленность
 „ приведетъ меня въ опчаяніе. Я не ос-
 „ мѣлюсь увидѣться съ вами, пока необ-
 „ маичивыми опытами не докажу, что я
 „ исправился. „ — —

По нещастію, письмо дошло въ та-
 кое время, когда отецъ былъ въ дальней
 ошлучкѣ, и по тому Вилліамъ не могъ
 получить отвѣта такъ скоро, какъ об-
 стоятельствва его требовали. Займодав-
 цы не давали ему покоя, неперпѣливостъ
 овладѣла имъ, и наконецъ опчаялся онъ
 получить помощь отъ своего опца. Все-

го несноснѣ ему было то, что никто уже не хотѣлъ съ нимъ играть. Чѣмъ болѣе опчаивался онъ получить отъ отца своего деньги, тѣмъ болѣе спановилась въ немъ охота нарушить свое обѣщаніе и начать попрежнему играть. Но онъ не имѣлъ уже къ тому случая; никто уже больше ему не вѣрилъ, а ложные друзья его, примѣшивши, что не могутъ получать отъ него больше пользы, всѣ его оставили.

Нѣкогда пошелъ онъ, для облегченія своей горести, въ деревню за нѣсколько верстъ отъ Камбриджа, и тамъ зашелъ въ пракширъ, въ которомъ проѣзжіе останавливались. Вскорѣ за нимъ пріѣхалъ проѣзжій, копорой остановившись тамъ спрашивалъ у хозяина, безопасна ли дорога чрезъ лѣсъ? Хозяинъ увѣрилъ его, что дорога безопасна.

Вилліамъ не имѣя причины долго быть въ пракширѣ, вышелъ оттуда съ опчаянными мыслями, и опошедши нѣсколько по той дорогѣ, о которой проѣзжій разспрашивалъ, спрятавшись въ кустарникъ подлѣ самой дороги. Изъ вопроса проѣзжаго заключилъ онъ, что тотъ имѣетъ съ собою много денегъ, размышлялъ о несчастныхъ своихъ обстоя-

пельствахъ, и принялъ ужасное намѣреніе ограбить его. Скоро увидѣлъ онъ проѣзжаго, копорой ѣхалъ верхомъ; выскочилъ изъ-за кустарника, оспановилъ его лошадь, и приспавивши ему ко груди писполешъ, пребывалъ у него денегъ. Проѣзжій хотѣлъ обороняться и схватился за свой писполешъ: но Вилліамъ, не давши ему времени, заспѣшилъ его. Сіе злодѣйство и для самого его было ужасно. Прежде никогда еще не обижалъ онъ никого съ намѣреніемъ, а тогда лишилъ жизни невиннаго человѣка! — Онъ сѣлъ на лошадь убишаго проѣзжаго и окольными дорогами возвратился въ Камбриджъ уже ночью. Ему казалось, что всякой могъ чипашъ на лицѣ его ужасное его пресупленіе. — Начавши разсматривать свою добычу, нашелъ онъ при деньгахъ письмо. Какимъ ужасомъ былъ онъ пораженъ, прочитавъ надпись и узнавши, что письмо по опѣ отца его къ нему! Оно было слѣдующаго содержанія:

„Сынъ мой!

„До чего я дожилъ? — Я лишился
 „нынѣшнимъ годомъ жены моей. Оспался
 „у меня одинъ сынъ, опѣ котораго на-
 „дѣялся я упѣшенія въ моей спароспи;
 „но онъ только горестъ мнѣ наноситъ.

„Одна-

„Однакожь я хочу еще быть опцомъ, и
 „посылаю къ тебѣ деньги, кошорыхъ ты
 „пребовалъ. Заплаши свои долги, и
 „пріѣзжай ко мнѣ, какъ можно скорѣе.
 „Я не надѣюсь, чшобъ ты могъ совсѣмъ
 „преодолѣть себя и отстать отъ игры.
 „Честной Джонъ, отъ кошораго полу-
 „чишь ты мое письмо, сдѣлаешъ всѣ ну-
 „жныя распоряженія къ швоему отъѣзду.
 „Положись во всемъ на него; онъ мнѣ
 „вѣренъ, и пакъ же, какъ и я, добра
 „тебѣ желаетъ. Есльи я не скоро тебя
 „увиду, шо печаль моя безвременно во
 „гробъ меня вгонитъ. Слава Богу, что
 „мать швоя не дожила до сего случая! —
 „можетъ быть и я скоро за нею послѣ-
 „дую: въ сей жизни не имѣю уже я ни-
 „какова удовольствія. „

„Бѣдной Джонъ! — несчастной
 отецъ! — что я сдѣлалъ! „ — сіи
 были первыя вразумительныя слова, ко-
 шорыя Вилліамъ могъ выговорить. По
 шомъ въ опчаяніи побѣжалъ онъ по всѣмъ
 комнашамъ, и всякому, съ кѣмъ встрѣ-
 чался, рассказывалъ, что онъ убилъ
 того человѣка, кошорой посланъ былъ къ
 нему отъ отца его съ письмомъ и день-
 гами. — Слухъ о семъ произшествіи
 скоро распространился по всему городу.

Вилліамъ взявъ былъ подѣспражу и пріашли его со слезами проводили его въ шемницу. Онъ осужденъ былъ на смерть, какъ разбойникъ и убійца. Многіе старались выпросить ему прощенье; но какъ преступленіе его было споль велико и всѣмъ уже извѣстно, шо сіи прозбы остались шщепными.

Въ назначенной день повели его на мѣсто казни; онъ шелъ на смерть съ швердостію. Великое множество народа собралось на сіе печальное зрѣлище. Вдругъ услышали жалоспной крикъ и увидѣли почтеннаго старика, кошпорой старался пройти сквозь шолпу народа, рвалъ сѣдые свои волосы и кричалъ: „Пустите, пустите меня! это сынъ мой! сынъ мой Вилліамъ! — пустите меня увидѣть его въ послѣдній разъ, обнявъ его въ послѣдній разъ! „ — Всѣ шронумы были сожалѣніемъ видя сего несчастнаго опца. — Вилліамъ шакже увидѣлъ его. „Не шѣнь ли его я вижу? „ вскричалъ онъ содрогнувшись: „нѣтъ, это онъ самъ! родитель мой! „ — Опецъ хотѣлъ броситься въ его объапія, но упалъ въ обморокъ. Между шѣмъ какъ онъ лежалъ безчувспенъ, опвели Вилліама, и казнь была совершена. Чрезъ часъ прішедши

шедши въ себя, несчастной старикъ искалъ своего сына, но уже не нашелъ его. Вскорѣ послѣ того горестъ прекратила жизнь его.

Вошѣ плачевныя слѣдствія пагубнаго приспращенія къ игрѣ! Оно можетъ самыхъ лучшихъ людей доводить мало по малу до величайшихъ злодѣяній и разрушать благополучіе цѣлыхъ фамилій.

XV.

Добродѣтельной сынъ.

Въ предъидущей повѣсти представленъ былъ примѣръ, какъ молодой человекъ безпущнымъ своимъ поведеніемъ и себя самого погубилъ, и былъ причиною безвременной смерти своего отца: теперь сообщимъ повѣсть объ одномъ молодомъ Ирландцѣ, копорой трудолюбіемъ и честностію снискалъ себѣ щасліе и родителей своихъ привелъ въ благополучное состояніе.

Едмундъ на шестнадцатомъ году отъ роду оставилъ свое отечество. Отецъ его былъ бѣдной плотникъ, копорой съ великимъ трудомъ могъ зарабатывать скудное пропитаніе для 9 своихъ

дѣшей. Едмундъ былъ старшій изъ дѣшей его. Онъ съ прискорбіемъ смотрѣлъ на бѣдность своихъ родителей и часто думалъ, какъ бы помочь имъ, но не находилъ къ тому никакова способа. Наконецъ рѣшился онъ не щадить ничего, даже и самой жизни своей, чтобы привести своихъ родителей въ лучшія обстоятельства. — Нѣкогда отецъ его рассказывалъ ему, что они имѣютъ довольно богатаго родственника, коимъ называется Францискъ Едмундъ и живетъ въ Лондонѣ. — Молодой Едмундъ весьма обрадовался узнавши то, и тотчасъ принялъ намѣреніе отправиться къ сему родственнику и просить у него помощи. Хотя безъ денегъ и не зная дороги, находилъ онъ почти непреодолимыя препятствія произвести намѣреніе свое въ дѣйство; однако жъ утвердился въ немъ и приготоуился къ дальнему пути, не сказывая о томъ никому. Въ послѣдній вечеръ передъ тѣмъ, когда онъ рѣшился отправиться изъ своего жилища, едва не открылъ онъ прошивъ воли своего предприятия. Во весь тотъ вечеръ былъ онъ задумчивъ, говорилъ прошивъ обыкновенія своего весьма мало, и прощаясь съ отцомъ и матерью не могъ удержаться отъ

онъ

отъ слезъ; разлука съ любезными родителями на долгое время протрала его. Но размысливши, что онъ сею разлукою можетъ быть поправить ихъ состояніе, утѣшился онъ и заснулъ спокойно.

На другой день вставши еще на разсвѣтѣ, одѣлся онъ въ праздничное свое платьѣ и спѣшилъ выйти изъ своей деревни. Онъ шелъ нѣсколько времени по дорогѣ и взошедши на гору, остановился тамъ и оглянулся назадъ. Деревня, въ которой онъ жилъ, и опеческой домъ были еще въ виду; онъ вспомнилъ объ удовольствіи, какимъ наслаждался тамъ въ дѣтскихъ лѣтахъ; слезы полились у него изъ глазъ; долго споялъ онъ и сморгнулъ на любезныя мѣста, которыя онъ оставилъ. Но наконецъ восхождение солнца напомнило ему, что уже пора ему продолжать свой путь; и такъ пошелъ онъ далѣе.

Голодъ напомнилъ ему, что уже полдень, и заставилъ его думать о обѣдѣ. Онъ увидѣлъ недалеко отъ дороги изрядной домикъ, вошелъ туда и просилъ, чтобъ его накормили. Хозяйка этого домика, добрая и ласковая женщина, спрашивала у него, откуда онъ идетъ и куда? Едмундъ не сказалъ ей, откуда онъ,

онѣ, а отвѣчалъ только, что онѣ идетъ въ Лондонѣ. „За чѣмъ ты идешь въ Лондонѣ?“, спросила она. „Я хочу отца моего обогатить“, отвѣчалъ Едмундъ. — Честность и чистосердечіе, которыя были у него, такъ сказать, написаны на лицѣ, понравились хозяйкѣ; она спрашивала объ его имени и одругихъ обстоятельствевахъ, однако Едмундъ отвѣчалъ ей такъ осторожно, что она ничего не узнала. Вскорѣ по помѣ мужъ его пришелъ домой. Онѣ также разпрашивалъ Едмунда, но узналъ отъ него столь же мало, какъ и жена его. Едмундъ скрывалъ свое предпріятіе, какъ тайну великой важности. Въ самомъ дѣлѣ ему нужно было скрывать то; ибо если бы сіи люди узнали, откуда онѣ, то послали бы его обратно къ его отцу. Онѣ просилъ только, чтобы рассказали ему обстоятельно о дорогѣ въ Лондонѣ. Хозяинъ сказалъ ему, что чрезъ два дни отправится туда корабль, на которомъ можетъ онѣ доѣхать безъ плащы, а между тѣмъ позволилъ ему жить у себя. Едмундъ весьма тому обрадовался и остался на два дни въ домѣ добраго своего хозяина. — Онѣ не могъ долго быть въ праздности и спрашивалъ, нѣтъ ли

для

для него какой нибудь работы. Тогда была перестройка въ домѣ, и Едмундъ работалъ при томъ столь прилѣжно и проворно, что всѣ его хвалили. „Продолжай только, другъ мой, говорилъ ему хозяинъ, всегда бывъ спудолюбивымъ и прилѣжнымъ; ты будешь всегда здоровъ и веселъ. „

Наступилъ томъ день, въ которой кораблю надлежало отправиться въ Лондонъ. Добрая хозяйка снабдила Едмунда нужною пищею на дорогу, также дала ему нѣсколько денегъ, и тѣмъ избавила его отъ всѣхъ его заботъ. Сѣвши на корабль, сперва боялся онъ того, какъ корабль на водѣ колебался; ему казалось, что вся земля вершится; ясное небо казалось ему пасмурнымъ. Но скоро привыкъ онъ къ тому, и желалъ еще, чтобы путешествіе по морю долѣе продолжилось. Онъ старался обстоятельно развѣдывать обо всемъ, чего онъ не зналъ, и научился многому, о чемъ прежде и понятія не имѣлъ. Скоро познакомился онъ съ пожилымъ корабельщикомъ. Сей спарикъ полюбилъ его и охотно съ нимъ разговаривалъ; училъ его, какъ называющіяся, всѣ вещи на кораблѣ и къ чему онѣ употреблющіяся; рассказывалъ ему о пу-

ше-

пешествіяхъ своихъ въ Америку и въ Остѣ - Индію. Едмундъ слушалъ все сіе внимашельно и не переспавалъ разспрашивашь и навѣдывашься.

Наконецъ прибыли они благополучно къ Лондону. Едмундъ сошедши съ корабля, побѣжалъ въ городъ искашь своего родсшвенника; но къ великому его удивленію, никшо не могъ ему сказашь, гдѣ онъ живешъ. Бѣдной Едмундъ думалъ, чшо и въ Лондонѣ, шакъ же, какъ въ его деревнѣ, всякой знаетъ всѣхъ жшшелей по имени и прозванію; но весьма въ шомѣ обманулся. Онъ обѣгалъ много улицъ, и спрашивалъ у всякаго съ кѣмъ ни встрѣчался, гдѣ живешъ Францискъ Едмундъ? — но шщешно. День прошелъ и уже шемно спановилось; какъ онъ встрѣшилъ съ челоувѣкомъ изрядно одѣшымъ и спросилъ у него, не знаетъ ли онъ Франциска Едмунда? „Эшо я самъ, ошвѣчалъ шомѣ.

„Слава Бѣгу, чшо я васъ нашелъ!“, вскричалъ Едмундъ: „Я искалъ васъ цѣлой день, и никшо не могъ мнѣ сказашь, гдѣ вы живеше.

„Чшо шобѣ надобно?“, спросилъ его родсшвенникъ,

„Я

„Я вашъ родственникъ изъ Ирландіи, опвѣчалъ Едмундъ.

„Ты плушъ, а не родственникъ мой; поди отъ меня прочь! „сказалъ потъ и ушелъ отъ него.

Въ какое смущеніе приведенъ былъ бѣдной Едмундъ симъ опвѣтомъ! вся его надежда вдругъ разрушилась. Онъ не могъ понять, какъ можно невиннаго чело-вѣка назвашь плушомъ. „Боже мой! что шеперь со мною будешъ! „вскричалъ онъ, и заплакавши пошелъ, самъ не зная куда. По щаспію встрѣпился онъ съ однимъ корабельщикомъ и рассказалъ ему о сво-емъ нещаспіи съ пою опкровенноспію, копорая была ему свойспвенна. Добрай корабельщикъ сжалился надъ нимъ и при-нялъ его въ свой домъ. Скоро примѣшилъ онъ въ молодомъ Едмундѣ опмѣнной раз-умъ и чесиность, и послалъ его въ Данію на корабль, на копоромъ долженъ онъ былъ работашъ по своимъ силамъ, особ-ливо жъ надсматривашъ когда корабль вы-гружали и опяшь нагружали. Едмундъ шсполнялъ свою должность вѣрно и рачи-шельно, такъ, что заслужилъ себѣ похва-лу ото всѣхъ, копорые съ нимъ на ко-раблѣ были.

Второе его пушешествіе по морю было въ Америку съ однимъ купцомъ, кошорому онъ былъ рекомендованъ отъ корабельщика. Онъ и тогда исполнялъ свою должность споль же ревностно, какъ и въ первой разѣ, и чрезъ то снискалъ благосклонность новаго своего покровителя. — На обратномъ пути изъ Америки должны они были выдержатъ жестокую бурю. Всѣ корабельные служители, даже и самые отважнѣйшіе, пришли въ уныніе; одинъ только Едмундъ не поперялъ своей твердости: онъ и самъ работалъ съ удивительнымъ проворствомъ, и другихъ ободрялъ своимъ примѣромъ. Господинъ корабля, не видя никакова инова способа къ спасенію, приказалъ бросить въ море всѣ излишнія тяжести и между прочимъ большую часть сѣснаго запаса. Сіе поучило и корабль оснался цѣль; но послѣ произошелъ недостатокъ въ сѣсныхъ припасахъ, что подало мажорамъ поводъ къ негодованію и жалобамъ. Едмундъ и въ семъ случаѣ оказалъ важную услугу; онъ уговаривалъ своихъ спутниковъ сносить терпѣливо недостатокъ, пока наконецъ они возвратились въ Англію.

(Окончаніе сообщено будетъ впредь.)

Д Ъ Т С К О Е Ч Т Е Н І Е .

*Окончаніе повѣсти, начатой въ послѣд-
немъ листѣ.*

Едмундъ жилъ уже нѣсколько лѣтъ у купца, и отъ времени до времени снискивалъ себѣ болѣе почтенія и любви. Онъ былъ весьма бережливъ и собралъ небольшой капиталъ, съ которымъ намѣренъ былъ завести собственной торгъ; по томъ хотѣлъ онъ призвать къ себѣ своихъ родителей и братьевъ, и содержать ихъ. Часпо размышлялъ онъ съ удовольствіемъ о семъ предпріятіи. Но вдругъ вся его надежда разрушена была нечаяннымъ приключеніемъ.

Въ одинъ вечеръ пропали у купца, которому Едмундъ служилъ, два важные векселя. Купецъ зналъ, куда положилъ сіи вексели — но ихъ памъ уже не было. Никпо не входилъ въ ту комнату, гдѣ они лежали, кромъ его самага и Едмунда. Долго искалъ онъ ихъ вездѣ, но тщешно, и наконецъ взялъ онъ подозрѣніе, что Едмундъ похишилъ сіи век-

Часть VII. № 34 I сели.

если. Онъ позвалъ къ себѣ Едмунда и объявилъ ему свое подозрѣніе. Благородномыслящій юноша принялъ сію обиду съ негодованіемъ и ошвѣчалъ купцу, что онъ ожидалъ отъ него не такой награды за свою вѣрность и ревностныя услуги. Однако жъ всѣ доказательствва его невинности были бесполезны. Онъ посаженъ былъ въ шюрму, и долженъ былъ сидѣть тамъ и пишаться хлѣбомъ и водою до тѣхъ поръ, пока признается въ похищеніи. Все его имѣніе было пересмотрѣно, и хотя не нашли у него векселей, однако подозрѣвали, что онъ въ шотъ вечеръ, въ кошорой вексели пропали, ходилъ со двора и имѣлъ время скрыть ихъ. Сіе подозрѣніе подшверждалъ одинъ изъ его товарищей, кошорой ненавидѣлъ Едмунда.

Цѣлую уже недѣлю Едмундъ сидѣлъ въ шюрмѣ, какъ привели шуда и посадили вмѣстѣ съ нимъ другога человѣка, кошорой плакалъ и жаловался на свое несчастіе, такъ, что могъ бы пронуть и самое нечувствительное сердце. Едмундъ, будучи равнодушенъ въ щастіи и несчастіи, спросилъ у шюремщика, кто сей человѣкъ, и шюремщикъ сказалъ ему, что то былъ купецъ, по имени Францискъ Едмундъ, кошорой велъ распусти-
ную

ную жизнь, вошелъ въ большіе долги, и за то посаженъ въ шюрму, откуда освободиться чайтельно по смерть свою не будетъ въ состояніи.

Дважды допрашивали Едмунда; но онъ будучи невиненъ, ни въ чемъ не признался. — Нѣкогда поупру пришелъ къ нему хозяинъ, который подозрѣвалъ его въ похищеніи, со слезами просилъ у него прощенія и обѣщалъ ему сдѣлать все, чего онъ ни попотребуетъ, въ удовлетвореніе за свою несправедливость; ибо вексели были найдены и невинность Едмундова открылась. — Великодушной Едмундъ, выходя изъ шюрмы, вспомнилъ о своемъ родственникѣ и просилъ купца, чтобы онъ постарался и его освободить. Тюремщикъ проводилъ ихъ къ сему несчастному, у котораго на лицѣ изображалось отчаяніе. Купецъ освѣдомился о причинѣ, за что онъ находится въ шюрмѣ, и узналъ, что онъ долженъ 200 фуншовъ стерлинговъ и не въ состояніи заплашить сей долгъ. — Едмундъ спросилъ у него, не можешь ли онъ вспомнить о молодомъ человекѣ, который за пять лѣтъ передъ тѣмъ нѣкогда встрѣтился съ нимъ на улицѣ и сказывалъ о себѣ, что онъ его родственникъ изъ Ирландіи?

— Францискъ вспомнилъ о семъ случаѣ. Едмундъ далъ ему знать, что онъ самъ былъ шомъ молодой человекъ. Францискъ вскочилъ съ деревянной своей скамьи, бросился въ его объятія и просилъ его со слезами позабыть прошедшее. — Вскорѣ по шомъ Едмундъ имѣлъ удовольствіе видѣть его освобожденнаго изъ пюрмы. Слухъ о семъ великодушномъ дѣлѣ разнесся по всему городу, и Едмундъ приобрѣлъ оповсѣхъ почтеніе.

Купецъ будучи уже старъ и не имѣя наслѣдниковъ мужескаго полу, выдалъ дочь свою за Едмунда и сдѣлалъ его участникомъ въ своей торговлѣ. Тогда Едмундъ увидѣлъ себя въ соспоянніи извлечь изъ бѣдности своихъ родителей, чего онъ давно желалъ. Онъ поѣхалъ въ Ирландію и нашелъ ихъ еще въ такомъ же скудномъ соспоянніи, въ какомъ за десять лѣтъ передъ тѣмъ ихъ оставилъ. Свиданіе его съ ними было весьма шрогашельно. Всѣ прежніе его знакомцы и сосѣди сбѣжались къ нему, какъ скоро узнали о его пріѣздѣ, и радовались, когда онъ рассказывалъ имъ о благополучной перемѣнѣ своихъ обстоятельствъ. — Онъ хотѣлъ родителей своихъ взять въ Лондонъ. Но сіи добрые люди на шо не согласились, они
захо-

Захотѣли лучше оспашься въ своей деревнѣ и шамѣ получаютъ ежегодно деньги на содержаніе. — Едмундѣ распорядивши все по ихъ желанію, возвратился въ Лондонѣ; а спустя нѣсколько времени вызвалъ шуда и братьевъ своихъ и доставилъ имъ выгодныя мѣста. Онѣ всегда славился трудолюбіемъ и честностію, пекся о благополучіи своихъ ближнихъ, такъ, какъ о своемъ собственномъ, и распространялъ вокругъ себя радость и удовольствіе.

XVI.

Разговоръ.

Въ одинѣ прекрасной день во время жатвы пріятель Добросердовѣ поѣхалъ съ дѣтьми своими въ ближнюю деревню, дабы возбудить ихъ вниманіе ко щедрости Божіей въ сіе время. Добросердѣ провожалъ ихъ. — Какое радостное зрѣлище шамѣ имѣ представились! Они видѣли пространное поле, подобное золотому морю и окруженное зелеными пригорками, какъ бы изумрудными рамами. Жнецы стояли рядами и блестящими серпами жали хлѣбъ, приклоняющійся предъ ними къ землѣ; другіе собирали сжатой уже

хлѣбъ, вязали снопы и складывали ихъ вмѣстѣ. На другой сторонѣ стоялъ возъ, на которомъ сидѣлъ человекъ и укладывалъ подаваемые ему на вилахъ снопы. Пошъ лился съ загорѣвшихъ лицъ сихъ добрыхъ работниковъ; но они услаждали шруды свои шупками и веселыми разговорами; громкой смѣхъ, копорой часто былъ слышанъ между ими, показывалъ, что и сердца ихъ чувствовали удовольствіе, какое видно было на ихъ лицахъ.

„Пріятно, говорилъ Добросердъ, весьма пріятно видѣшь земледѣльца при шпой работѣ: теперь надежда его опчастпи уже исполнилась. — Какое нещастіе! когда градъ, сильныя дожди, или другіе пому подобныя печальныя случаи дѣлаютъ щещными всѣ его шягосшныя шруды, и онъ видитъ въ нѣскольکو минушъ погибшимъ то, надъ чемъ почти цѣлой годъ работалъ; зима наступаетъ; дѣши его кричатъ и просятъ хлѣба, а житница его пуста; при томъ же иногда жестокосердой помѣщикъ, живучи въ изобиліи и въ роскоши, хочетъ жестокостію вымучить у него то, что градомъ побито, или ошъ сильныхъ дождей погибло. — „

„ Не уже ли есть такіе люди ? спросилъ Алексѣй : „ вѣшѣ, я не думаю , чтобы кто нибудь могъ бышь сполько жестокосердѣ ! „

Отецъ. И я съ тобою въ эшомѣ согласенѣ , по крайней мѣрѣ не хочу шеперь думатьъ объ эшомѣ ; шеперь хочу я заниматься пріятными мыслями и думаю о щаспіи, какое происходишѣ отѣ шрудолюбія и прилѣжности — о шомѣ щаспіи, котораго плодами всѣ мы наслаждаемся, когда Богѣ благословляешѣ земледѣльца и награждаетѣ шруды его изобильною жашвою.

Володинька. А какая намѣ съ вами въ эшомѣ нужда ? Вы не земледѣлецѣ и эпи люди не наши ; намѣ не доспанется отѣ нихѣ ничего.

Отецъ. Ты говоришѣ, какѣ рабенокѣ, другѣ мой. Но скажи мнѣ, отѣ чего ты живешѣ ?

Володинька. Отѣ шого, что я ѣмѣ и пью.

Николай. А не знаешѣ, что ты ѣшѣ и пьешѣ ?

Володинька. Какѣ не знашѣ, что я ѣмѣ ? Пожалуй не опасайся, я не спрошу у шебя объ эшомѣ ; — я ѣмѣ хлѣбѣ, мясо —

Лизанька. Гдѣ жь мы хлѣбѣ беремъ?

Володинька. Покупаемъ у хлѣбника. „

— Другія дѣши продолжали разспрашивать его такимъ образомъ, и Володинька усмотрѣлъ наконецъ, что мельникъ не могъ бы дѣлать муки и хлѣбникъ печь хлѣба, естълибъ земледѣлецъ не сѣялъ и не пожиналъ ржи и пшеницы, и что тогда не можно бы было ни за что въ свѣтѣ доставать хлѣба.

Николай. Не уже ли естъ пакіе народы, копорые хлѣба не сѣютъ? — мнѣ кажется эшо не возможно.

Алексѣй. Видно, что пы не очень знакомъ съ исторіею и географіею, когда не знаешь, что и нынѣ естъ еще довольно такихъ народовъ, а прежде еще и больше было, копорые совсѣмъ не знали земледѣлія и пипались полько звѣриною и рыбною ловлею.

Отецъ. Эшо правда; земледѣліе служитъ доказательствомъ, что пошъ народъ, копорой знаетъ его, вышелъ уже изъ дикаго состоянія. Различныя орудія, копорыя попребны на обработываніе земли и на пригошовленіе хлѣба такъ, что бы можно было употреблять его въ пищу, пребующъ много знанія и искусства. Перещитайте, чрезъ сколько рукъ переходитъ

ходишь хлѣбъ, пока достанешь намъ и мы ѣсть его можемъ — сколько ремесленниковъ приготавливаютъ нужныя для того орудія.

Сие доставило дѣшамъ пріятное упражненіе: онѣ начали перешишивать, сколько людей занимаютъ приготавливаніемъ хлѣба и сколько ремесленниковъ дѣлаютъ разныя орудія потребныя для сего работы, шакъ, какъ Евфроній исчислялъ то, когда онѣ показывалъ Сакхариссъ, какъ разныя человѣческія состоянія взаимно одно отъ другаго зависятъ (*). Перешишавши почти всѣ ремесла, изъ которыхъ одно всегда вело ихъ къ другому, съ удивленіемъ признались онѣ, что шотъ весьма благополученъ, кшо родился въ такой землѣ, гдѣ прудолюбіе и прилѣжность дѣлаютъ жизнь споль спокойною, удобною и пріятною.

Добросердѣ вынулъ изъ кармана книгу и сказалъ: „я долженъ шеперь прочитать вамъ мѣсто изъ одного любимаго моего стихотворца, безъ котораго я въ нынѣшнее время рѣдко выѣзжаю въ поле.“ — Всѣ хотѣли знать, кшо эшотъ стихотворецъ? и узнали, что шотъ былъ

(*) Дѣтское Чтеніе. Ч. III. Стр. 52.

Англичанинъ Томсонъ. Въ поэмѣ своей, кошорая называется: *четыре времена года*, описавши гошовое къ жашвѣ хлѣбное поле, говоришѣ онѣ :

„ Се швои благословенія , о шрудо-
 „ любіе ! сила суровая, работою, потомѣ
 „ и шрудомѣ сопровождаемая , но изо-
 „ бильной испочникѣ всякаго приапнаго
 „ художества и всѣхѣ нѣжныхѣ искусствѣ !
 „ — Ты возвысило родѣ человѣческой !
 „ Нашура повергла его , нагаго и безо-
 „ щнаго , въ лѣса и пустыни жестокимѣ
 „ стихіямѣ. Хотя многія сѣмяна искусствѣ
 „ посаждены были во глубинѣ души его
 „ и вокругѣ его разсѣяно безконечное мно-
 „ жество разныхѣ матеріаловѣ ; но все
 „ еще было щещно. Еще не знаемъ,
 „ спали въ немѣ сонливья силы. — Алчное
 „ гніеніе поглощало еще все шю , шю
 „ щедрая рука благоспи разсѣяла въ ди-
 „ комѣ годѣ. Печальной дикой заблуж-
 „ дался еще бродя между хищными звѣ-
 „ рями , либо сражался сѣ люпымѣ веп-
 „ ремѣ , спрашными клыками вооружен-
 „ нымѣ , за дубовья желуди. Нещасной
 „ ужасался и не имѣлѣ ушѣшенія , когда
 „ хладной Сѣверѣ , обремененной вѣшрами,
 „ выпускалѣ бури , градѣ , дождѣ , снѣгѣ
 „ и рѣзкой мразѣ. Тогда убѣгалѣ онѣ
 „ подѣ

„ подѣ кровлю хижины своея , и чрезѣ все
 „ суровое время года помился вѣ бездѣй-
 „ ствіи ; ибо не имѣлъ дома . Домѣ еспѣ
 „ жилище любви , радости , покоя и изо-
 „ билія , гдѣ друзья и любимые сродники
 „ помогая другѣ другѣ и взаимную полу-
 „ чая помощь , вкупѣ наслаждаются благо-
 „ получіемѣ . Но суровой дикой никогда
 „ не чувствовалѣ благополучія : онѣ безу-
 „ тѣшенѣ былѣ и посредеѣ толпы подоб-
 „ ныхѣ ему ; тяжкіе , мрачные и безра-
 „ достные дни его капились по пустыньѣ
 „ времени , пока пришло трудолюбіе , воз-
 „ будило его отѣ несчастной лѣности ,
 „ развило его способности , указало ему,
 „ вѣ чемѣ щедрая натура пребуещѣ по-
 „ мощи отѣ руки искусства ; наставило
 „ его , какѣ можетѣ онѣ умножать сла-
 „ быя силы свои силами орудій , и ме-
 „ шаллы вырывать изѣ-подѣ земныхѣ
 „ сводовѣ ; кѣ чему можетѣ онѣ обращать
 „ пронзительную силу огня , кѣ чему обра-
 „ щать рѣки и вѣтрѣ ; предало сѣкирѣ
 „ его пространную древнюю дубраву ; на-
 „ чило его обрубать дерево и обработы-
 „ вать камень , и мало по малу воздви-
 „ гать совершенныя зданія ; оно совлекло
 „ сѣтѣла его звѣриную кожу , обагрённую
 „ кровію , и прикрыло его теплою шерстя-
 „ ною

„ ною одеждою , или украсило его бле-
 „ спящимъ шелкомъ и волнующимся по-
 „ криваломъ ; успавило сполъ его здо-
 „ ровою пищею и разноситъ вокругъ со-
 „ суды съ драгоцѣннымъ пишіемъ , возбуж-
 „ дающимъ въ умъ благоприспойную
 „ оспрошу . Оно не оставило его при су-
 „ хой необходимости ; но опъ времени до
 „ времени смѣлѣйшими шагами вело его
 „ къ великолѣпію , забавѣ , ко вкусу и
 „ пріятности ; вдохнуло въ душу его
 „ благородное честолюбіе , представило
 „ глазамъ его науку , мудрость и славу ,
 „ и повелѣло ему господствовать надъ
 „ всемъ симъ на землѣ . „ —

„ Все , что жизнь возвышаетъ , укра-
 „ шаетъ и пворитъ прелестною , все
 „ есть даръ прилѣжанія . Имъ въ безо-
 „ пасность приведенна , сидитъ задумчи-
 „ вая зима подлѣ грѣющаго огня и спокой-
 „ но слушаетъ , какъ буря пщечно ярип-
 „ ся въ пвердаго зданія ; оно опвердѣв-
 „ шими перстами своими одѣваетъ разно-
 „ цвѣпную весну ; безъ него лѣпо было
 „ бы сухою степью , и осень не снабжала
 „ бы насъ сими зрѣлыми безчисленными
 „ сокровищами , копорыя зримъ мы на
 „ сихъ поляхъ . „ —

„ Прекрасно ! прекрасно ! „, вскричали дѣти , когда Добросердѣ объяснилъ имъ нѣкоторыя стихотворческія выраженія , которыхъ онѣ вдругъ не могли понять . — „ Стихотворецъ говоритъ справедливо , сказалъ Алексѣй : „ мы не чувствуемъ , какъ велико наше благополучіе , для того , что безпрестанно имъ наслаждаемся ; а когда я воображаю себѣ , въ какомъ бѣдномъ состояніи жили дикіе люди , или читаю объ нихъ описаніе какова нибудь путешественника , какъ они съ великими трудами и опасностями достаютъ самыя необходимыя потребности , тогда только чувствую я , сколько мы счастливы . „

Николай. О если бы это поле было мое ! я спалъ бы самъ работашъ — и какъ бы я теперь радовался !

Отецъ. Желаніе швое мнѣ не нравится . Ты и теперь имѣешь причину радоваться . Мы столько же беремъ участія въ благословенной жатвѣ , какъ и шѣ добрые люди , которыхъ это поле принадлежитъ ; они работашъ столько же для насъ , сколько и для себя .

Добросердѣ. А мнѣ его желаніе кажется извинительно . Земледѣліе было первое состояніе , которое натура дала человѣку : первые люди всѣ были земле-
дѣльцы ,

дѣльцы, либо паспухи. — Вѣ пріятныя времена года мнѣ и самому иногда приходилъ желаніе вести сельскую жизнь, чшобѣ всегда бытъ при источникѣ, при которомѣ бы могѣ я размашривашъ чудеса Божіи вѣ нашурѣ. Однако жѣ размысливши, нахожу, что Богѣ опредѣлилъ мнѣ лучшую участь, по шому, что погда могѣ бы я жить больше для себя, а нынѣ могу бытъ полезнѣе другимѣ.

„Вы правду говорите, сказалъ Алексѣй, пожавши руку Добросерду: „можешѣ бытъ погда не были бы вы намѣ знакомы, и мы не имѣли бы шого удовольствія и шой пользы, какую нынѣ имѣемѣ отѣ вашего знакомства. „

Отецѣ. Вѣ самомѣ дѣлѣ сельская жизнь имѣетѣ вѣ себѣ много прелестей для душѣ неразвращенныхѣ; она всякаго другова образа жизни ближе къ мудроспи. Презрѣніе къ ней всегда служилъ доказательствомѣ испорченнаго роскошью вкуса. — Жалко, что наши земледѣльцы живущѣ вѣ шакомѣ бѣдномѣ соспоянніи, что вѣ пшяжкихѣ своихѣ шрудахѣ не могутѣ довольно наслаждашъ шѣмѣ добромѣ, кошѣрое они прилѣжаніемѣ своимѣ пріобрѣтаютѣ, и не чувствуютѣ шѣхѣ пріятностей, какія образѣ ихѣ жизни могѣ бы

имѣ

имѢ доставляшь. — Дѣши мои! имѣйте всегда уваженіе къ симѢ людямѢ, сколько они заслуживающѢ. Есльи современемѢ БогѢ дастѢ вамѢ владѣшь ими, по не упускайте случаевѢ помогашь имѢ; облегчайте ихѢ пруды и заботы; пекипесь о воспіпаніи дѣшей ихѢ; спарайтесь, чшобѢ и знакомые ваши, которые имѣющѢ къ шому случай, шакже вамѢ подражали. Будьте увѣрены, чшо получите за шо неоцѣнимую награду. — —

XVII.

Сова и другія птицы. Васня.

ВѢ одной пріятной рошѢ, наполненной веселыми пшичками, находились развалины стариннаго замка, вѢ которыхѢ жила сова. Другія пшички желали сѢ нею познакомиться, надѣясь можешѢ бышь услышашь ошѢ нее много пріятнаго, либо важнаго, какѢ ошѢ любимой пшичцы Богини мудрости, и позвали ее къ себѢ, когда онѢ праздновали первое число Мая.

Сова прилешѢла. Любовь, согласіе, удовольствіе и радость царшвовали между маленькими пшичками. ВсѢ онѢ спарались увеселишь ее своими пѣснями, и же-

желали, чтобъ она взяла участіе въ ихъ радости. Но сова сидѣла съ угрюмымъ видомъ, посматривала на нихъ косо, и зашкннула бы себѣ уши, естли бѣ были у нее пальцы. — Пшички, примѣтивши, что ихъ музыка ей не нравится, хотѣли развеселить ее разными играми: онѣ прыгали съ сучка на сучокъ, летали около ея маленькими кружками, особливо жъ воробѣй дѣлалъ множество забавныхъ шпукъ. Но все было пщепно: угрюмая сова сидѣла пакъ же, какъ бы она была одна въ мрачномъ своемъ гнѣздѣ.

Пшички видя, что всѣ ихъ спаранія бесполезны, разлетѣлись одна за другою и спряпались въ кустарникахъ. Угрюмая пшица оспалась одна и принуждена была возвратиться въ уединенное свое жилище. Говоряшъ, что съ того времени всѣ пшицы не хопяшъ имѣшъ съ нею дѣла, увидѣвши ее издалека улешающъ, либо насмѣхающся надъ нею, пакъ, что она дцемъ показашъ не смѣшъ.

Д Ъ Т С К О Е Ч Т Е Н І Е .

XVIII.

Путешествіе Васко де - Гамы въ Ост - Индію.

Вступленіе.

Въ пятомъ-надесять столѣтїи Венеція, не почти одни только торговали въ Индіи, и отъ того чрезвычайно обогащались. Они проходили сперва по Средиземному морю къ Египетскому городу Александріи, отшуда добъжали до Суеца, находящагося на узкомъ перешейкѣ земли, соединяющемъ Азію съ Африкою; отшуда же по Чермному и Арабскому морю проходили въ Калекупъ, или въ какую нибудь другую гавань перваго Ост - Индійскаго полуострова. (*)

Часть VII. Но 35 К. Дру-

(*) По справедливости предполагается, что читатели наши знаютъ уже столько Географїи, сколько потребно при чтенїи сего описанїя. Также излишнымъ кажется напоминать, что для нихъ полезно будетъ приискивать на ландкартѣ мѣста, о кошерыхъ здѣсь упоминается.

Другія Европейскія націи смотрѣли съ завистію на безчисленныя богатства, пріобрѣтаемыя Венеціанами отъ сея торговли. Онѣ желали имѣть участіе въ столь выгодной торговлѣ; но не было къ тому никакова инаго способа, какъ только сыскашь новой путь въ Индію по морю. Португальцы, въ то время предприимчивой народъ, первые вознамѣрились искашь сего новаго пути вокругъ Африки по тому морю, по которому нынѣ обыкновенно корабли въ Ост-Индію проходятъ. Но еще сомнительно было, есть ли возможность проходить симъ путемъ.

Издавна носился слухъ, что еще въ весьма древнія времена нѣкошорой Египетской царь, по имени Нехо, объѣзжалъ вокругъ всей Африки на Феникійскихъ корабляхъ; но заподлинно не извѣстно было, основателенъ ли сей слухъ. Многіе почитали такое предпріятіе совсѣмъ невозможнымъ, по такимъ причинамъ, которыя нынѣ дѣля опровергнушь можешъ; а имянно, они думали, что Африка къ югу не имѣетъ конца, но простирается даже до самаго южнаго полюса, и по сему не возможно вокругъ ея объѣхать. При томъ думали они, равню несправедливо, что въ той часши земнаго нашего шара,

шара, копорая называется жаркимъ поясомъ, всегда бываешъ споль чрезвычайной жаръ, что никакой человекъ вытерпѣшь его не можешъ. Даже опасались они, что въ тѣхъ спранахъ корабли ихъ и съ людьми сгоряшъ отъ жару.

Споль великое незнаніе, оказанное сими людьми, не заслуживаешъ посмѣянїя. Тогда было споль еще мало свѣденїй о свойствахъ земли нашей, что мы не лучше бы разсуждали, естлибъ жили въ тѣ времена. Нынѣ, когда уже нѣсколько тысячъ путешественниковъ объѣздили почти всѣ земныя спраны, и когда уже выдано въ свѣтъ множество описанїй объ оныхъ — не трудно усмотрѣть, сколь неосновательно Португальцы опасались; но тогда было совсѣмъ иначе.

Однако жъ не смотря на всѣ сіи опасенїя, Португальцы опважились предпрїяшь важное для нихъ открытіе. Хотя первыми своими спаранїями и не дошли они до своей цѣли, но прїобрѣли иныя выгоды, копорыми они довольно награждены были; а имянно, они открыли въ разныя времена острова Санто - Порто и Мадеру, Азорскїе острова, Зеленой мысѣ, а наконецъ и мысѣ Доброй Надежды, самую крайнюю часть Африки къ югу.

югу. Тотъ, кто совершилъ послѣднее сіе открытіе и обѣхалъ вокругъ помянушаго мыса, назывался Бартоломей Діацъ.

Тогда казалось, что возможность проходить въ Ост-Индію по морю вокругъ Африки, не подвержена уже сомнѣнію; но еще находились такіе люди, которые не перестали въ томъ сомнѣваться и надежду произвести сіе предпріятіе въ дѣйство почивали пустою мечпою. Они не могли уже болѣе отрицать, что можно пройти подъ экваторомъ не сгорѣвши, и что Африка имѣетъ конецъ. Но по несчастію Діацъ выдержалъ при мысѣ Доброй Надежды жестокою бурю, и по тому назвалъ его *Торментозъ*, т. е. *бурливой*. Сіе подало малодушнымъ людямъ поводъ заключить, что въ тѣхъ странахъ всегда бывають жестокія бури, и что далѣе того мыса пройти не можно. Вотъ какія заключенія малодушіе и боязливость дѣлають заспавляють!

Однако Емануель, Король Португальской, не былъ изъ числа такихъ малодушныхъ и недовѣрчивыхъ людей. Вступивъ на престолъ, рачительно старался онъ произвести въ дѣйство предпріятіе своихъ предшественниковъ, открыть морской путь въ Ост-Индію. Онъ приказалъ

залъ немедленно вооружить флотъ , и предводителемъ сего флота выбралъ пакова человекъ , которой въ высокой степени имѣлъ способность и отважность, потребныя для столь великаго предпріятія. Онъ назывался Васко де - Гама , и здѣсь сообщается описаніе достопамятнаго его путешествія.

I.

Путешествіе изъ Белема къ мысу Доброй Надежды , и оттуда къ Мозамбикку , что при восточномъ берегу Африки.

Флотъ , которымъ Васко де - Гамъ надлежало предводительствовать при семъ предпріятіи , состоялъ изъ трехъ посредственныхъ кораблей , и на нихъ вообще находилось не болѣе 160 человекъ. Сіи корабли назывались Санкт - Габріель , Санкт - Михаель и Берріо. На первомъ изъ нихъ находился самъ Васко , а двумя прочими командовали Павелъ де - Гама , братъ его , и Николасъ Нуецъ. Небольшая сія эскадра еще провожаема была запаснымъ кораблемъ , которымъ управлялъ Гонзало Нуецъ.

Въ 1497 году , 8 Іюля , чрезъ пять лѣтъ послѣ того , какъ Колумбъ от-

крыль Америку, Васко де-Гама отпра-
вился въ море отъ мѣстечка Белема, ле-
жащаго недалеко отъ Лиссабона при рѣкѣ
Тайо. Какъ нѣсколько кораблей, отпра-
вляемыхъ куда нибудь вмѣстѣ, всегда
подвержены бывающъ опасности разлу-
читься во время бури, или какимъ либо
инымъ приключеніемъ, что весьма часно
случается; по предводители такихъ ко-
раблей обыкновенно назначаютъ извѣст-
ныя мѣста, гдѣ въ такихъ случаяхъ ко-
рабли должны дожидаться одинъ другога,
дабы опять вмѣстѣ собраться. Де-Гама
при отбѣздѣ своемъ назначилъ первымъ
мѣстомъ собранія Зеленой мысѣ при за-
падномъ берегѣ Африки.

Сія предосторожность была имъ весь-
ма полезна. Когда они приближались къ
Канарскимъ островамъ, случилась жесто-
кая буря, которою Адмиральской корабль
далеко отбитъ былъ отъ другихъ кораб-
лей. Но какъ имъ извѣстно было, гдѣ
они могутъ найти другъ друга, по чрезъ
восемь дней всѣ корабли собрались въ на-
значенное мѣсто, и отсюда вмѣстѣ по-
шли къ острову С. Яго, одному изъ
острововъ Зеленаго мыса, для поправле-
нія вреда, какой они отъ бури поперпѣ-
ли,

и, и для того, чтобы запастись све-
жею водою и другими потребностями.

Островъ С. Яго, и нынѣ еще Порту-
гальцамъ принадлежащій, заслуживаетъ
пріисканъ быть на ландкартѣ; ибо не-
давно два важныя произшествія сдѣлали
его опмѣнно достойнымъ примѣчанія; а
имянно, за десять лѣтъ предъ симъ былъ
тамъ шакой ужасной голодъ, что помер-
ло 16000 жителей; въ послѣднюю жь мор-
скую войну происходило при семъ остро-
вѣ славное сраженіе между Англійскимъ
и Французскимъ флотами, которые оба
шли въ Ост-Индію.

3 Августа путешественники подня-
ли якоря и пошли далѣе къ югу вдоль
подлѣ Африканскаго берега. Какъ тогда
не имѣли еще надлежащихъ свѣдѣній о
вѣтрахъ, какіе бывающъ въ тѣхъ спо-
ронахъ, то мореплаваніе тамъ соедине-
но было со многими затрудненіями и не-
пріятностями, которыхъ нынѣшніе море-
плаватели по большей части избѣгаютъ
умѣютъ. И такъ при мѣсяца боролись
они съ проливными вѣтрами и бурями,
пока дошли отъ острововъ Зеленаго мы-
са до острова С. Елены. Нынѣ жь сіе
путешествіе совершается въ нѣсколько
недѣль.

Сей островъ, погда еще неизвѣстной, увидѣли они 4 Ноября и дали ему названіе, которое онъ и понынѣ имѣетъ, хотя принадлежишь уже не Португальцамъ, но Англичанамъ. Самъ по себѣ онъ не заслуживаетъ особливаго вниманія, но важенъ для Англичанъ по тому, что ихъ корабли идущіе въ Ост-Индію, либо изъ Ост-Индіи возвращающіеся, могутъ при немъ запасаться свѣжею водою.

Нашимъ путешественникамъ, которые уже нѣсколько времени терпѣли недоспашокъ въ водѣ, открытіе сіе весьма было полезно. Они нашли на островѣ жишелей, чернаго цвѣшу, небольшого роста и съ непріятными лицами. Сіи жишели, по обычаю всѣхъ дикихъ живущихъ въ жаркихъ странахъ, ходили по большей части нагіе, нѣкоторые жъ носили только звѣриную кожу, накинувъ ее на плеча, какъ епанчу. Оружіе ихъ состояло въ лукахъ и стрѣлахъ и въ обожженныхъ на огнѣ палкахъ, у которыхъ къ концамъ придѣланы были острые рога какихънибудь живошныхъ. Ципались они кореньями, морскими живошными, а особливо кишями (которыхъ въ тамошней странѣ много), морскими пшитами и дикими козами. Также найдены были

были у нихъ собаки похожія на Португальскихъ.

Предводителъ флота самъ вышелъ на берегъ, чтобъ осмотрѣть островъ и получить свѣденіе о образѣ жизни и обычаяхъ тамошнихъ урожденцовъ. Ходя по разнымъ мѣстамъ, нашелъ онъ одного островитянина, который искалъ меду; ибо на семъ островѣ, такъ, какъ и во всей Африкѣ, находится весьма много пчелъ, собирающихъ изрядной медъ. Онъ хотѣлъ поговорить съ симъ островитяниномъ; но они не могли разумѣть другъ друга. Дикой взявъ былъ на корабль; но и тамъ никто не разумѣлъ его языка. Удержали его переночевать на кораблѣ, а на другой день спустили обратно на берегъ, одѣвши его въ плащъ. Ласковой пріемъ сему дикому и подаренное ему плащъ приманили къ кораблямъ множество другихъ островитянъ. Адмиралъ показывалъ имъ разныя благовонныя растенія, золото и жемчугъ; но примѣшилъ, что сіи вещи имъ совсѣмъ неизвѣстны и что они ихъ не уважали. По томъ подарилъ онъ имъ нѣсколько маленькихъ колокольчиковъ, оловянныхъ колецъ и шелеховъ, чему они весьма обрадовались.

Хотя съ обѣихъ споронъ принимали другъ друга ласково, однако жь скоро оказалось, что не должно было слишкомъ полагаться на сихъ черныхъ островищянъ. Нѣсколько Португальцовъ опважившись зайши далѣе на островъ, чшобъ посѣтишь урожденцовъ памошнихъ въ ихъ жилищахъ, примѣшили нѣкоторыя пригошвленія къ непріятельскимъ дѣйспвіямъ. Они почли за нужное возврапиться скорѣе на корабли. Дикіе гнались за ними, и безъ сомнѣнія дошло бы между ими до драки, еспьлибъ Адмиралъ не примѣшилъ съ корабля опасности, какою люди его были угрожаемы, и не поспѣшилъ къ нимъ на помощь. Островищяне увидѣвши шо, убѣжали назадъ съ великимъ крикомъ.

Но, сей припворной побѣгъ въ самомъ дѣлѣ былъ только хипрость, которою они намѣрены были приманить Португальцовъ гнашься за ними, чшобы заведши ихъ далѣе опѣ берега напасшь на нихъ. Увидѣвъ, что никто не гонится за ними, шощасъ обратились они опять къ берегу, сдѣлали свирѣпое нападеніе на Адмирала и на людей его со спрѣлами и съ другимъ своимъ оружіемъ, и принудили его уйти на корабль. При семъ случаѣ ранены

ранены были четыре Португальца и у самого Адмирала повреждена была нога.

Путешественники наши проведши тамъ еще двѣнадцать дней, отправились далѣе при южно-западномъ вѣтрѣ, и чрезъ два дни по томъ имѣли радость увидѣшь мысъ Доброй Надежды. Однако проливной вѣтрѣ препящствовалъ имъ приблизиться къ сему мысу. Наконецъ, еще чрезъ два дни, 20 Ноября удалось имъ обойти около него. На берегу мыса примѣтили они издалека множество большаго и мелкаго скопа, также и людей похожихъ на жителей острова С. Елены. Не спойшь труда упоминашь здѣсь о немногихъ другихъ примѣчаніяхъ, какія сдѣлали Португальцы проходя мимо сего берега.

По томъ пошли они вдоль подлѣ восточнаго Африканскаго берега къ сѣверо-востоку. Прошедши около шестидесяти миль, спали они на якорь при одномъ островѣ, въ виду земли, и имѣли случай сдѣлать слѣдующія примѣчанія. Жители тамошніе похожи были на уроженцовъ острова С. Елены и мыса Доброй Надежды. Казалось, что тамъ было много слоновъ и быковъ. Послѣднихъ животноныхъ употребляютъ жители къ верховой ѣздѣ,

бздѣ, накладывая имѣ на спину соломяную подушку и деревянное сѣдло и продѣвая сквозь носѣ палку. На каменной горѣ недалеко отѣ берега видѣли нѣсколько тысячѣ морскихѣ львовѣ. — Сіи звѣри доспойны примѣчанія, и для любопытныхѣ чипашелей должно здѣсь сообщить о нихѣ краткое описаніе. Они похожи на морскихѣ собакѣ, но больше ихѣ, и бывающѣ вѣ длину отѣ шести до десяти локшей. Живущѣ вѣ водѣ и на землѣ, питающся рыбою и правою, и бывющѣ весьма жирны. Они любящѣ спать пропянувшись на островѣ или на мели, но при томѣ всегда наблюдающѣ осторожность и выспавляющѣ спорожей, копорые вѣ случаѣ приближающейся опасности дающѣ знакѣ нѣкопорымѣ хрюканьемѣ. Движеніе морскихѣ львовѣ какѣ вѣ водѣ, такѣ и на землѣ, споль медлительню, что ихѣ удобно догонящѣ можно. Они шихи и не нападающѣ на людей; но свирѣпющѣ и кусающся, когда бывающѣ ранены, или когда опнимающѣ у нихѣ дѣшей. Дѣшей своихѣ любящѣ весьма горячо; пока онѣ не могущѣ еще плавать,носящѣ ихѣ на своихѣ спинахѣ, но часто нарочно сбрасывающѣ вѣ воду, дабы приучащѣ кѣ плаванью. —

Чрезѣ

Черезъ нѣсколько дней по прибытіи Португальцовъ, показалось на берегу и на горахъ около девяноста памошникъ жишелей. Адмиралъ увидѣвъ ихъ поплылъ къ берегу, приказавши сперва людямъ своимъ вооружиться, дабы не случилось съ ними и тамъ того же, что случилось на островѣ С. Елены. Приблизившись къ берегу, приказалъ онъ бросать пуда колокольчики. Дикіе поднимали колокольчики и подошли такъ близко, что могли брать ихъ изъ его рукъ. По томъ опважился онъ съ людьми своими выйши на берегъ и вымѣнялъ у дикихъ нѣсколько колецъ, сдѣланныхъ изъ слоновой кости, на красные колпаки. Сіе первое свиданіе кончилось споль же мирно, какъ и началось.

Черезъ нѣсколько дней послѣ того вышло на берегъ около двухъ сотъ дикихъ, копорые привели съ собою двѣнащцать быкозъ и чепырехъ овецъ, и какъ Португальцы также къ нимъ вышли, то они начали играть на свирѣляхъ и пѣшь. Дабы опвѣшествовать на сію учшивость такую жь учшивостію, Адмиралъ приказалъ своимъ трубачамъ играть на трубахъ, и люди его должны были плясать. Дикіе веселились шѣмъ, и сей день

день проведенъ былъ въ удовольствіи и во взаимныхъ изъявленіяхъ дружбы.

Но сія дружба не продолжилась навсегда. Спусня нѣсколько дней дикіе вышли на берегъ еще въ большемъ множествѣ, и Португальцы шоргуя у нихъ быка, примѣтили, что нѣсколько молодыхъ дикихъ спрятались съ оружіемъ въ кустарникѣ. Адмиралъ опасаясь коварнаго нападенія, приказалъ своимъ людямъ переправиться въ безопасное мѣсто. Португальцы сѣли въ свои боты и поплыли вдоль подлѣ берега къ открытому мѣсту, съ котораго могли они довольно далеко вокругъ себя осматриваться. Африканцы пошли прямо прошивъ ботовъ шуда же. Тамъ собрались они большими шолпами, и по видимому пригошовлялись драхся. Но Адмиралъ не захошѣвши на сей разъ сдѣлать между ими кровопролитія, возвратился въ ботахъ своихъ къ кораблямъ. Но дабы нѣсколько смирить непокойныхъ дикихъ, приказалъ онъ сдѣлать два выстрѣла изъ пушки, чего они такъ испугались, что побросавши свое оружіе разбѣжались въ великомъ безпорядкѣ.

Послѣ того де - Гама послалъ нѣсколько своихъ людей на берегъ, поставивъ шамъ крестъ и столпъ съ гербомъ

Ко-

короля Португальскаго, въ знакѣ шого, что онѣ причисляешѣ сію землю ко владѣнію своего государя. — Вѣроятно, что дикіе урожденцы не знали, что значить сей крестѣ и столпѣ; однако жѣ имѣ сомнительно казалось, допустить иностранцовѣ, которыхѣ они никогда къ себѣ не призывали, дѣлать въ ихѣ землѣ шакія церемоніи. И такѣ, какѣ скоро Португальцы сошли съ берега, они еще въ виду ихѣ вырыли крестѣ и столпѣ изѣ земли.

Пушешественики наши отправились далѣе и приближались иногда къ берегу, для осматриванія земли. Адмиралѣ приотѣздѣ своемѣ изѣ Португалліи взялъ съ собою нѣкоторыхѣ преступниковѣ, дабы при случаѣ употреблять ихѣ къ такимѣ работамѣ, при которыхѣ жизнь подвержена бываетѣ опасности. Тогда высадиъ онѣ двухѣ изѣ сихѣ преступниковѣ на берегѣ и приказалѣ имѣ оспаться шамѣ, чтобы навѣдывашься о свойствахѣ земли и знакомись съ тамошними жителями. Онѣ обѣщалѣ имѣ, что на возвратномѣ своемѣ пути, если найдешѣ ихѣ еще живыхѣ, возьмешѣ съ собою и отвезешѣ въ Португаллію, гдѣ они уже свободны будутѣ онѣ всякаго другаго наказанія за свои пре-

преступленія. — Спасительное наказаніе, не только не погубляющее преступниковъ для человѣческаго рода, но еще заставляющее ихъ быть полезными! —

Въ 1498 году, 11 января, путешественники наши въ другой разъ спали на якорь недалеко отъ берега, и Адмиралъ выслалъ нѣсколько изъ своихъ людей на берегъ для обыкновеннаго развѣдыванія. Они приняты были какъ жителями тамошними, такъ и владѣльцомъ ихъ весьма ласково. Адмиралъ изъ благодарности за то, послалъ въ подарокъ владѣльцу красной камзолъ, пару чулковъ и шапку такова жъ цвѣшу и мѣдной нарукавникъ. Благодарной Африканской владѣлецъ пригласилъ по помѣ Адмирала съ людьми его въ свой городъ и увѣрялъ, что онъ будетъ служить имъ всемъ, что только есть въ его землѣ.

(Продолженіе сообщается будетъ въ слѣдующихъ листахъ.)

Д Ъ Т С К О Е Ч Т Е Н І Е .

Путешествіе Васко де-Гамы въ Ост-Индію. (Продолженіе.)

Адмиралъ самъ не захопѣлъ сойти съ корабля, но отправилъ со владѣльцомъ нѣкоторыхъ изъ своихъ людей. Подданные сего владѣльца осматривали его съ великимъ удивленіемъ въ новомъ его платьѣ и хлопали руками отъ радости. Пришедши въ городъ (если можно назвать такъ нѣсколько бѣдныхъ шалашей поставленныхъ вмѣстѣ) владѣлецъ обходилъ сперва вездѣ, дабы показаться всѣмъ своимъ подданнымъ въ новомъ своемъ уборѣ. По томъ возвратился онъ въ свой домъ, гдѣ приготоуленъ былъ обѣдъ, состоявшій изъ курицы съ вареною чечевицею. Поршугальцы обѣдали съ нимъ при множествѣ зрительей, которые удивлялись по наряду своего владѣльца, по бѣлымъ иностранцамъ. Они пробыли тамъ до другаго дня.

Возвращаясь на корабль, провожаемы они были дикими, съ копорыми владѣ-

лець послалъ къ Адмиралу въ подарокъ куриць. Де - Гама изъ благодарности за ласковой приѣмъ, назвалъ сию страну *землею добрыхъ людей*. Она есть ша часть Африканскаго берега, которая лежитъ прямо противъ южнаго края большаго острова Мадагаскара.

Между симъ народомъ примѣчено было гораздо болѣе женщинъ, нежели мужчинъ. Можеть бытъ вѣль онъ съ сосѣдственными народами кровопролитныя войны, на которыхъ много мужчинъ погибало. Оружіе ихъ состояло въ длинныхъ лукахъ, стрѣлахъ и дротикахъ съ желѣзными остріями. Также носили они кинжалы съ оловянными ефесами и съ клинками изъ слоновой кости, по чему можно заключить, что въ сей землѣ, кромѣ мѣди, должно бытъ много олова. Соль пригошовляли они изъ морской воды, которую спавили въ ямы въ пыковыхъ коркахъ и давали ей выйши парами, послѣ чего находящаяся въ ней соль оспавалась. Извѣстно, что и въ другихъ земляхъ, на пр. въ Португалліи, такимъ же образомъ пригошовляютъ соль изъ морской воды. Европейское полошно такъ имъ понравилось, что за одну рубашку отдавали они множество мѣди. Впрочемъ (что

(что въ дикомъ народѣ удивительно) были они столь ласковы и услужливы, что доставляли Португальцамъ свѣжую воду изъ - за нѣсколька верстѣ.

Оттуда путешественники отпра- вились по каналу между Африкою и Мадагаскаромъ, и чрезъ 8 дней приплыли къ устью рѣки, означенной на ландкартѣ Африки подъ названіемъ *Квама*. Пробъ- жая въ богахъ вверхъ по сей рѣкѣ, вез- дѣ находили землю низкую и поросшую полстыми деревьями. Встрѣчалось съ ними нѣсколько памошнихъ уроженцовъ въ лод- кахъ съ парусами, сдѣланными изъ пал- мовыхъ листьевъ. Португальцы немало обрадовались увидѣвши такихъ людей, которые уже знали употребленіе пару- товъ, чего имъ прежде нигдѣ еще не встрѣчалось. Нѣкоторые изъ сихъ урож- денцовъ всходили на корабли безъ всякой робости и оказывали Португальцамъ па- кую довѣренность, какъ бы уже старин- нымъ своимъ знакомцамъ. Они были из- ряднаго виду, но цвѣтомъ черные и хо- дили по большей части нагѣ. Запонъ, обвязанной спереди, составлялъ всю ихъ одежду.

Португальцы обходились съ ними ласково, дарили ихъ колокольчиками и

другими подобными бездѣлками. Сіе ободрило ихъ; они пришли въ другой разъ, привели съ собою многихъ другихъ своихъ единоплеменниковъ, и принесли Португальцамъ съѣстныхъ припасовъ. Въ помѣ числѣ приходили и женщины. Онѣ оплечались отъ мужчинъ прѣмъ скважинами на губахъ, въ копорыхъ привѣшены были куски олова, что почипалось у нихъ украшеніемъ. Съ обѣихъ сторонъ принимали другъ друга споль ласково, что нѣкопорые Португальцы опважились ходить съ ними въ ихъ жилища.

Въ прѣстій день пребыванія ихъ шамъ пришли двое знашныхъ Африканцовъ посѣшить Адмирала. Они одѣты были не лучше прочихъ, съ шюю сполько опличноспію, что запоны ихъ были шире, и одинъ изъ нихъ имѣлъ на головѣ плашокъ вышпшой шелкомъ, а другой шапочку изъ зеленой шелковой матеріи.

Де - Гама принялъ ихъ ласково, заставилъ ихъ ѣсть съ собою и подарилъ плашьемъ и нѣкопорыми другими вещами; но можно было примѣшить, что они подарковъ его не уважали. Они давали знаками выразумѣть, что они изъ опдаленной земли и видали уже въ другомъ мѣстѣ шакіе жъ большіе корабли, какъ и

пѣ , на которыхъ они тогда находились. Адмиралъ заключилъ изъ сего , что онѣ скоро уже найдутъ такихъ людей , которые торгуютъ въ Ост - Индіи , и по тому назвалъ рѣку , въ устьѣ которой стоялъ онѣ на якорѣ , *Rio de Buenaes sinansъ* , ш. е. *рѣка добрыхъ признаковъ*.

Корабли , бывшіе споль долго на морѣ , претовали починки . Между тѣмъ , какъ начали ихъ починивать , многіе изъ корабельныхъ служителей занемогли отъ нездороваго воздуха , либо отъ нездоровой пищи . Болѣзнь сія была опухоль въ рукахъ и ногахъ ; мясо около зубовъ также пухло и гнило , что причиняло несносную вонь изъ роту , и они не могли ничего жевать . Не знали никакова инаго способа противъ сея болѣзни , какъ только вырѣзывать гнилыя мѣста , и многіе изъ больныхъ умерли . Извѣстно , что сія болѣзнь была скорбузная .

Окончавши починку кораблей , 24 января путешественники отправились далѣе . Чрезъ 8 дней по томъ находились они въ виду нѣсколькихъ острововъ лежащихъ недалеко отъ берега . Съ одного изъ сихъ острововъ приплыло къ Португальскимъ кораблямъ нѣсколько людей въ седми или осьми бошахъ , и желали взойти

на корабли. Приняли ихъ охотно, и они обходились съ чрезвычайною довѣренностью. Сіи люди были изряднаго росту, цвѣшомъ черноваты и одѣши въ бумажное полосатое плашье. На головахъ носили полошнѣныя чалмы вышитыя шелкомъ и золошомъ и имѣли съ собою музыкальныя инструменшы, кошорыя называли они *санбутами*. Говорили Арабскимъ языкомъ. Ъли и пили все, что имъ ни давали, и какъ одинъ изъ Порпугальцовъ, знавшій по - Арабски, спросилъ: какъ называется ихъ оспровъ? — то они отвѣчали, что оспровъ ихъ называется *Мозамбикъ*, и на немъ есть городъ, въ кошоромъ живутъ купцы торгующіе въ Ост - Индіи благовонными расшеніями, драгоцѣнными камнями и другими поварями. Они сами вызвались ввести корабли въ гавань, и сіе предложеніе съ удовольствіемъ было принято.

2.

Пребываніе въ Мозамбикѣ. Путешествіе оттуда въ Калекуть, что на Малабарскомъ берегѣ въ Ост-Индіи.

Городъ Мозамбикъ, при кошоромъ путешественники наши спали на якорь, ле-

лежитъ на островѣ при восточномъ берегѣ Африки, подъ 15 градусомъ южной широты, то есть на 1575 верстѣ распоинемъ отъ экватора, или той круговой линіи, которая воображается вѣкругъ земли въ равномъ отдаленіи отъ обоихъ полюсовъ. Сей городъ обитаемъ былъ по большей части Арабами Магомешанскаго закона, которые производили торговлю какъ по Черному морю, такъ и въ Осп-Индіи. Сии Магомешане, разиространивъ шіеся изъ Аравіи и сѣверной Африки по всей Индіи, и называвшіеся сперва по происхожденію своему Маврами, также и Сарацинами, называются шамъ обыкновенно Арабами подъ какимъ названіемъ у насъ разумѣются люди чернаго цвѣту. Купцы сея націи, найденные Португальцами въ Мозамбикѣ, употребляли тогда въ своей торговлѣ довольно большіе корабли безъ палубъ, построеныя безъ гвоздей и въ которыхъ дерево связано только было веревками. На парусы употребляли они рогожки, сдѣланныя изъ пальмовыхъ листьевъ. Они знали уже компасъ и морскія карты, и пользовались обоимъ на своихъ путешествіяхъ.

Самые урожденцы сея страны цвѣтомъ черные. Земля ихъ низка и нездо-

рова. Всѣ жилища, найденныя тамъ въ то время, были шалаши, сплетенные изъ вѣтвей; только стѣны въ домѣ Шеика, ш. е. начальника, или владѣльца, живущихъ тамъ Арабовъ, также въ мечетѣ, или Магометанскомъ храмѣ, сдѣланы были изъ глины.

Въ такомъ состояніи тогда найденъ былъ сей городъ. Но когда Мозамбикъ сдѣлался Португальскимъ селеніемъ, по видѣ его совсѣмъ перемѣнился. Нынѣ находится тамъ большой, хорошо выстроеной и укрѣпленной городъ съ изрядною гаванью, защищаемою замкомъ. Сія гавань столь же важна для Португальцовъ, сколько мысъ Доброй Надежды важенъ для Голландцовъ; ибо тамъ Португальскіе мореходцы, отправляющіеся въ Ост-Индію, не только доставляютъ всѣ потребности для продолженія своего пущи, но и находятъ всегда матеріалы нужные для починки своихъ кораблей; также могутъ они въ сей гавани дожидаться времени удобнаго къ выходу въ море. Еще находится тамъ нынѣ госпиталь, или больница, копорая въ разсужденіи добраго порядка мало имѣетъ себѣ подобныхъ.

Шеикъ (или, какъ другіе сіе слово выговариваютъ, Шахъ) почелъ Португаль-

гальцовъ Арабами либо Турками, прибывшими изъ инаго мѣста, послалъ къ нимъ подарки и хотѣлъ прійти на ихъ корабль. Де-Гама послалъ ему красныхъ шляпъ, короткихъ епанчей, коралловъ, мѣдныхъ шазовъ, маленькихъ колокольчиковъ и другихъ подобныхъ вещей, и далъ знать, что посѣщеніе его будетъ ему пріятно. Однако Арабской владѣлецъ смотрѣлъ на сіи подарки къ презрѣніемъ, и спросилъ, къ чему годятся шакія бездѣлки, и для чего Адмиралъ не прислалъ ему кармозину? Де-Гама усмощрѣлъ, что онъ имѣетъ дѣло уже не съ дикими, и извинялся шѣмъ, что не имѣетъ съ собою кармозину.

Между шѣмъ, дабы приготовить къ ожидаемому посѣщенію, приказалъ онъ спрятать всѣхъ больныхъ, и всѣхъ здоровыхъ служителей съ другихъ кораблей перевелъ на свой корабль. Онъ приказалъ имъ тайно вооружиться, чтобъ быть въ состояніи обороняться въ случаѣ, если бѣ Шейкъ поступилъ коварно и напалъ на нихъ.

Шейкъ пришелъ. Какъ онъ, такъ и свита его, убраны были хорошо и одѣты въ шелковое платье. Самъ онъ былъ высокъ ростомъ и понокъ. Онъ имѣлъ

на себѣ рубашку, которая простиралась до пясть и сверхѣ оной бархатное плашье. Голова его покрыва была разноцвѣтною шелковою шапочкою, вышитую золопомѣ. На поясѣ носилъ онѣ саблю и кинжалѣ, а на ногахѣ шелковыя башмаки. Люди его принесли съ собою прубы, сдѣланныя изѣ слоновой кости, и нѣкоторыя другія инструменты, на которыхѣ играли нѣсколько времени, взошедши на корабль, послѣ чего Адмиралѣ ввелѣ Шеика въ свою каюшу.

Шеикѣ и его провожащыя ѣли все, что имѣ подносили. Онѣ спрашивалѣ у Адмирала, не Турки ли они, какѣ по онѣ заключилѣ по бѣлому ихѣ цвѣшу и требовалѣ, чшобѣ они показали ему свои луки и законныя книги. Де - Гама отвѣщивовалѣ, что они не изѣ самой Турціи, но изѣ другога большаго королевства, пограничнаго съ Турціею, и что законныхѣ книгѣ съ собою не имѣютѣ. Онѣ показалѣ ему нѣкоторыя Европейскія оружія, которыхѣ дѣйствію Арабской владѣлецѣ удивлялся.

Де - Гама узналѣ при семѣ свиданіи, что до Калекуша осталось еще девяностѣ миль, и что ему необходимо надобно

но было взять лоцсмана (*) изъ Мозамбика, естѣли онѣ не хотѣлъ подвергнуться опасности сѣсть гдѣ нибудь на мель. Онѣ просилъ Шеика, чтобѣ потѣ позволилъ ему взять вмѣсто одного двухъ лоцсмановѣ, дабы вѣ случаѣ, естѣли одинѣ изъ нихъ занеможетѣ, или умретѣ, другой могѣ заспуитѣ его мѣсто. Шеикѣ согласился на сію прозѣбу.

Однако не смотря на дружбу, оказываемую Арабами, де - Гама скоро узналъ, что онѣ имѣетѣ важную причину остерегаться сихъ людей. Одинѣ изъ двухъ лоцсмановѣ, присланныхъ къ нему отѣ Шеика, шайно далѣ ему знать, что сей вѣроломной владѣлецѣ намѣренѣ завладѣть Португальскими кораблями и убить Адмирала со всѣми его людьми, узнавши, что они не Турки, но Хрисііане. Сіе страшное намѣреніе было дѣйствіе суевѣрія и ревности къ Магометанскому закону.

Де - Гама, получивши сіе извѣстіе, почелѣ за нужное удалиться къ одному небольшому острову, лежащему на милу разстояніемѣ отѣ Мозамбика. Но какѣ одинѣ изъ лоцсмановѣ не пришелѣ еще
на

(*) Искусной вѣ мореплаваніи человекѣ, которой знаетѣ опасныя мѣста вѣ морѣ и умѣетѣ проводить корабли мимо ихѣ.

на корабль, и какъ Португальцы не запаслись еще водою, сколько имъ надобно было, по Адмиралъ принужденъ былъ самъ опсправиться въ Мозамбикъ на ботахъ. Приемъ, какой ему на сей разъ шамъ сдѣлали, явно подтвердилъ извѣстіе о вѣроломномъ намѣреніи Арабовъ. Де-Гама думалъ имѣть право предупредить нападеніе и приказалъ спрелять по множеству собравшагося на берегу народа. Португальцы захватили нѣсколько Арабовъ, между которыми по щастію находился лопсманъ, и какъ всѣ жипели изъ Мозамбика убѣжали, по они разорили городъ; по томъ подняли якоря и продолжали свое пупешествіе.

Весьма доспойно примѣчанія по, что на семъ новомъ пуши оба Мозамбикскіе лопсманы нѣсколько разъ покушались завести корабли въ шакія мѣша, гдѣ бы они разбились, или гдѣ Арабы могли бы завладѣть ими. Однако Адмиралъ осторожностію своею всякой разъ умѣлъ уничтожать сіи коварныя покушенія, и измѣнники строго наказываемы были палочными ударами.

7 Апрѣля прибыли наши пупешественники къ оспрову Момбассѣ, лежащему

щему не далеко отъ берега, копорой на обыкновенныхъ ландкарпахъ Африки можно сыскать подъ чешвертымъ градусомъ южной широты. Сей островъ дѣлается рѣкою, копорая въ томъ мѣстѣ двумя рукавами впадаетъ въ море.

Воздухъ въ сей странѣ весьма здоровъ. Какъ скоро корабли тамъ остановились, то всѣ занемогшіе въ Мозамбикѣ вдругъ выздоровѣли. Островъ весьма приятенъ и наполненъ садами, состоящими изъ смоквъ, гранатныхъ и поморанцовыхъ деревъ. Кромѣ изрядной свѣжей воды найдено тамъ было множество сѣснаго запасу, особливо жъ сарацинскаго пшена, чечевицы, пшницъ и жирныхъ овецъ. Жители города, стоящаго на каменистой горѣ, были Магомешане, цвѣтомъ отчасти бѣлые, отчасти жъ смуглые. Дома ихъ по большей части построены были изъ камня. Какъ мужчины, такъ и женщины, одѣвались великолѣпно и носили шелковое платье съ золопомъ и дорогими камнями. Португальцы примѣтили изъ сего, что они уже приближаются къ Индійскимъ источникамъ богатства.

Островъ имѣлъ изрядную гавань; но де - Гама по благоразумію своему за нужное почиталъ не входить въ нее, пока не навѣдается основательно о нравахъ и расположеніи жителей сея земли. Скоро оказалось, что сія оспорожность не была излишна. По наступленіи ночи приближилась къ кораблямъ барка, на которой находилось около ста человекъ вооруженныхъ саблями и щипами. Они прѣбывали, чтобъ имъ позволено было взойти на корабль. Де - Гама далъ сіе позволеніе только четверымъ изъ нихъ; но и пѣ должны были напередъ опложить свое оружіе. По томъ приняты они были учтиво и уведомили Адмирала, что ихъ Шеикъ, или государь, намѣренъ посѣтить его на другой день. Еще сказывали они, что между ими есть Христіане, и что Португальцы могутъ у нихъ нагрузить корабли свои благовонными растеніями. Оба лоцсманы подтвердили сіе извѣстіе, и по тому не было причины почитать его ложнымъ.

На другой день пріѣхали посланные отъ Шеика поздравить Адмирала съ прибытіемъ, и привезли ему въ подарокъ нѣсколько плодовъ. Сіи посланные также

же сказывали, что Християне живутъ на островѣ, даже и сами пришворишисъ Християнами, приглашали Адмирала войти въ гавань и обѣщали не только снабдить его шамъ всѣми нужными припасами, но еще доставить случай нагрузить корабли благовонными расшеніями и другими дорогими товарами.

Де-Гама не имѣя еще причины недоувѣрять имъ, осыпалъ сихъ посланныхъ учтивостями и отправилъ ихъ со взаимными подарками, также послалъ съ ними на берегъ нѣсколько и своихъ людей. Сіи возвратились къ нему съ подтвержденіемъ всѣхъ прежнихъ извѣстій, по чему и сдѣлано было пригошвленіе войти въ гавань; но какъ случилась въ томъ нѣкопорая остановка, по находившіеся на кораблѣ Арабы думали, что сіе намѣреніе было со всѣмъ оставлено, и поспѣшъ сѣли въ свои боты, чтобъ возвратиться на берегъ. Въ то же время оба взятыя изъ Мозамбика лопсманы бросились въ воду и поплыли за ними. Они приняли ихъ въ свои боты и увезли съ собою, хотя Португальцы, сколько возможно было, старались склонить ихъ, чтобъ они отдали обратно сихъ бѣглецовъ.

Сіе подало поводъ къ подозрѣнію. На кораблѣ оспались еще двое Арабовъ изъ захваченныхъ въ Мозамбикѣ. Опѣ сихъ надѣялись получить иѣкошорое объясненіе и шребовали опѣ нихъ, чтообѣ они опкрыли все шо, что имѣ извѣстно о намѣреніяхъ шамошнихъ Арабовъ, но какѣ они не хопѣли добровольно признашья, шо подвергли ихъ жестокой пышкѣ, а имянно лили имѣ каплями на обнаженное шѣло кипящее сало. Подѣ сею пышкою признались они наконецѣ, что шамошніе Арабы имѣли намѣреніе опомстшпшъ Португальцамѣ за жестокой поступокѣ сѣ ихъ едшновѣрцами въ Мозамбикѣ, и угорились сѣ лопсманами погубшпшъ Португальскіе корабли, и что лопсманы убѣжали опасаясь, что ихъ заговорѣ уже опкрышѣ.

(Продолженіе сообщается будетъ въ слѣдующихъ лстахъ.)

Д Ъ Т С К О Е Ч Т Е Н І Е .

Путешествіе Васко де-Гамы въ Ост- Индію (Продолженіе.)

Послѣ сего неприятнаго открытія оп-
мѣнено было намѣреніе войти въ га-
вань, и корабли остались въ прежнемъ
положеніи. Въ слѣдующую ночь карауль-
ные примѣтили, что якорной канашъ
шапается, и думали сперва, что сіе
движеніе происходитъ отъ рыбъ, назы-
ваемыхъ макрелями (*), копорыхъ въ
шамошнихъ водахъ много. Но разсмотрѣ-
вши пристальнѣе, увидѣли нѣсколько
Арабовъ, копорые плавая спарались пере-
Уасивъ VII. № 37. М ру

(*) Во многихъ моряхъ находятсѣ различные ро-
ды сѣя рыбы. Нѣкоторыя бывають не велики,
но весьма вкусны; другія жь бывають въеомъ
въ нѣсколько центеровъ. Сіи послѣднія весьма
прожорливы и нападаютъ на плавающихъ
людей. Разказываютъ о нихъ, что онѣ иногда
вертясь кругомъ съ чрезвычайною скоростію,
отъ чего происходитъ небольшая пучина, въ
копорой мелкая рыба скопляется кучами, и
макрели удобно могутъ се ловить.

рубить канатъ, въ надеждѣ, что послѣ этого корабль набѣжитъ на берегъ. Другіе хотѣли то же сдѣлать съ прочими кораблями; но какъ скоро примѣтили, что Португальцы ихъ видятъ, съ поспѣшностію убѣжали.

Де-Гама разсудилъ за благо не оставаться долѣе у такихъ людей, которые имѣли противъ его непріязненные намѣренія, и отправился въ путь. Прошедши миль около семи, Португальцы увидѣли два небольшія Арабскія судна, которыя хотѣли опъ нихъ уйши; однакожь погнались за ними и догнавши одно изъ нихъ, на кошоромъ находилось 17 Арабовъ и множество золоша и серебра, признали его законною добычею, ибо думали, что имѣющъ основательную причину почитать всѣхъ Арабовъ непріятелями. — Въ тотъ же день флотъ прибылъ къ городу, Мелиндѣ.

Сей городъ, лежащій на 18 миль разстояніемъ отъ Момбассы къ сѣверу, подъ шретьимъ градусомъ южной широты на Африканскомъ берегѣ, также обитаемъ купцами Магомешанскаго закона. Онъ построенъ на высокомъ каменистомъ мѣстѣ и окруженъ лѣсами, состоящими изъ палмовыхъ, цомеранцовыхъ и другихъ плодовиныхъ

вишыхъ деревъ. Тогда былъ онъ уже довольно великъ; улицы въ немъ были широки, а дома каменные въ нѣсколько этажей и съ площадками наверху. Португальцы думали, что они видятъ Европейское селеніе.

Живущіе тамъ Арабы казались людьми обогатившимися отъ торговли. Нѣкоторые изъ нихъ носили шелковое, другіе жъ бумажное платье, а на головѣ чалму вышитую шелкомъ и золопомъ. Сабли ихъ и кинжалы были изрядной работы.

Между сими людьми примѣчено было, что они всѣ дѣйствовали лѣвою рукою больше и свободнѣе, нежели правою. Впрочемъ были они искусны въ верховой ѣздѣ и умѣли хорошо стрѣлять изъ лука, въ чемъ весьма прилѣжно упражнялись. — Владѣлецъ ихъ, или Шейкъ, также Магомешанскаго закона, жилъ пышнѣе другихъ владѣльцовъ, коихъ Португальцы прежде видѣли.

Де - Гама и спутники его весьма обрадовались увидѣвши городъ, столь похожій на Португальской. Они спали на якорь за милю отъ города, и ожидали къ себѣ когонибудь опшуда, но тщетно. Жители тамошніе получили уже извѣстіе

о томъ, что Португальцы взяли Арабское судно, и не прїѣзжали къ нимъ, опасаясь, чтобъ и съ ними не было поспулено, какъ съ непрїателями.

— Де - Гама приказалъ по томъ высадишь одного шарика изъ плѣнныхъ Арабовъ на мель, лежащую прямо противъ города, въ надеждѣ, что его единоземцы возмутъ его опшуда. Сіе и въ самомъ дѣлѣ сбылось. Шарикъ представленъ былъ городскому владѣльцу и объявилъ ему, что Адмиралъ прибылъ для того, чтобъ заключить съ нимъ дружеской союзъ. Владѣлецъ принялъ сіе съ удовольствіемъ и послалъ къ Адмиралу въ подарокъ прехъ овецъ, нѣсколько сахарныхъ проспей и плодовъ. Де - Гама послалъ къ нему за то опъ себя шляпу, коралловъ, при мѣдные шаза, два пояса и нѣсколько колокольчиковъ. По томъ Португальскіе корабли приблизились къ городу и спали на якорь подлѣ чешырехъ судовъ, принадлежавшихъ Индїйскимъ Хрисціанамъ.

Сіи люди, называвшіеся Хрисціанами, прїѣзжали изъ Индіи для шорговли. Они были цвѣшомъ смуглы, впрочемъ изряднаго виду; имѣли большія бороды; носили длинное плашье изъ бѣлой бумажной маперіи и чалмы. Чтобъ испыпашъ,
въ

въ самомъ ли дѣлѣ они Христіане, де-Гама приказалъ принести изображеніе Богоматери и Апостоловъ, и какъ они пади на землю предъ симъ изображеніемъ, по Португальцы увѣрились въ томъ, что они подлинно Христіане.

На шрестій день владѣлецъ Мелиндской пріѣхалъ видѣться съ Адмираломъ. Де-Гама, будучи о томъ увѣдомленъ, выѣхалъ на встрѣчу къ нему въ бошѣ, украшенномъ флагами. Владѣлецъ одѣтъ былъ въ плащѣ изъ кармозинной камки съ зеленою шелковою подкладкою, а на головѣ имѣлъ богашую повязку. Онъ сидѣлъ на великолѣпномъ стулѣ, обкладенномъ шелковыми подушками. Подлѣ него стоялъ престарелой человекъ, копорой держалъ драгоценной мечъ съ серебряными ножнами. На другой споронѣ лежала кармозинная шляпа на шелковой подушкѣ. Свишу его съсавляли около дваццати богашо одѣтыхъ Арабовъ, копорые играли на разныхъ инструментахъ и между прочими на флейшѣ, сдѣланной изъ слоновой кости со скважиною на срединѣ.

Послѣ нѣкопорыхъ взаимныхъ привѣщаній, Адмиралъ долженъ былъ войти въ бошѣ ко владѣльцу, гдѣ оказано ему было такое почтеніе, какъ Государю. Владѣ-

лецъ смотрѣлъ на него и на людей его съ великимъ вниманіемъ и спрашивалъ, изъ какой они земли, какъ Государь ихъ называется, и съ какимъ намѣреніемъ они путешествуютъ? Адмиралъ отвѣчалъ на сія вопросы съ помощію переводчика, которой зналъ Арабской языкъ. Владѣлецъ обѣщалъ дать ему лошмана, которой проведетъ корабли до Калекуша, и пригласилъ его въ городъ, чтобъ онъ могъ угостить его въ своихъ палатахъ. Обѣщаніе принято было съ благодарностію, но ѣхать въ городъ Адмиралъ отказался. — Сіе свиданіе кончилось тѣмъ, что де-Гама подарилъ владѣльцу плѣнныхъ Арабовъ, которыхъ онъ у себя имѣлъ. Магомешанской Государь, къ чести своего сердца, весьма радовался сему подарку и увѣрялъ, что ему не сполько бы пріятно было, естли бы онъ получилъ въ подарокъ еще такой же городъ, какъ Мелинда.

По помѣ владѣлецъ проѣзжалъ между кораблями и осматривалъ ихъ съ удивленіемъ. Удовольствіе его еще увеличилось, когда въ честь ему выпалено было изъ пушекъ, и онъ увѣрялъ, что Португальцы понравились ему больше всѣхъ людей, какихъ сполько онъ видалъ.

Нако-

Наконецъ, когда онъ хотѣлъ возвратишь-ся на берегъ, Адмиралъ долженъ былъ опустить съ нимъ двухъ изъ своихъ людей; въ залогъ за нихъ оставилъ онъ на кораблѣ своего сына и Кадія, или городского правителя.

На другой день Адмиралъ отправилъ-ся въ вооруженномъ боѣ къ берегу смотрѣть воинскихъ упражненій Арабской конницы. Вскорѣ прибылъ шуда и владѣлецъ, чшобы еще поговорить съ нимъ и просить его въ городъ, для того, что преспарелой и большой его отецъ весьма желалъ съ нимъ увидѣться. Онъ хотѣлъ самъ съ дѣшми своими оцѣпаться на кораблѣ до полъ, пока Адмиралъ возвратишь-ся изъ города. Но сей за нужное почелъ въ другой разъ отказать, и извинялся тѣмъ, что онъ не смѣетъ согласиться на его прозьбу, не имѣя на то позволенія отъ своего государя.

По томъ прошло два дни, въ которые де-Гама не слышалъ ничего о владѣцѣ, и началъ уже опасаться, не обидѣлъ ли его своимъ отказомъ, какъ владѣлецъ еще прислалъ къ нему знашнаго придворнаго чиновника съ новыми увѣреніями въ дружбѣ. Адмиралъ открылъ ему чиновнику свое опасеніе, кошорое

онъ основывалъ особливо на томъ, что
объщанной ему лопсманъ не былъ еще при-
сланъ. Чинovníкъ возвратился въ городъ,
и лопсманъ немедленно по томъ отпра-
вленъ былъ на корабль. И такъ казалось,
что владѣлецъ поступалъ съ Португаль-
цами безъ всякаго прищворства.

(Продолженіе сообщено будетъ въ
слѣдующей части.)

XIX.

Добродѣтельное семейство.

Въ Герцогствѣ Лопарингскомъ нахо-
дится пространная и изобильная долина.
Въ сей щасливой долинѣ живетъ въ че-
тырехъ или въ пяти домахъ одно семей-
ство сохраняющее одинакія правила и
почитающее своимъ начальникомъ того,
кого изъ нихъ старость и благоразуміе
дѣлаютъ достойнымъ сего преимущества.
Способствованіе общему благополучію,
воспитаніе дѣшей, вспомошествованіе не-
щасливымъ и прилѣжное обработываніе
земли суть упражненія благополучныхъ
Флеріошовъ (такъ называется сіе семей-
ство.) Старшіе изъ нихъ упражняются
еще

еще въ леченіи всякихъ наружныхъ болѣзней, и славятся весьма хорошимъ успѣхомъ въ семъ полезномъ искусствѣ. Непорочность и простота нравовъ и ненарушимое согласіе между ими служатъ предметомъ удивленія ихъ сосѣдовъ и дѣлаютъ ихъ щасливыми людьми.

Графъ Трезанъ, одинъ изъ знаменитѣйшихъ людей въ государствѣ, наслышавшись весьма много о благополучной жизни и добрыхъ дѣлахъ Флеріоновъ, захотѣлъ самъ посѣпить ихъ жилище и узнать, все ли справедливо, что о нихъ рассказываютъ. — Онъ поѣхалъ туда въ простомъ плащѣ и взявши съ собою одного только слугу. Вошедши въ первый домъ, съ удовольствіемъ увидѣлъ онъ вездѣ чистоту и порядокъ. Хозяева приняли его столь ласково и учтиво, что онъ восхищенъ былъ ихъ гостепріимствомъ и любви достойною услужливостію. Сии добрые люди упросили его ошобѣдать съ собою. Послѣ умѣреннаго и пріятнаго обѣда, удивлялся онъ домашней и сельской ихъ экономіи. По томъ хотѣлъ онъ навѣдаться о врачебномъ ихъ искусствѣ и спрашивалъ, есть ли у нихъ какія нибудь книги? Они ошвѣчали, что имѣютъ довольно книгъ, и ошвели его въ

другой домъ , къ старѣйшинѣ всего семейства , у котораго книги ихъ хранились.

Тамъ нашелъ онъ почтеннаго сѣдаго спарика , у котораго на лицѣ изображались ласковосшь и удовольствіе. Хотя онъ былъ такъ же , какъ и прочіе , только простой земледѣлецъ , однако жъ принялъ Графа весьма учтиво. Онъ былъ словохошенъ и по большей части предупреждалъ вопросы любопытнаго своего гостя. Графъ спросилъ его , у кого онъ учился врачебному искусству? „Хорошія книги и опышъ меня научили, отвѣчалъ спарикъ, и по томъ отворилъ большую комнату , въ которой были почти всѣ лучшія извѣстныя книги о врачебномъ искусствѣ. Также находилось шамъ нѣсколько скелетовъ , по которымъ можно было видѣшь , какъ сложены кости въ человѣческомъ тѣлѣ. — „Вотъ изъ чего мы учимся лечить нашихъ ближнихъ отъ разныхъ болѣзней , говорилъ спарикъ. „Дѣти наши еще на десятомъ году узнаюшъ составъ человѣческихъ костей. Онъ играя разбираюшъ скелетъ и опять складываюшъ его , какъ ему бышъ надобно. Когда овца или коза въ нашемъ спадѣ повредитъ себѣ ногу , то мы отдаемъ ее лечить нашимъ дѣшамъ , и сказываемъ , что имъ съ

съ нею дѣлать. Такимъ образомъ заблаговременно мало по малу научаются онѣ врачебному искусству, и современемъ могутъ и людямъ помогать. Такъ отцы наши насъ учили; такъ же и мы дѣшею нашихъ учимъ. Небо даетъ намъ свое благословеніе, и мы живемъ щасливо. „

Графъ обнялъ сего почтеннаго спарика, открылъ ему свое сосполніе и съ какимъ намѣреніемъ пріѣхалъ онъ въ ихъ долину, и просилъ, чшобъ Флеріоты требовали отъ него какой нибудь услуги, или награжденія. — „Господинъ Графъ! отвѣчалъ ему спарикъ, указывая на прекрасные свои сады и поля: „эпова, чшо вы видите, довольно для насъ. Мы не шолько сами недоспашка не терпимъ, но еще можемъ и помогать нещаснымъ. Лишнее изобиліе было бы намъ бесполезно, а можешъ быть и вредно; можешъ быть оно сдѣлало бы дѣшею нашихъ корысполюбивыми, роскошными и жестокосердыми. Скажите шолько Герцогу, когда вы его увидите, чшо мы его любимъ, спараемся быть вѣрными его подданными и печемся о ближнихъ нашихъ. „

Графъ Трезанъ обѣщалъ ему сказать сіе Герцогу. Онъ возвратился изъ щасливой долины уже поздно въ вечеру съ пріятными

ными чувствованіями и съ желаніемъ ,
чшобъ весь свѣтъ наполненъ былъ Фле-
ріюшами.

XX.

Пчела и муравей. Баснл.

По утру вѣ прекрасной лѣпній день
пчела лешала по песпрому лугу ; одна-
кожь не была она вѣ праздности , но
исполняла свою должностъ и пеклась о
своемъ домѣ. Она перелетала со цвѣтка
на цвѣпокъ , и обременяла свои ножки
желтымъ воскомъ , либо высасывала медъ
изъ липовыхъ цвѣтковъ , или пила слад-
кую росу съ бѣлыхъ жасминовъ.

Муравей смотрѣлъ на нее , и будучи
самъ доброй экономя , хвалилъ ея при-
лѣжностъ. — „ Я самъ шакъ же трудо-
любивъ , какъ и ты , говорилъ онъ : „ съ
неушомимымъ прилѣжаніемъ вырабоны-
ваю маленькія мои пещеры , дѣлаю глубо-
кіе подкопы подъ землю ; другимъ кажеш-
ся , что работа моя превосходитъ мои
силы. Я пекусь безпрестанно о своихъ
дѣтяхъ ; переносу ихъ день и мочь съ
мѣста на мѣсто ; строю имъ безопасныя
жилища , которыя защищаютъ ихъ отъ
стужи и жару , и приславляю къ нимъ
слугъ

слугѣ моихъ и работниковъ. Однако люди всегда меня гоняли. Когда я съ моими поварищами прихожу въ ихъ дома, то они поднимаютъ такой шумъ, какъ бы пришелъ къ нимъ непріятель; спараются истреблять насъ всѣми возможными способами; въ садахъ и на лугахъ разоряютъ наши жилища; похищаютъ нашихъ дѣтей, не давши еще имъ выродиться; часто обмазываютъ не знаю чемъ-то деревья, чшобы мы не могли доспавать съ нихъ себѣ пищи, копорую мы и безъ того съ великими шрудами доспаемъ. „ —

„ И ты этому дивишься? „ отвѣчала пчела: „ Сравни только мою работу съ своею. Ты спараешься пользоваться не только шѣмъ, чѣмъ напура всѣхъ живошныхъ снабжаетъ, но и шѣмъ, что уже другіе съ шрудомъ для себя собрали; похищаетъ чужой запасъ, подкапываетъ сады и луга, поршишь многія полезныя вещи, и для маловажной корысти дѣлаешь другимъ большой вредъ. Напрошивъ того я доспаю мой запасъ изъ цвѣшовъ, однако жъ не лишаю ихъ ни красоты, ни пріятнаго запаха. Ты ни съ кѣмъ не дѣлишь своей добычи; а я собираю больше для другихъ, нежели для себя.

Каку

Какую пользу воскъ и медъ мой приносятъ людямъ! — И пакъ не должны ли они меня защищать, а себя гнать? „ —

Различіе свойствъ пчелы и муравья часто и между людьми бываетъ. Нѣкоторые шрудятся весьма рачительно; однакожь при всѣхъ своихъ шрудахъ живутъ въ праздности. Какъ это можетъ спаться? — Они употребляютъ свое прилѣжаніе на безполезныя и ничего не значащія дѣла, хотя при томъ и принимающъ на себя важной видъ. — Другіе много работаютъ и собираютъ, но работаютъ и собираютъ только для себя, ни мало о другихъ не заботясь, да еще и стараются основывать свою выгоду на убыткѣ другихъ людей. — Которые изъ нихъ заслуживаютъ подражаніе? Ни шѣ, ни другіе. Напрошивъ того весьма достойно одобренія занимаешься такими вещами, которыя уваженіе заслуживаютъ, и приносятъ пользу ближнему пакъ же, какъ и себѣ.

К О Н Е Ц Ъ

С е д м о й ч а с т и и .

Содер-

Содержаніе седмой части.

Но 27. — I. Двѣ паспущескія повѣсти. 1. Меналкѣ и Алексисѣ. Стр. 3. — 2. Аминшѣ. Стр. 10. — II. О благодарности. Стр. 11. — III. Угрѣ и змѣя. Басня. Стр. 16.

Но 28. — IV. Разговорѣ о здоровѣѣ. Стр. 17. — V. Великодушное дѣло. Стр. 31.

Но 29. — Окончаніе разговора начашаго въ послѣднемѣ листѣ. Стр. 33. — VI. Добрыя дѣши; драма для дѣшей, въ двухѣ дѣйствіяхѣ. Стр. 37.

Но 30. — Продолженіе драмы, начашой въ послѣднемѣ Но. Стр. 65.

Но 31. — Добрыя дѣши, драма. (Окончаніе.) Стр. 81. — VII. О нѣкоторомѣ ядовитомѣ деревѣ, находящемся на островѣ Явѣ, въ Ост-Индіи. Стр. 101. — VIII. Анекдотѣ. Стр. 110. — IX. Двѣ басни. Стр. 111.

Но 32. — X. О огнедышущей горѣ Везувіи. (Изѣ письма одного путешествовавшаго Англичанина. Стр. 113.) XI. Дошпопамятная повѣсть о нѣкоторомѣ Шошландцѣ, жившемѣ нѣсколько лѣтъ на пустомѣ островѣ. Стр. 116. — XII. Анекдотѣ. Стр. 122. — XIII. Жадность

къ корысти и неблагодарность. Воспощная сказка. Спр. 123.

Но 33. — XIV. Плачевныя слѣдствія пристрастія къ игрѣ. Спр. 129. — XV. Добродѣтельной сынѣ. Спр. 137.

Но 34. — Окончаніе повѣсти, начатой въ послѣднемѣ листѣ. Спр. 145. — XVI. Разговорѣ. Спр. 149. — XVII. Сова и другія пщицы. Басня. Спр. 159.

Но 35. — XVIII. Путешествіе Васко де-Гамы въ Осп-Индію. Вспупленіе. Спр. 161. — 1. Путешествіе изѣ Белема къ мысу Доброй Надежды, и опшуда къ Мозамбику, что при Воспощномѣ берегѣ Африки. Спр. 165.

Но 36. — Путешествіе Васко де-Гамы въ Осп-Индію. (Продолженіе.) Спр. 177. — 2. Пребываніе въ Мозамбикѣ. Путешествіе опшуда въ Калекупѣ, что на Малабарскомѣ берегѣ въ Осп-Индіи. Спр. 182.

Но 37. — Путешествіе Васко де-Гамы въ Осп-Индію. (Продолженіе.) Спр. 193. — XIX. Добродѣтельное семейство. Спр. 200. — XX. Пчела и муравей. Басня. Спр. 204.